

Петр Григорьевич Григорьев (также известный как Григорьев 2-й; 1807—1854) — русский актёр и драматург. В 1829 г. окончил Петербургское театральное училище. В 1831 году был принят актёром в Александринский театр. Исполнял характерные и бытовые роли. По свидетельству Театральной энциклопедии, обладал даром комедийной импровизации. Известность его началась с каратыгинского водевиля «Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони»; играя в нём выходную роль купца, Григорьев часто вставлял свои импровизации, с разрешения императора Николая.

Роли: «купец с Апраксина рынка» в водевиле «Ложа первого яруса на последний дебют Тальони», первый исполнитель Яичницы в Гоголевской «Женитьбе» 9 декабря 1842 года, Русаков — «Не в свои сани не садись» Островского и др.).

Кроме того, написал свыше 30 комедий и водевилей, карикатурно отобразивших низкие слои русского общества и широко ставившихся на сценах 30-40-х гг.

ЛУЧШАЯ ШКОЛА--ЦАРСКАЯ СЛУЖБА.

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ПРОЛОГОМЪ И ЭПИЛОГОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

П. ГРИГОРЬЕВА 2. *

* Теперь, когда даровитого автора этой драмы не стало, мы сочли приличнымъ ознакомить читателей съ его послѣднимъ произведеніемъ, которое имѣло такой огромный и заслуженный успѣхъ на русскихъ сценахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПРОЛОГѢ:

АНТОНЪ БИРЮЧЪ, выборный.

Горюшковъ 1.

ПАРАША, его дочь.

Самойлова.

ЛУКЪЯНЪ СКУЛА, зажиточный крестьянинъ.

Григорьевъ 1.

ӨОМКА, его сынъ.

Разказовъ.

МИХАЙЛО ЗУДА, цѣловальникъ.

Зубровъ.

АКУЛИНА, бѣдная вдова.

Линская.

СТЕПАНЪ, ея сынъ, прозванный Кезыремъ.

Самойловъ.

Дѣйствіе въ 1810 году.

П Р О Л О Г Ъ .

Большое село; съ правой стороны домъ Антона Бирюча, съ лъвой изба Зуды, утыканная елками и надъ дверями надпись: питейный домъ.

I.

ПАРАША (*выходитъ изъ дома, съ ведрами*). Охъ! сердечушко вотъ такъ и занываетъ!.. Ну что, коли да батюшка осердчаетъ? что, коли онъ откажетъ Степану?.. Погубить онъ наши головушки ополынить жизнь горькой горечью!.. Да нѣтъ, можетъ статья, Степа и уговорить его, вѣдь онъ грамотный, рѣчи у него медовыя... А все какъ-то боязно! Ужъ я нарокомъ и по воду ушла, чтобы не мѣшать имъ. (*Со вздохомъ*). Помоги Господи! Ахъ, кабы да на батюшку нашелъ часъ добрый, и даль-бы онъ Степанушкѣ свое слово крѣпкое, необлыжное. А ужъ какъ онъ любитъ-то меня — ужаси! Прежде маленечко, правда, хмѣльнаго придерживался, а ужъ теперича, вотъ съ Егорьева-дня, два лѣта будетъ, какъ спознался со мною, и капли въ ротъ не беретъ! Такой, право, желанный! (*Опомнившись*). Одначе, что-же это я по воду-то нейду, вѣдь негоже, коли добрые люди увидятъ; вотъ скажутъ: «Парашка-то Антонова бездомовница! для та, что сложивши руки на улицѣ стоитъ, словно розиня какая!» (*Хочетъ идти*).

II.

ПАРАША, ЛУКЪЯНЪ и ѲОМКА.

ЛУКЪЯНЪ (*Ѳомкѣ*). Ступай-же, ступай, тебѣ говорятъ; чаво тамъ буркалы-то вытаращиль?

ПАРАША. Ахти! никакъ это Лукьянъ Фирсовъ съ сыномъ! Ужъ

не къ намъ-ли ихъ нелегкая несетъ! Вотъ не во-время гость хуже татарина!

Лукьянъ (*увидя Парашу*). А! Парасковья Антоновна! По-добру ли, по здорову-ли?

Параша. Здравствуй, Лукьянъ Фирсовичъ.

Лукьянъ. Куда путь держишь, дѣвица красная?

Параша. Да что ты ослѣпъ что-ли? Вѣдь видишь, что я съ ведрами, такъ стало не косить собралась, а по воду.

Лукьянъ. Фу ты, какая занозливая! Ужъ и слова-то путемъ не вымолвить. Кажись, мы съ твоимъ батюшкой, что ни на есть, то есть, самые закодычные благопріятели. Дома-ли онъ?

Параша (*всторону*). Ну такъ и есть, что они къ намъ собрались. (*Лукьяну*). Дома-то дома, да только что ему теперича не время, у него гость сидитъ.

Лукьянъ (*обидясь*). Такъ что-жъ — что гость? Вѣдь и мы не за милостьюшей пришли.

Параша (*всторону*). Кажись, я его осердила, вѣдь экая напасть какая! Ну, что ежели да онъ батюшкѣ нажалуется... (*Лукьяну ласково*). Вѣдь я, Лукьянъ Фирсовичъ, не въ обиду тебѣ молвила, а такъ ужъ... непригожее слово такое безъ моей воли съ языка сорвалось.

Лукьянъ. То-то же и оно-то: слово, Парасковья Антоновна, не воробей, выпустишь—не поймаешь.

Параша. Да ужъ ты, пожалуйста, Лукьянъ Фирсовичъ, прости меня неразумную; родимому-то не сказывай.

Лукьянъ. Ладно! Только ужъ и ты, гляди, отъ насъ напередки рыла не отворачивай; можетъ-статься, и намъ до тебя нужда прилучится.

Параша. Ужъ ты только скажи, все по твоей волѣ выполняю.

Лукьянъ. Ой-ли? Ахъ ты разумница посеребренная! (*Обращаясь къ Фомкѣ, который во все это время стоялъ вдали и смотрѣлъ по сторонамъ*!) Эй! ты, войлокъ!.. (*Молчаніе*). Хомка! Хомка!..

Фомка (*оборачиваясь*). Ну, что-тѣ тамъ?

Лукьянъ. Подъ сюда, свиное рыло! (*Съ сердцемъ*). Экой окомелокъ! Экой оборотень!

Параша (*Лукьяну*). Такъ ужъ прошу не прогнѣваться, Лукьянъ Фирсовичъ, а я пойду по воду.

Лукьянъ. Ступай, ступай, моя кралячка, да только воротись поскорѣче.

Параша. Разомъ вернусь. (*Уходитъ*).

III.

ЛУКЪЯНЪ и ОМКА.

Омка (*кричитъ*). Знатно, знатно! Не поддавайся, Антронка! не поддавайся! За хвостъ-то его бородатаго!

Лукьянъ. Да чаво ты, дурья голова, пастъ-то разинулъ? Коего лѣшаго тамъ увидалъ?

Омка (*подходитъ къ отцу*). Смѣхоты, братъ бачька, да и только! Антронка козла раздразилъ, да эвона какія съ нимъ колынца откалываетъ.

Лукьянъ. Ничего-то ты не смыслишь. Невѣста мимо прошла, а ты и шапку заломилъ и поклону не отдалъ. Эка дубина березовая!

Омка. Да когда тутъ невѣсть кланяться, коли на козла глядѣль.

Лукьянъ. Самъ ты глупый козелъ!

Омка. Нѣтъ, братъ бачька, эвоя, у меня еще и борода не выросла.

Лукьянъ. Нишкни, обломъ! коли Богъ разуму не далъ.

VI.

ТЪ-ЖЕ и ЗУДА выходятъ изъ своего дома.

Зуда. Никѣмъ никого! Что ты станешь дѣлать? Хошь торговлю бросай... (*Увидя Лукьяна и Омку*). Э! да вонъ, кажись, Лукьянъ Фирсовъ съ сыномъ, не зайдетъ-ли развѣ онъ... Да нѣтъ, коли съ сыномъ, такъ не пойдетъ, побоятся, что женъ расскажетъ. Попытаюсь иначе. (*Подходитъ къ нимъ*). Доброга здоровья Лукьяну Фирсычу!

Лукьянъ. А! Михайло Перфильевичъ! Какъ живете можете?

Зуда. Да такъ себя: перемпинаемся съ ноги на ногу.

Лукьянъ. Хорошее дѣло: живите подольше, да добрѣйте потолще.

Зуда. Куда ужъ намъ, Лукьянъ Фирсычъ! Не до жиру, быть-бы живу. Да что это, благопріятель, совсѣмъ забылъ насъ? Мимо ходишь, а ко мнѣ не завернешь. Аль дорога запала, али я чѣмъ разогорчилъ тебя!

Лукьянъ. Что ты, что ты, Михайло Перфильичъ! Господь съ тобой! Я твоей ласкою завсегда доволенъ.

Зуда. А коли доволенъ, такъ вотъ-бы теперича и забрелъ: мы-бы съ тобой выпили, да и покалякали.

Оомка (*тихо отцу*). Бачька! не ходи въ кабакъ, маткъ скажу.

Лукьянъ (*тихо Оомкѣ*). Отвяжись! (*Зудъ*). Нѣтути, поштенный, теперичко-то не можемъ, для та, что дѣло есть, а вотъ развѣ ужотко зайду.

Зуда. Полно, какое у тебя дѣло! Пойдемъ, выпьемъ.

Лукьянъ. Нѣтъ, ужъ пожалуйста, не принуждай; право-те слово, дѣло есть!..

Зуда. Да что за оказія такая! Что тебя не старостой-ли сдѣлали?

Лукьянъ. Нѣтути. Но сынка сватать веду.

Зуда. Сватать!.. На комъ?

Лукьянъ. Да смѣкаль было на Парашъ Бирючевой? Не въдаю только, поладимъ-ли со старикомъ-то.

Зуда. Какъ, чай, не поладить: за экова парня любую дѣвку отдадутъ. (*Всторону*). Я-бы и кошки не выдалъ.

Оомка (*отцу*). Слышь, бачька? Эво какъ меня цѣловальникъ-то хвалить.

Лукьянъ (*Зудъ*). Опо знамо дѣло, что въ разсужденіи нравости, алн красивости супротивъ его не найдешь. (*Поворачивал Оомку*). Эвось, какой лихачъ!

Оомка (*смѣется самодовольно*). Да ужъ казанокъ, да и только!

Лукьянъ. А все боязко; для та, что Антонъ-то Анкудинычъ человекъ съ норовомъ.

Зуда. Такъ вотъ-бы ты зашелъ ко мнѣ, да и вышилъ для храбрости.

Лукьянъ. Нѣтути, ужъ пожалуйста не сманивай! Ужотко, коли Богъ дастъ, порышимъ дѣло, такъ я со сватомъ приду; тебѣ-же барыша больше будетъ.

Зуда. Ну итъ какъ себѣ знаешь; я приневоливать не хочу.

Оомка. Бачька! Да полно тебѣ снопы-то возить! Пойдемъ что-ли?

Лукьянъ. Пойдемъ, пойдемъ. (*Всторону*). А вышить-то куда-бы того (*Зудъ*). Прости, покулева, Михайло Перфильичъ.

Зуда. Прощай, прощай, ~~благодѣтель~~! Гляди-же, не забудь.

Лукьянъ. Какъ можно забыть. (*Всторону*). Эхъ! такъ бы вотъ и хватилъ! (*Уходятъ съ сыномъ въ домъ Бирюча*).

V.

ЗУДА одинъ, смотритъ вслѣдъ ушедшимъ и хохочетъ.

Ха, ха, ха! Эхъ я его разлакомилъ! Пущай только придутъ:

такъ я, мало того, что стариковъ напою, какъ зюзей, да и сына-то упаточу. Разбойники! Грабители! Вишь, словно цѣлое село сговорилось, да и пить перестало! Прощалыжники! Что мнѣ изъ-за васъ съ голоду умирать что-ли? А все это по наущенію новаго старосты... Ахъ, ужъ этотъ мнѣ староста!

VI.

ЗУДА и ПАРАША.

Зуда (*увидя Парашу*). Парасковъ Антоновъ наше почтеніе!

Параша. Здравствуйте, Михайло Перфильчъ.

Зуда. Знать по воду ходили-съ?

Параша. По воду. А что Михайло Перфильчъ, ты ужъ давно на улицъ-то стоишь?

Зуда. Давненько-съ.

Параша. Не видаль-ли ты, изъ нашей избы никто не выходилъ?

Зуда. Нѣтъ, выходить не выходилъ; а вотъ входитъ такъ входилъ.

Параша. А кто-бы такой.

Зуда. Лукьянъ Скула съ сыномъ Фомкой.

Параша. Про этихъ-то я знаю; они со мной встрѣтились.

Зуда. А знаешь-ли ты, Парасковья Антоновна, зачѣмъ они пришли къ вамъ?

Параша. Почѣмъ мнѣ знать.

Зуда. Ужъ будто и не знаешь?

Параша. Да право-же не знаю; вѣдь я не колдунья.

Зуда. Жаль мнѣ тебя, Парашенька, больно жаль!

Параша. Эка Господи, да что такое сдѣлалось? Молви Михайло Перфильчъ, не стращаючи.

Зуда. Ну, такъ вѣдай-же... да нѣтъ, языкъ не поворотится!.. Ты испужаешься.

Параша (*съ испугомъ*). Голубчикъ, Перфильчъ! Не томи души, скажи однимъ разомъ.

Зуда. Вѣдь Скула-то пришелъ къ вамъ не спроста, а тебя сватать.

Параша (*съ испугомъ*). Что ты молвилъ!.. Да за кого?

Зуда. За своего сына, дурака Фомку.

Параша (*съ отчаяніемъ*). Господи!

Зуда. А ты сама знаешь: онъ мужикъ зажиточный, такъ недиво, что отецъ твой и по рукамъ ударить.

ПАРАША (*съ отчаяніемъ*). Боже милостивый! умилосердись надо мною!.. Да нѣтъ, нѣтъ. Я не пойду за него.

ЗУДА. Полно! За кого отецъ прикажетъ, за того и выйдешь...

ПАРАША (*перебивая его*). Ни за кого, кромѣ моего Степана!

ЗУДА. А коли принудятъ?

ПАРАША (*рѣшительно*). Такъ я утоплюсь! (*Убѣгаетъ въ домъ*).

VII.

ЗУДА одинъ, смотритъ вслѣдъ убѣгающей Параша, и послѣ нѣкотораго молчанія говоритъ.

Утоплюсь! утоплюсь!.. А нѣтъ, чтобы сказать: я съ горя пить начну!.. Глупый народъ эти бабы! Ей Богу, глупый!.. Толи дѣло мужчины: у мужика коли прилучилось какое-нибудь горе, такъ онъ сейчай-же и за чарку примется: и ему весело, да и нашему брату прибыльно!

АНТОНЪ (*за кулисами*). Вонъ! Вонъ! Чтобъ и духу твоего не пахло!

ЗУДА (*оглядываясь*). Это что за оказія!.. Кого это Антонъ такъ дружески выпроваживаетъ? Ужъ не новыхъ-ли сватовъ?

VIII.

ЗУДА, АНТОНЪ, СТЕПАНЪ, ПАРАША и **БОМКА** въ окнѣ.

АНТОНЪ (*выталкивая Степана изъ дверей*). Воцъ! говорятъ тебѣ, щелопырникъ ты зэтакъ!.. Вонъ! голякъ нищенскій!

СТЕПАНЪ. Богъ тебѣ судья, Антонъ Анкудинычъ! Богъ тебѣ судья. Дашь ты отвѣтъ на страшномъ судѣ!

АНТОНЪ. Такъ ты еще вздумалъ стращать меня! Вотъ я тебя!

БОМКА (*изъ окна*). За волосья-то его! За волосья-то за курчавые!

СТЕПАНЪ (*схватываетъ палку, стоящую у воротъ и замазывается на Антоца*). Прочь! али однимъ ударомъ духъ вышибу!

ПАРАША (*выбѣгаетъ и останавливаетъ Степана*). Степанъ! что ты дѣлаешь? Онъ мнѣ отецъ!

СТЕПАНЪ. Параша!.. Господи! прости мое великое прегрѣшеніе. (*Роняетъ палку*).

АНТОНЪ (*Парашъ*). Ты какъ посмѣла выйти? Тебя кто звалъ? (*Толкаетъ ее*). Домой, домой, безстыдница! (*Выталкиваетъ Парашу въ домъ*). А съ тобой я еще перевѣдаюсь!

СТЕПАНЪ (*бросаясь въ ноги Антоцу*). Я виноватъ передъ тобою,

Антонъ Анкудиновичъ! Бей меня! прибей до полусмерти! да только не лишай меня моею радости, моего счастья!

Вонка (*въ окнѣ*). За волосья-то его! За волосья-то! покуля лежитъ.

Антонъ (*отталкивая ногою Степана*). Прочь! червякъ пресмыкающій! (*Уходитъ въ домъ*).

IX.

СТЕПАНЪ и ЗУДА.

Зуда. Экая исторія!

Степанъ (*вскакивая*). А! такъ тебя не тронули ни мольбы, ни просьбы, ни покорность моя!.. Будь-же ты проклятъ! алтынная душа... (*Опониаясь*). А Параша? Господи! сохрани ее и помилуй. А матушка?.. Ну, что будетъ, то будетъ, а ужъ я не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ! (*Хочетъ идти*).

Зуда (*всторону*). Авось, съ горя-то и выпьетъ. (*Подходитъ къ Степану*). Степанушка, здорово!

Степанъ. Здорово, братъ, Миша, да и прощай (*Хочетъ идти*).

Зуда. Постой, куда торопишься? Покалякаемъ.

Степанъ. Нѣтъ, мнѣ некогда... прощай!

Зуда. Полно, погоди! Ну куда тебя Богъ несетъ?

Степанъ. Куда глаза глядятъ! А ближе всего въ воду.

Зуда. Что ты, что ты, Господь съ тобой. Угорьлъ что-ли?

Степанъ (*со вздохомъ*). Да, братъ, поддали пару добрые люди, зачадили головушку такимъ угаромъ, что чуть не лопнетъ.

Зуда. Еще ладно, что шею не намылили.

Степанъ (*не слушая его*). Владыко милосердый! Для чего я два года работалъ больше лошади? Для чего я радовался каждой выработанной конейкѣ? Для чего я терпѣлъ голодь и холодь, чтобы скопить эти триста рублей? Какъ для чего? Для того, чтобы богатый мужикъ съ бранью да съ позоромъ выгналъ изъ дому! Вотъ для чего. (*Плачетъ*).

Зуда (*всторону*). Жалко его, милаги. Надо поднести чарочку, авось полегче будетъ; благо-же у него и деньги есть съ собою. (*Степану*). Степа! Да что съ тобой попритчилось?

Степанъ (*съ отчаяніемъ*). Что?.. То только и есть, что добрые люди разстерзали твердую грудь и вырвали сердце, псамъ на съденье!

Зуда. Ну, братъ Степа, воля твоя, а я что то въ толкъ не возьму. Расскажи потолковье.

СТЕПАНЪ. Разсказать?.. Изволь!

Жилъ на свѣтѣ былъ добрый молодець,

Онъ любилъ душой красну дѣвицу,

Что ни первую раскрасавицу!

Онъ не день любилъ, ни недѣлюшку,

А любилъ ее ровно два года.

Красна дѣвица то примѣтила,

На любовь его отвѣтила.

Они встрѣнулись, объяснились,

И колечками обмѣнились.

Парень счастливый, парень радостный,

Побѣжалъ къ своей родной матушкѣ,

Просить онъ благословенія,

Полетѣлъ стрѣлой къ отцу суженой,

Поклонясь ему, рѣчью вылился:

Дочь твою люблю пуще жизни всей!

И она меня любить молодца.

Будь-же мнѣ отцомъ, вмѣсто роднова,

И позволь идти подъ златы вѣнцы!

Съ этимъ словомъ онъ въ ноги грохнулся (Молчаніе).

Зуда.

Что-же сдѣлалъ тутъ, сударь батюшка?

СТЕПАНЪ.

Оттолкнулъ ногой, словно гадяну!

И возговорилъ зычнымъ голосомъ:

Что не выдастъ дочь онъ за нищаго!..

Зуда. Ахъ, чтобъ его лыско съѣлъ! (Небольшое молчаніе).
Да съ кѣмъ-же приключилась такая оказія?

СТЕПАНЪ. Съ кѣмъ?.. Со мною! (Рыдаетъ).

Зуда (утѣшаетъ его). Полно, полно, Степанушка, что ты это, словно баба разрюмился.

СТЕПАНЪ. Я, баба?!.. Да, братъ Миша, ты правду говоришь; другой-бы на моемъ мѣстѣ ужъ давно... прощай, Миша. (Хочетъ идти).

Зуда (останавливалъ его). Ну вотъ, ну вотъ и пошелъ дурака строить! Ну куда ты пойдешь?

СТЕПАНЪ. Въ рѣку! Прямо въ рѣку!

Зуда. Полно, захлебнешься! А ты вотъ лучше вылей-ко маленько водочки, такъ все какъ рукой снимемъ.

СТЕПАНЪ. Водки!.. Господи! два года Ты сохранялъ меня отъ искушенія, а теперь... (*Зудь*). Давай мнѣ крѣпкой водки! Давай мнѣ сулемы, чтобъ задохнуться!

ЗУДА. Вотъ и ладно, вотъ и умникъ; а у меня-же есть на-стончка изъ шестнадцати травъ; то-есть, такая, что сама въ горло просится.

СТЕПАНЪ. Пойдемъ! пойдемъ! Деньги есть, копить некому, (*Обращаясь къ дому Антона*). Параша! Параша. Ты была до-сей-поры моимъ хранителемъ, да разлучилъ насъ люди недобрые... Э! пить, такъ пить напропалую! (*Убѣгаетъ въ домъ Зуды*).

ЗУДА (*одинъ*). Вотъ и почишь. (*Уходитъ за Степаномъ*).

X.

АКУЛИНА выходитъ съ правой стороны.

Нѣтъ, не вытерпѣло сердечушко, чтобы не спровѣдать объ моемъ родномъ чадушкѣ! Что-то ему, моему голубчику, поща-стливилось-ли? Охъ! ажно душенька замираетъ!.. Антонъ Анкудиновпчъ мужикъ богатый, врядъ-ли онъ дастъ свое соизво-леніе...

ЛУКЪЯНЪ (*за кулисами*). Да полно, сватушка, серчать-то! Ну наплевать ему!

АКУЛИНА (*прислушиваясь*). Кажись, это изъ Антоновой избы рѣчи слышатся.

АНТОНЪ. Да какъ онъ только могъ! Да какъ онъ осмѣлился подумать, чтобы я единородную дочь свою выдалъ за Степ-ку нищаго?

АКУЛИНА. Охъ! кажись разговоръ ведутъ объ моемъ Степануш-кѣ... (*Прислушиваясь*). А его голосочка не слышать!.. Гдѣ-же онъ, мое дитяtkо милое?

XI.

АКУЛИНА, АНТОНЪ, ЛУКЪЯНЪ и ФОМКА выходятъ изъ дома Антона.

ЛУКЪЯНЪ (*обнявшись съ Антономъ*). Ну, прахъ его побери! Ну вѣдь выгнать, такъ чего тутъ еще?

АНТОНЪ. Нѣтъ, Лукьянъ Фирсовичъ, не того онъ стоитъ; его-бы надобно порядкомъ проучить.

ФОМКА. Такъ вѣдь я давеча кричалъ: за волосья-то его, за волосья-то! Такъ чего-жъ ты думаль?

Антонъ (*въ сильномъ азартѣ*). Степка голышъ осмѣлился! Степка голышъ могъ подумать, чтобы я выдалъ за него дочь!.. (*Поетъ*). Тѣфу, ты пропасть!..

Акулина (*подходитъ гордо къ Антону*). А для ча-бы ему и не подумать? для ча-бы ему и не присвататься? Что у тебя дочь-то енеральша что-ли какая?.. (*Вся отступаютъ и смотрятъ на нее съ удивленіемъ*). Что зенки-то вытаращили?

Антонъ (*послѣ нѣкотораго малманія*). Ахъ, ты старая вѣдьма! Ты взялась откудова?

Акулина. Изъ Чудова! Вотъ вцѣлюсь тебѣ въ бороду рыжему, да такъ на ней и повисну.

Антонъ (*замахиваясь на нее палкой*). Что ты, что ты, старая корчага! Да я тебя!..

Лукьянъ (*останавливая его*). Полно, сватушка, ну что хорошаго связываться съ бабой! Вѣдь ужъ извѣстное дѣло: старая баба шуту сродни.

Антонъ (*вырываясь отъ Лукьяна*). Нѣтъ, свать, воля твоя, а ужъ я не потерплю экова сраму, не понущу, чтобы нищая надо мною наругалась?

Лукьянъ. Да перестань ерошиться! Али не знаешь, что у бабы водось дологъ, да умъ коротокъ.

Антонъ. Такъ я ей волосъ-то оборву, а ума приставлю.

Акулина. Сунься только! Попробуй, коли бороды не жаль!

Лукьянъ (*Антону*). Пойдемка-съ лучше, да выпьемъ за наше сватовство.

Антонъ. И то правда! Объ экую лядащую не стоитъ и рукъ марать.

Вомка (*отцу*). Экой ты, бачька! Ну пошто ты ихъ разнялъ? Пушай-бы подралсъ, а мы-бы поглядѣлп.

Лукьянъ. Идемъ, свать, магарычи запивать.

Вомка (*отцу*). Бачька! А мнѣ поднесешь? Такъ маткѣ не скажу.

Антонъ. Про всѣхъ хватить, Хомушка писанной. (*Вся трое обнимаются и такимъ образомъ идутъ къ дому Зуды*).

Акулина. Захлѣбнуться-бы вамъ. Поперхнуться-бы вамъ!

Вомка (*оборачиваясь*). Да вотъ ладно: мы-то выпьемъ, а ты облизывайся; я то женюсь, а Степка-то твой несолоно хлѣбалъ. (*Подходитъ къ дому Зуды, въ это время двери отворяются и на порогъ является Степанъ*).

ХИ.

ТЪ ЖЕ, ЗУДА и СТЕПАНЪ пьяный, съ полуштофомъ въ рукахъ.

СТЕПАНЪ. Куда?.. Въ кабакъ?.. Назадъ!.. *(Всѣ отступаютъ)*.
Не пущу въ кабакъ!.. Мой кабакъ! Все вино скупили! Одниъ
выпью, а вамъ и понюхать не достанется.

АКУЛИНА *(всторону)*. Господи!.. Да это мой Степанушка!

СТЕПАНЪ *(кричитъ)*. Цѣловальникъ!.. Мишка!

ЗУДА *(вбѣгая)*. Что? что тебѣ требуется, Степанъ Селивер-
стовичъ?..

СТЕПАНЪ. Давай вина! Давай вина!.. Эхъ, гуляю!.. Гуляй!..

ЗУДА. Да вѣдь вотъ у тебя полуштофъ-то въ рукахъ.

СТЕПАНЪ. Негодится! *(Бросаетъ полуштофъ)*. Давай другой!
(Поетъ).

Удалая голова,
Не ходи мимо села,
Не прокладывай слѣда.

(Подходитъ къ Антоу). Ты что?.. А?.. У тебя дочь краси-
вая?.. Брови черныя?.. А у меня вино!.. Ты думалъ, что я за-
плачу?.. Нѣтъ, я.. *(Обращаясь къ дому Антона)*. Параша!.. не
грусти, Параша... эво я какой веселый! Эхъ ты!.. *(Приплясываетъ)*.

АКУЛИНА *(всторону и со слезами)*. Владыко Милостивый! Вотъ
что съ нимъ сдѣлали злодѣи!

СТЕПАНЪ *(Антоу)*. Я тебѣ давеча въ ноги кланялся, а ты ме-
ня оттолкнулъ... Хошь теперь выволочку задамъ?.. *(Насту-
паетъ на Антона)*. А?.. Хошь что-ли? Такъ и поднесу подъ
микитки!

АНТОНЪ *(струсивъ, перебѣгаетъ на другую сторону)*. Отвяжись,
разбойникъ!

ВОМКА *(кричитъ)*. Карауль, карауль!

СТЕПАНЪ *(хохочетъ дико)*. Ха, ха, ха! А! что?.. Трису празд-
новать!.. Вотъ я васъ!..

АКУЛИНА *(всторону)*. Ахъ, онъ совсѣмъ обезумѣлъ!.. *(Подхо-
дитъ къ Степану)*. Степанушка! голубчикъ!

СТЕПАНЪ *(увидя мать)*. Матушка!.. *(Бросается ей въ ноги)*.
Прости меня, окаяннаго! Согрешилъ я передъ тобою! Виновать
я передъ тобою!.. *(Горько плачетъ)*.

АКУЛИНА *(плачетъ и поднимаетъ его)*. Нѣтъ, дитятко, не ты
виновать, а злые люди; они позавидовали нашему счастью, они
тебя испортили.

СТЕПАНЪ. Такъ, матушка, такъ... Выпьемъ, родная, веселье будетъ!.. (*Кричитъ*). Эй! цѣловальникъ! давай сюда, для родимой что ни на есть лучшей наливки, а для меня горькучи!

АКУЛИНА (*цѣлуетъ его*). Полно, косатикъ мой, полно; пойдемъ лучше домой.

СТЕПАНЪ. Домой! по что?.. вѣдь дома вина нѣтъ?

АКУЛИНА. Будетъ, соколикъ мой, все будетъ.

СТЕПАНЪ. Ой-ли?.. Ну, инъ пойдемъ... (*Подходитъ къ Антону*). Ты... Ваша милость! Рыжая борода! Что сычемъ-то смотришь? (*Снимаетъ кольцо съ пальца*). Вотъ это колечко подарила мнѣ твоя Параша, отдай ей назадъ, а то я и его пропью. (*Бросаетъ кольцо*). Подымай! (*Акулинъ*). Пойдемъ, родимая (*Запѣваетъ*).

Ужъ какъ нѣтъ у насъ такого молодца,

Какъ Степана Селиверстовича!

(*Свищетъ*). Ой, гуляй!.. (*Уходитъ съ Акулиной*).

АНТОНЪ (*посль нѣкотораго молчанія*). Экой разбойникъ.

ЛУКЪЯНЪ. Экой оборотень.

ВОШКА (*вслѣдъ уходящему Степану*). Воровская петля!

АНТОНЪ. Экой пьяница!

ЛУКЪЯНЪ. Что ужъ и говорить! Пойдемъ-ка, свать, да съ перереполоху-то выпьемъ.

АНТОНЪ. Выпьемъ, сватушка, выпьемъ. (*Кричитъ*). Эй! цѣловальникъ!

ЗУДА (*въ дверяхъ*). Что приказать изволите?

АНТОНЪ. Штофъ зеленчаку!

ЗУДА (*отворяя двери*). Милости просимъ, гости дорогие.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ и ОПОЛЧЕНІЕ.

При открытіи занавѣса ночь.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ АКТАХЪ.

ИВАНЪ ЛЬВОВИЧЪ ЧУБАРОВЪ, полковникъ.

Сосницкій.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ МАЙСКОЙ, богатый помещикъ.

Славинъ.

АННА ЛЬВОВНА, его жена.

Громова.

АЛЕКСАНДРЪ.)

Соколовъ.

НИКОЛАЙ.)

Волковъ 1.

ЕЛИСАВЕТА МИХАЙЛОВНА ДОНЦЕВА, сирота, воспитывающаяся у Майскихъ.

НОСКОВЪ, подпоручикъ, партіонный офицеръ.

АНДРЕЙ, слуга Майскаго.

ОГНЕВЪ, фельдфебель.

МИХАЙЛО ЗУДА, маркитантъ.

ГАВРИЛО СТЕПАНОВЪ РЕЦЕПТУРИНЪ, уѣздный лекаръ.

АНТИПЪ СИДОРОВЪ, стставной фельдфебель

ИГНАТЬИЧЪ, староста.

ГАВРИЛО МАКСИМОВЪ, десятскій.

ДАНИЛО ДЕРГАЧЪ.

СЕВАСТЬЯНЪ СТАРЦЕВЪ.

ПРОКОФІЙ НЕУЛАДЪ.

ЛУКЪЯНЪ СКУЛА.

АНТОНЪ БИРЮЧЪ, выборный.

ПАРАША, его дочь.

СТЕПАНЪ КОЗЫРЬ.

ВАСИЛІЙ.

СЕМЕНЪ.

ПЕТРЪ.

АЛЕКСѢЙ.

ӨОМКА.

ЕРЕМКА. } дѣти Лукьяна.

Сынъ СЕВАСТЬЯНА.

Крестьяне, крестьянки, дѣти, солдаты и ополченные.

(Дѣйствіе въ 1812 году, въ сентябрь мѣсяцъ).

Варламова.

Чайской.

Фальевъ.

Максимовъ 2.

Зубровъ.

Прусаковъ.

Григорьевъ 1.

Вороновъ.

Рупини.

Сосновскій.

Захаровъ.

Чайскій.

Григорьевъ 2.

Горшенковъ,

Самойлова.

Самойловъ.

Семеновъ.

Байковъ.

} Молодые крестьяне.

Өедоровъ.

Рамазановъ.

Разказовъ.

Кузьминъ.

Старцевъ.

I.

СИДОРОВЪ выходитъ съ правой стороны, оглядывается и прислушивается.

Нѣтъ ни слуху, - ни духу! Что-жь-бы это за оказія такая!.. Ужь не спятились-ли мои молокососы? Не вздумали-ли трусу праздновать?.. Не можетъ того статья! Я ихъ такъ вымуштровалъ, такъ разлакомилъ, что они нетолько что Француза, да и самого нечистаго въ дугу согнуть! Эхъ, народецъ русскій! Чего только изъ тебя нельзя сдѣлать! Хоть правду сказать, въ заморскихъ государствахъ и зовутъ насъ медвѣдями, да вѣдь это только потому, что сами-то они на зайцевъ смахиваютъ. Э-эхъ, заморщина, заморщина! Тебѣ-ли съ нами тягаться! Хоть ты и пожаловала къ намъ въ гости, да глодать-то будешь одиѣ кости. Ты думаешь, что ужь коли въ Москву вошла, такъ вотъ такъ тебѣ и хлѣбъ-соль вынесутъ? Шалнишь, Антошка, ножку наколешь! Знаешь мы, что вашъ Бонапартъ мужикъ

разумный, воинъ храбрый. Да только вотъ что въ немъ неладно: глаза-то ужъ больно завидущи!.. А на насъ и досадно стало: «Какъ, дескать, такъ, надо всеми я большой, одна только Россія передо мной шапки не ломаетъ и фрунту не дѣлаетъ! Вотъ я ее ужо!» Какъ-бы нетакъ. Нѣтъ, братъ, съ нами долго не шумаркай! (*Смотритъ за кулисы*). А, да вотъ и мой молодцы изъ города вернулись. Эхъ, лихой народъ.

II.

СИДОРОВЪ, АЛЕКСѢЙ, ПЕТРЪ, ВАСИЛІЙ, СЕМЕНЬ и другіе крестьяне, два барабанщика и два флейтчика. Всѣ крестьяне съ большими узлами, ружьями и тесаками.

АЛЕКСѢЙ. Легонько, ребята, легонько; кажись еще все село спитъ.

ПЕТРЪ. Знамо дѣло, что спитъ; вѣдь еще только первые пѣтухи кричали.

ВАСИЛІЙ. Кто-же пойдетъ къ Антипу Сидорычу, сказать ему, что мы вернулись?

СИДОРОВЪ. Незачѣмъ ходить, дѣтушки, незачѣмъ; гдѣ только надо, тамъ Антипъ Сидоровъ самъ на-лицо!

Всѣ (*съ удивленіемъ*) Дядюшка Антипъ!!..

СИДОРОВЪ. Ну, такъ что-жъ, что дядюшка Антипъ? Что-жъ вы, шалопан, пасти-то разинули?

СЕМЕНЬ. Да какъ-же, дядюшка, мы думали, что окромя насъ, собакъ, да пѣтуховъ, весь крещеный людъ спать залегъ.

СИДОРОВЪ. Да развѣ русскій солдатъ спитъ, когда спать не слѣдуетъ? Нѣтъ, дружки, стало-быть худо вы знаете солдатскую натуру. Я, какъ часовой у заряднаго ящика, всю ночь глазъ не смыкалъ, все поджидалъ васъ, моихъ будущихъ богатырей. Ну, говорите-же: что хорошаго?

ВАСИЛІЙ. И Господи, какъ хорошо!

СИДОРОВЪ. Какъ васъ приняло начальство въ городъ?

СЕМЕНЬ. Да такъ, что и не вымолвить; мы, то есть, раздольны довольны!

СИДОРОВЪ. Всѣхъ-ли записали?

ВАСИЛІЙ. Всѣхъ до единаго.

СИДОРОВЪ. Къ кому-же вы прежде всего явились?

ВАСИЛІЙ. Ужъ извѣстно къ кому: къ самому набольшему.

СИДОРОВЪ (*съ удивленіемъ*). Къ губернатору!?

СЕМЕНЪ. Кто его знаетъ. Мы только спросали: кто молъ, ребята, тутъ самый набольшій. Вотъ и проводили насъ. Ахъ, ты Господи твоя воля. Въ такихъ хороминахъ живеть, что какъ на крышку взглянешь, такъ шапка свалится.

Сидоровъ (*съ нетерпѣливѣмъ*) Ну, ну!

СЕМЕНЪ. Вотъ хорошо. Какъ намъ указали, такъ тутъ ужъ мало горя. Эво, мы всей ватагой и валимъ на крылечко... А крылечко-те важно! У насъ въ цѣломъ селѣ экова нету-ти...

ВАСИЛІЙ (*перебивая его*) А у дяди Парамона?

СЕМЕНЪ (*съ сердцемъ*) А что у дяди Парамона? У дяди Парамона дрянь!

ВАСИЛІЙ. Анъ, нѣту-ти!..

СЕМЕНЪ. Анъ, дрянь!

ВАСИЛІЙ (*разгорячась*). Эхъ, ты войлокъ! Рожна ты смыслишь!.. Да у дяди-то Парамона одинъ рукомоиникъ чего стоитъ? Въдъ муравленый!

СЕМЕНЪ. Ну, такъ что-жъ что муравленый?.. А утиральникъ-то вписъ такой, что и свинь въло утрешъ, такъ захрюкаетъ...

Сидоровъ (*выйдя изъ терпѣнія*). Смирно!.. Что вы это, молокососы, выдумали?.. А?.. Что вы браниться сюда пришли, что-ли?

СЕМЕНЪ (*струсивъ*). Нѣту-ти, дядюшка... Мы, то есть, это такъ... любовно, промежъ себя... (*Тихо Василью*). Рукомоиникъ муравленый!... Дядя-то твой вонъ полтину съ грошемъ еще объ масляной у меня занялъ, да и о сю пору не отдаетъ... рукомоиникъ муравленый!

ВАСИЛІЙ. А ты у меня варежки-то купилъ за двадцать копѣекъ, отдалъ что-ли?..

СЕМЕНЪ. Такъ что-жъ, что не отдалъ? Ну, и получай съ муравленаго-то рукомоиника.

ВАСИЛІЙ. Да еще сапоги я тебѣ почипиваль. (*Обращаясь къ крестьянамъ*)! Такіе, ребята, сапоги, что дыра на дыръ! Одно-го товару копеекъ на двѣнадцать пошло. (*Всѣ хохочутъ*).

Сидоровъ (*топая ногою*). Да что-жъ, дождусь я отъ васъ толку, что-ли?

СЕМЕНЪ. Не серчай, дядюшка Антипъ! Въдъ надоть все, то есть... не то что бы того, а по порядку, какъ быть, какъ слѣдуетъ... (*Обращаясь къ Семену*). На двѣнадцать копеекъ товару?.. Эхъ ты жидовская утроба! Двѣ заплаты положилъ, да на двѣнадцать копеекъ товару!.. Эхъ, ты!.. (*Сидорову*). Такъ вотъ, какъ мы на крылечко-то взошли, анъ тутъ у дверей-то

стоитъ мужчина, эвось, какой раслый! да самъ такой нестрый, распестрый! а въ рукахъ-те держитъ золотую дубину съ большинской шишкой... «Куда, говоритъ, мужичьс, лезете?».. Да вотъ, моль, къ набольшему...» Ну такъ, говорить, обежди маленько, надоть доложить. Да и говорить другому барину, настоящему барину, знаешь энтакъ въ кургузой сибиркь и сапоги съ глянцемъ: «Ступай, говорить, Кузьма, скажи его превосходительству, что мужики пришли». Эво, тотъ и побыгъ, сломя голову. Ладно! А мы стоимъ, да почесываемся.

Сидоровъ. Ну! что-жь?..!

Семенъ. Ну, ничаво. Только Алешка чихонулъ... (*Обращаясь къ Алексию*). Алешка! ты вѣдь чихонулъ-то?

Алексей. Нѣту-ти, Трофимка.

Семенъ. Аль бншь Трофимка... такъ, такъ, Трофимка и есть.

Сидоровъ. О, мучитель!.. (*Василью*). Да скоро-ли?..

Семенъ. На-порядкахъ таки простояли, докуля опять вышелъ баринъ-Кузька, да и повелъ насъ въ хоромницы. Мы было всей гурьбой, да нестрой-то не пустилъ. Полно, говорить, н десятка будетъ. Стулай тотъ, кто поразумнѣе, да порвчистѣе. Эво мы и взошли. Глядимъ, анъ у насъ передъ самымъ-то носомъ и стоитъ старъ чловѣкъ! махонькой, худенькой! на головъ-то лысина, а эво вотъ тутъ (*Показываетъ на ирудѣ*) двѣ этакия. . словно жаръ горять!

Сидоровъ (*съ нетерпѣннѣмъ*). О, чтобъ тебя вожди съели! Краснобай проклятый!

Семенъ. Вотъ, слышь, и говорить намъ старъ чловѣкъ: «Что моль вамъ, ребятушки, надоть, и откеле вы?»—А мы ему поклонъ съ учливствомъ, да и молвди: Намъ, моль, батюшка, сказали, что хранцузъ заполонилъ Москву родимую, такъ эво мы и пришли къ твоей милости попросить родительскаго благословенія; не откажи, родимой, прими насъ въ солдатчину, дай пощупать, сколько реберь у хранцуза.

Сидоровъ (*съ восторгомъ*). Молодцы, ребятушки, молодцы!

Семенъ. Вотъ какъ энто мы вымолвили да и всемъ десяткомъ и чебурагнулись ему въ ноги.

Сидоровъ. Лихо! Славно! Что-же отецъ командиръ?

Семенъ. Прослезился, миляга, прослезился, да и говорить: «Голубчики вы мои! Родные вы мои!..» (*Крестыянѣмъ*). Такъ вѣдь ребята онъ говорилъ?

Всѣ. Такъ, такъ!

СЕМЕНЪ. «Родные вы мои! Благослови васъ Господи постоять грудью за святую родину и за батюшку Царя православнаго!» А мы онять ему въ ноги, да и гаркнули: Постоймъ, мошь, батюшка, постоймъ; зададимъ ханцузамъ знатнаго перчесу! Только не вели намъ бороды брить, да водоеы стричь.

Сидоровъ (*съ сердцемъ*). Чтò?.. Дурачье непроходимое! Болваны необтесанные! Я думаю, его превосходительство разсердился?

СЕМЕНЪ. Нѣту-ти, ничего; только маленько ухмыльнулся, да и говорить: «Оставайтесь, какъ есть, для-та, что я васъ принимаю въ ополченіе. Да кто мошь васъ надоумилъ на такое доброе дѣло?—» Вотъ мы и молвили: Кому-же, мошь, окромя отставнаго унтера Антипа Сидорыча; ёнь насъ на разумъ наставилъ. «Такъ ему отъ меня большое спасибо! А теперъ ступайте въ канцерель, тамъ васъ всѣхъ запишутъ и снарядь дадутъ, какъ слѣдуетъ. Кузьма! проводи ихъ!—» Мы опять ему поклонъ, да и вонъ.

Сидоровъ (*съ нетерпѣніемъ*). Ну! и что-же?

СЕМЕНЪ. Ну, въ канцерыли-то насъ всѣхъ переписали, да эвота и надавали: и кафтановъ, и шапокъ, и саблей, и ружей. Мы и для тебя сбрую захватили. (*Показываетъ на узелъ*).

Сидоровъ. Спасибо, спасибо вамъ, дружки мои милые!

СЕМЕНЪ (*показывая на барабанщиковъ*). Эвось, Антипъ Сидорычъ, чтобы намъ не скучно было, такъ и музыку дали.

Сидоровъ. Знатно! Стало-быть мы пойдемъ въ походъ припываючи. А когда-же приказано выступать?

Василій. Да говорили, чтобы въ городъ-то мы приходили поскорѣе.

Сидоровъ. Да въ какой городъ-то?

Василій. Какъ его прозывается-то?.. Вотъ еще въ немъ поросята знатные!..

Сидоровъ. Можайскъ, что ли?

Василій. Эво, эво, какъ тутъ попалъ.

Сидоровъ (*весело*). Такъ что-же дожидаться? Мы сегодня-же и выступимъ. Такъ-ли, братцы?

Всѣ. Въстимо, что такъ.

Сидоровъ. Вотъ люблю молодцовъ за обычай! Ужъ коли дѣлать дѣло, такъ дѣлать! Взаяся за гужъ — такъ не говори, что не дюжь! А не слыхали-ли вы, куда насъ пошлютъ?

СЕМЕНЪ. Да говорятъ, подъ Тарутино.

Сидоровъ. Какъ! Прямо въ дѣйствующую армію?.. Слава Тебѣ, Господи! (*Обращаясь къ крестьянамъ*). Ну, братцы, теперь ступайте по домамъ, отдохните, а уже за обѣдней отслужимъ молебенъ Царю небесному, и съ теплою вѣрою и съ радостью въ сердца выступимъ на службу Царю земному! Ладно-ли?

Всѣ. Ладно! ладно!

Сидоровъ. Ну, такъ съ Богомъ!

Василій (*показывая на узелъ*). А мундцу-то свою возьмешь что-ли?

Сидоровъ. Отнесите ко мнѣ въ избу, да проводите туда-же вотъ и этихъ молодцовъ; (*Показываетъ на барабанщиковъ*) а мнѣ оставьте только вотъ этого друга, (*Беретъ у Василья ружье*), съ которымъ ужъ я давно не видался.

Василій (*крестьянамъ*). Такъ инъ пойдѣмъ, ребята!

Всѣ. Пойдѣмъ, пойдѣмъ! (*Сидорову*). Прости, Антипъ Сидорычъ!

Сидоровъ. До свиданія, дѣтушки, до свиданія! (*Крестьяне уходятъ*).

III.

СИДОРОВЪ одинъ. Онъ пѣсколько времени любитъся ружьемъ.

Ну, мой пріятель троеранный!

Мы не видалися лѣтъ пять,

Да гость пожаловалъ неожиданный,

Такъ мы товарищи опять.

Не любитъ Русскій понемножку

Гостей заморскихъ угощать;

Такую сдѣласть окрошку —

Которой вѣкъ не расхлѣбать!

Нѣтъ! Сплонъ мѣряться, едвали

Успѣшь съ нимъ Наполеонъ!

Вѣдь скованъ онъ изъ русской стали,

Да русской вѣрой закалёнъ!

Такъ напрасно, господа Французы, вы къ намъ пожаловали. Приѣхали-то вы верхами, въ каретахъ, а назадъ-то, можетъ-быть, придется улепетывать на своихъ на двоихъ! Ну, что-же: коли захотѣли въ Россіи господами быть, такъ вотъ вамъ село да вотчина, чтобъ вело да корчило. Хоть долго Русскіе терпятъ, да бѣда—коли оцетинятся! А за этимъ дѣло не станеть, какъ

разъ скажемъ: еръ да еры, да и маршь съ горы! (*За кулисами вдали слышенъ колокольчикъ*) Чу!.. Кажись колокольчикъ!.. Кого-бы это Богъ несъ въ такую позднюю пору: кажись наше село отъ большой дороги далеко въ сторонъ. (*Колокольчикъ приближается*). Сюда!.. (*Глядитъ за кулисы*). Да подлинно сюда! И какая лихая тройка!.. Кто-бы это таковъ?.. (*Съ лъвой стороны съъзжаетъ на тройкѣ полковникъ Чубаровъ*).

IV.

СИДОРОВЪ, ЧУБАРОВЪ и ЯМЩИКЪ.

ЧУБАРОВЪ (*ямщику*). Стой, безумная голова!.. (*Ямщикъ останавливаетъ лошадей*). Куда ты меня завезъ? Въдь говорилъ тебѣ, вези не сворачивая съ большой дороги! Такъ цѣтъ: «Прослкомъ ближе!» Ну вотъ тебѣ и ближе!.. (*Ямщикъ молчитъ и почесывается*). Что молчишь-то? Дурацкое рыло!

СИДОРОВЪ. Э, да это заплутавшіе провъзжіе!

ЧУБАРОВЪ (*сходитъ съ телеги и оглядывается*). Какое-то село, или деревня... Богъ знаетъ, куда заѣхали, и спросить не у кого; всё спитъ...

СИДОРОВЪ (*подходитъ къ Чубарову*). Это село Боронилово, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ. Кто здѣсь?!

СИДОРОВЪ. Здѣшній обыватель, отставной солдатъ, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ. Солдатъ! Слава Богу, отыскалась душа человѣческая! (*Сидорову*). Ну, любезный, скажи мнѣ: далеко-ли отсюда до Можайска, и какъ проѣхать?

СИДОРОВЪ (*всторону*). Господи! какой знакомый голосъ!.. (*Чубарову*). До Можайска, ваше высокоблагородіе, отсюда будетъ верстѣ тридцать съ хвостикомъ. (*Всторону*). Такъ, это онъ! это бывший мой ротный командиръ! (*Чубарову*). Еслибъ только старый солдатъ осмѣлился предложить вашему высокоблагородію...

ЧУБАРОВЪ. Что такое, другъ мой?

СИДОРОВЪ. Ощастливить посъщеніемъ его бѣдный домшко и отдохнуть съ дороги.

ЧУБАРОВЪ. А что ты думаешь! Это недурно. Однакожь, послушай: надобно тебѣ сказать, что въ мирное время я не привыкъ ложиться спать съ пустымъ желудкомъ; найдется-ли у тебя надъ чѣмъ-бы можно было поточить зубы?

Сидоровъ. Не взыщите, ваше высокоблагородіе, разносоловъ нѣтъ; а голодны не останетесь.

Чубаровъ. Я неприхотливъ; мнѣ зачастую случалось ѣсть солдатскую кашу съ салцомъ.

Сидоровъ. Знаю, ваше высокоблагородіе, сколько разъ самъ былъ свидѣтелемъ.

Чубаровъ *(съ удивленіемъ)*. Какъ, свидѣтелемъ?! Да развѣ ты служилъ въ нашемъ полку!

Сидоровъ. Даже въ вашей ротѣ, ваше высокоблагородіе!.. Да неужели вы меня не узнали, отецъ-командиръ? Припомните-ко фельдфебеля 3 фузелерной роты...

Чубаровъ. Сидоровъ!.. Ты-ли это?

Сидоровъ. Я, ваше высокоблагородіе!

Чубаровъ *(бросается къ Сидорову и обнимаетъ его)*. Обними меня, старый дружище! Какими судьбами нахожу тебя здѣсь?

Сидоровъ *(съ чувствомъ)*. Это моя родина, ваше высокоблагородіе; здѣсь похоронены у меня отецъ и мать, сюда и я пришелъ, послѣ службы царской, поклониться ихъ праху и, коли Господу будетъ угодно, лечь въ мать сыру землю рядышкомъ съ моими родимыми.

Чубаровъ *(всторону)*. Благочестивый христіанинъ, добрый сынъ и храбрый воинъ—вотъ настоящій русскій солдатъ! *(Сидорову)*. Обними меня еще разъ, старый товарищъ!

Сидоровъ. *(въ перъшиности)*. Ваше высокоблагородіе... такая честь...

Чубаровъ. Слушай команду!.. Скорымъ шагомъ! Маршъ-маршъ! *(Сидоровъ подходитъ къ нему и они обнимаются)*. Вотъ такъ! Теперь скажи мнѣ: найдется-ли у тебя мѣсто *(Показывая на лмщика)* вотъ для этаго дурака съ его тройкою?

Сидоровъ. И, ваше высокоблагородіе! у меня домъ не клномъ сошелся, и корму, и мѣста для всѣхъ хватить.

Чубаровъ. Славно! Стало-быть, бѣдныя лошадки, которыя измучились по его глупости, отдохнуть, поѣдятъ и завтра лихо доvezутъ меня до Можайска.

Сидоровъ. Смѣю-ли спросить, ваше высокоблагородіе, зачѣмъ изволите отправляться въ Можайскъ?

Чубаровъ. Я посланъ главнокомандующимъ осмотрѣть рекрутъ и ополченіе, которые теперь туда собираются, и потомъ привести ихъ въ дѣйствующую армію.

Сидоровъ (*съ повтореніемъ*). Такъ ваше высокоблагородіе поведетъ насъ на службу царскую?

Чубаровъ. Какъ васъ!.. Что это значить? Развѣ ты...

Сидоровъ. Ополченный, отецъ-командиръ, ополченный!

Чубаровъ. Bravo, Сидоровъ! Bravo! (*Бьетъ его по плечу*). Молодецъ! Ножовый заводчикъ! Солдатская косточка!

Сидоровъ (*вытягивался*). Рады стараться, ваше высокоблагородіе!

Чубаровъ. Далеко-ли отсюда твоя штабъ-квартира?

Сидоровъ. Близехонько, ваше высокоблагородіе.

Чубаровъ. Такъ веди!

Сидоровъ. Милости просимъ, отецъ-командиръ! (*Ямщику*). Эй, пріятель! Поворачивай оглобли, маршъ за нами. (*Идутъ съ Чубаровымъ въ лѣвую сторону; навстрѣчу имъ попадаются Степанъ. Костюмъ его въ безпорядкѣ, волосы всклоочены, лицо обезображено отъ продолжительнаго пьянства, и по временамъ въ немъ показывается какъ будто-бы мхорадочная дрожь*).

V.

ТѢЖЕ в СТЕПАНЪ.

Степанъ (*Сидорову кланяется*).. Здравствуй, батюшка крестный!

Сидоровъ. А, пьяница, ты чего тутъ по ночамъ шатаешься?

Степанъ (*всторону, съ чувствомъ*). Пьяница!.. Вотъ моя нынѣшняя кличка, вотъ мнѣ пріветливое слово!

Чубаровъ (*Сидорову*). Что это за ночная птица?

Сидоровъ. Пронацій человекъ, ваше высокоблагородіе, со-всѣмъ пронацій! Былъ онъ прежде добрымъ парнемъ, работающимъ крестьяниномъ, а теперь, вотъ два года ровно, только у него и дѣла, что пить безъ просыну.

Чубаровъ. Это дурно, очень дурно; пойдѣмъ Сидоровъ, я не могу видѣть человека, который забылъ Бога, совѣсть и стыдъ. (*Уходятъ; ямщикъ уезжаетъ за ними*).

VI.

СТЕПАНЪ одинъ.

(*Смотритъ за уходившими*). Пьяница!.. Забылъ Бога!.. Да, вы правду говорите, добрые люди! Милосердный Создатель на меня прогнѣвался, продалъ я душу нечистой силѣ, и нѣтъ во мнѣ

больше ни стыда, ни совѣсти!.. Горько! Тяжко! Страшно!.. *(Вздрагиваетъ)*. Бррр! какъ холодно!.. Въ головѣ пожаръ неугасимый, а по всему тѣлу морозъ трескучій!.. О, Господи! Хоть-бы умереть поскорѣе... Умереть!.. А хвора я мать? А Параша? Что съ ними будетъ?.. *(Съ горькою прошепчетъ)*. Нѣтъ, Степанъ Селверстычъ! Живи да майся, да съ цѣловальникомъ знайся! Послѣ вчерашняго веселья и опохмѣлться-то не на что. Хоть-бы гривенку... хоть-бы пятакъ... Въдѣ Мишка Зуда въ долгъ не даетъ, даромъ что называетъ меня другомъ. Развѣ послѣдній кафтаншко заложить?.. А ходить-то въ чемъ?.. Э! Если и замерзну гдѣ-нибудь подъ заборомъ, не велика бѣда: *(Идетъ къ дому Зуды)*. Заперто! Что-же это Мишка такъ долго не отпираетъ? Эво, ужъ и зорька занялась; чай Параша скоро по воду пойдетъ... Охъ, какъ-бы мнѣ съ нею не встрѣнуться?.. Степка-Козырь, вотъ до чего ты допилъ, удалая головушка, что боишься взглянуть на свою любушку.

Я боюсь взглянуть въ очи ясныя,

Молвить слово ей полюбовное;

Гдѣ вы, дни мои, распрекрасные,

Гдѣ ты, времячко безвиновное?

Слуху нѣтъ объ васъ, нѣтъ извѣстїя,

Не видать ужъ васъ миѣ, веселыхъ дней,

Промѣнялъ я честь на безчестїе,

Выгналъ доброе изъ груди моей!

Ня-по-чемъ теперь миѣ и стыдъ, и срамъ,

Непробуднымъ сномъ—моя совѣсть спить!

Люди добрые плутъ въ Божїй храмъ,

Путь дорожка миѣ къ кабаку лежитъ.

(Въ продолженіе этого явленїя начинается разсвѣтъ. Село, мало-по-малу оживаетъ; изъ нѣкоторыхъ домовъ выходятъ бабы съ ведрами, здороваются между собою и отправляются на рѣку; мужикъ ведетъ лошадь на водопой; за рѣкою показывается пастухъ, наигрывающій на рожокъ).

VII.

СТЕПАНЪ, ЗУДА выходятъ изъ своего дома, съ метлою въ рукахъ, и потомъ
ПАРАША.

Зуда *(потливаясь)*. Экъ я сегодня заспался! *(Услышавъ рожокъ)*. Эвона, ужъ и скотину гонять. *(Подмываетъ около дверей)*.

СТЕПАНЪ (*всторону*). Отперь!.. Авось дасть!.. (*Подходитъ къ Зудь и кланяется*). Богъ помочь, Михайло Перфильчъ.

ЗУДА. А! Степанъ Силверстовъ! Ранняя птаха! Куда это собрался ни свѣтъ, ни заря?

СТЕПАНЪ. Куда-же больше, какъ не къ тебѣ? Ужъ я давно дожидался, покуда ты отопрешь.

ЗУДА. Э! А зачѣмъ-бы слышно?

СТЕПАНЪ (*всторону*). Не дасть! Ей Богу, не дасть! (*Зудь*). Что, братъ, Миша, со вчерашняго твоего угощенья голова трещить, руки и ноги дрожать, сердечушко выскочить хочеть и всего словно лихоманка бьетъ!

ЗУДА. Бѣдняга! Такъ чего-жъ ты смотришь? Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись; коль коломъ выгоняй; хвати-ко хорошую чепа-руху, всё какъ рукой сниметь!

СТЕПАНЪ. За этимъ-то я и пришелъ. Опохмьли, братъ, пожалуйста.

ЗУДА. Изволь, любезнѣйшій, изволь; милости просимъ! (*Ставитъ метлу и идетъ къ дому*).

СТЕПАНЪ (*робко*). Только вѣдь вотъ что: у меня денегъ нѣтъ.

ЗУДА (*останавливаясь*). Денегъ нѣтъ?.. Да!.. жалко! жалко! А хорошо-бы тебѣ выпить, право, хорошо. (*Въ домъ Бирюча открывається окно и показывается Параша*).

ПАРАША. Каково-то на улицѣ?.. (*Увидя Степана*). Господи! ужъ онъ опять у кабака?

СТЕПАНЪ (*кланяясь*). Михайло Перфильчъ! Сдѣлай великую милость, повѣрь въ долгъ.

ЗУДА. Радъ-бы радостью, Степанька, да не могу; того и жду, что левизоры прїѣдутъ.

СТЕПАНЪ. Да вѣдь мнѣ не на Богъ знаетъ сколько; вѣдь мнѣ только что опохмѣлиться.

ЗУДА. Кажинную каплю считаютъ, кажинную каплю!

СТЕПАНЪ (*кланяется*) Мишенька! Голубчикъ! Будь другъ...

ЗУДА. Право-же не могу, Степанушка, родной ты мой, не могу.

СТЕПАНЪ. Ну, пожалуйста!..

ЗУДА. Эхъ, какой безотвязный! Вѣдь сказано, что не могу, такъ и не могу!

СТЕПАНЪ (*дрожитъ вслѣмъ тѣломъ*). Вѣчно буду за тебя Бога молить!..

ЗУДА. Отстань!

СТЕПАНЪ. Я тебѣ въ ножки поклонюсь!.. *(Кланяется въ ноги)*

ПАРАША. Вотъ до какого сраму дошелъ, цѣловальнику въ ноги кланяется!.. Творецъ небесный! Да за что-же я люблю-то его?.. *(Запираетъ окно).*

ЗУДА. Отвяжись!

СТЕПАНЪ *(вскакиваетъ)* Живодеръ! вспомни только: сколько я у тебя пропилъ?

ЗУДА. Да что объ этомъ толковать? Ужъ мертваго съ погосту не воротишь. Кабы ты шилъ то, примѣрно сказать, по людскому, такъ хватило-бы и на похмѣлье; а то сегодня густо, а завтра пусто.

СТЕПАНЪ. Михайло Перфильичъ! Да неужто въ тебѣ не христіанская душа? Ты лучше нищему не подавай, а ужъ мнѣ-то не откажи; ну погляди: вѣдь меня всего колотить.

ЗУДА. Да вѣдь чтожъ колотить, я и самъ буюсь, какъ рыба объ ледъ, да дѣлать-то нечего.

СТЕПАНЪ. Такъ ты не дашь?

ЗУДА. Какъ не дать! За деньги сколько душь угодно.

СТЕПАНЪ. Разбойникъ! Грабитель... *(Снимаетъ съ себя кафтанъ).* На, вотъ! бери подъ закладъ!

ЗУДА. Что это, кафтанишко?.. *(Разсматриваетъ кафтанъ).* Плохонекъ!.. Ну, да ужъ дѣлать нечего, парень-то ты добрый, жалко отказать-то.

ПАРАША *(въ окно).* Что это! Онъ послѣднюю одежду пропить хочетъ... Нѣтъ! не допущу до этого! *(Бросаетъ въ окно деньги, завернутыя въ бумажку).* Прими Христа ради, пьяница! *(Захлопываетъ окно):*

СТЕПАНЪ *(въ сильномъ волненіи).* Христа ради!.. Пьянца!.. *(Зудъ)* Михайло! Кто это сказалъ?

ЗУДА *(въ это время поднимаетъ бумажку и разворачиваетъ).* А я почему знаю? Я вотъ вижу только, что тебѣ словно съ неба свалилась цѣлая полтина серебра.

СТЕПАНЪ *(съ дикой радостью).* Полтина серебра! У меня есть полтина серебра?.. *(Бросается къ Зуду и вырываетъ у него деньги).* Подай сюда! Не скверни ее своими нечистыми руками! Это мнѣ дала Пара... Нѣтъ! Это мнѣ подали Христа ради!.. *(Заливается слезами).*

ЗУДА *(утѣшая Степана).* Полно, полно, Степанушка!

СТЕПАНЪ *(восторженно).* Слушай, Зуда! Видишь ты этотъ полтинникъ?

Зуда. Какъ не видать, коли самъ показываешь.

Степанъ. А знаешь-ли ты, куда онъ пойдетъ?

Зуда (*смыхъ*). Куда-же? Вѣстимо, въ мою выручку.

Степанъ. Никогда! Никогда! Да поразить меня Господь громомъ небеснымъ, если я только подумаю это сдѣлать!.. (*Любуется полтинникомъ*). Онъ такъ чистъ и свѣтелъ, какъ душа Параши! Его мѣсто на груди моей

Зуда. А вышьешь-то на что-же, коли его не размѣняешь?

Степанъ (*подавая ему кафтанъ*). Вотъ тебѣ мой кафтанишка, опохмѣли меня въ послѣдній разъ.

Зуда. Да вѣдь что-жъ, вѣдь за эту рухлядь я больше трехъ стакановъ не дамъ.

Степанъ. Не надо мнѣ трехъ, съ меня и одного будетъ.

Зуда. Рассказывай сказки, знаю я тебя не сегодня; первый-то у тебя идетъ коломъ, второй соколомъ, а другіе ужъ и полетятъ мелкой пташкой, стакапъ за стаканомъ.

Степанъ (*въ сильномъ азартѣ хватаетъ его за руку*). Ты не вѣришь?.. Такъ вотъ-же тебѣ душа порукой, что это будетъ послѣдняя подачка нечистому духу! Идемъ! (*Уходитъ въ домъ Зуды*).

Зуда (*смотритъ вслѣдъ за уходящимъ*). Врешь не пьешь; выпьешь—вытянешься, молодцомъ будешь! (*За кулисами слышенъ голосъ десятскаго: «На сходку! На сходку!»*). Что это, кажись крестьянъ на сходку собираютъ; что бы это была за притча такая?

VIII.

ЗУДА и ГАВРИЛО.

Гаврила (*подходитъ къ первому дому и стучитъ въ окно палкою*). Дядя Парамонъ, выходи на сходку!

Зуда (*подходитъ къ Гаврилу*). Здорово, свать Гаврило!

Гаврила. Здорово Мишукъ! (*Подходитъ къ другому дому и стучитъ палкою*). Андрей Иванычъ! выходи на сходку!

Зуда. Что ты это, Гаврило Максимычъ, горячку-то порешь?

Гаврила. Охъ, братъ, ужъ и не говори: такая, знать, наша обвязанность!

Зуда. Да что случилось?

Гаврила. Некрутчина съ нашего села.

Зуда. Э! И много?

Гаврила. Нѣту-ти, много-то немного; всего-то одного требуютъ.

Зуда. Ну, такъ объ такой пустяковнѣ и горевать нечего.

Гаврила (*идеть къ дому Бирюча и стучитъ палкою въ окно*).
Антонъ Анкудиновичъ, староста на сходку зоветъ.

Зуда. А я-то и забылъ, что у меня гость сидитъ. (*Въ это время за кулисами слышны голоса: Да нѣтъ! Да што!*) Эво-на, всѣ мірошды сюда гурьбой валять. (*Уходитъ*).

IX.

СТАРОСТА, ДАНИЛО, СЕВАСТЬЯНЪ, ПРОКОФІЙ, ЛУКЪЯНЪ, ОМКА,
потомъ **АНТОНЪ БИРЮЧЪ** и еще нѣсколько крестьянъ.

Староста. Зазорно вамъ, православные, право слово зазорно, изъ-за эвтакого пустаго дѣла такъ голосить, да вопить.

Лукъянъ. Да што ты, Перфілій Игнатьичъ, на насъ наипраешь; чего тутъ зазорно?

Староста. Нишкни, братъ Лукъянъ Фирсычъ, вишь у тебя борода-то съ ворота, а ума съ накопыльничъ не вынесла.

Севастьянъ. Давно-ли мы пятерыхъ поставили, а таперича тебѣ еще подавай!..

Староста (*всторону*). Господи! Прости имъ прегрѣшенія! не въдаютъ что творять!.. (*Крестьянамъ*). Братья мои милые! люди православные! Вспомните только, что всѣ мы дѣти одной матери, голубушки нашей русской земли! и отца благодѣтеля, Царя православнаго! Кто насъ поитъ, кормитъ, обуваетъ и одѣваетъ?.. Земля русская! Кто насъ бережетъ, стережетъ и заботится объ нашемъ благополучіи?.. Императоръ Всероссійской! Такъ-ли, дѣтушки?

Всѣ (*съ одушевленіемъ*). Такъ! Такъ!

Лукъянъ. Оно такъ-то такъ; да вотъ ты-бы нанялъ некрута изъ чужой вотчины!..

Староста (*съ сердцемъ*). Не ты-бы говорилъ, Лукъянъ Фирсовичъ, не я-бы слушалъ! Али нѣтъ въ тебѣ души христіанской? Али за мѣсто добраго русскаго сердечушка схоронена въ тебѣ пареная брюква?.. (*Всѣ хохочутъ*).

Омка. А вѣдь староста-то бачку знатно огрѣлъ! (*Хохочетъ*).

Лукъянъ (*старость съ сердцемъ*). Што и говорить, Перфілій Игнатьевъ! Куда намъ съ тобой тягаться? Краснобаишь ты рѣчисто, да только што небожно чисто. Ну, да вѣдь и то молвить: хоть лыкомъ шить, да староста!

Данило (*Скуль*). Такъ что-жь что староста? Тебѣ, знать, завидко, что не тебя выбрали?

Лукьянъ. Куда? Въ міровды-то? Да я еще и самъ не пойду!

Данило. Да, не пойдешь! А для чего-жъ насъ угощаль, да упранивалъ, чтобы выбрали?

Лукьянъ (*сконфузясъ*). Знать, у тебя языкъ-то безъ костей, такъ и гнѣтся всякую небывальщину городить!

Данило. А хошь, я свидѣтелей представлю?

Староста. Не замай его, Данило Трофимычъ! Съ нимъ, видно, надо разговаривать-то пообѣдавши. (*Обращаясь къ крестьянамъ*). Всѣ-ли православные собрались?

Гаврила. Окромя Антона Бирюча, кажись, всѣ на сходкѣ.

Староста. А его пошто нѣту?

Антонъ (*выходитъ изъ своего дома*). Здѣсь, здѣсь, Перфилій Игнатьевичъ! (*Кланяясь крестьянамъ*) Богъ въ помощь, землячки родимые!

Лукьянъ (*всторону*). Еще ворогъ! Еще недругъ!..

Антонъ (*старость*). Чтѣ у васъ понадѣялось и для какой потребности собрали сходку?

Староста. Да вотъ, вишь ты, Антонъ Анкудимовичъ, получилъ я приказъ: съ нашего села требуютъ некрута.

Антонъ. Такъ чтѣ-жъ? Да мы хоть пятерыхъ поставимъ.

Староста (*Скуль*). Слышь-ли, Лукьянъ Фирсычъ? Вотъ какъ разсуждаетъ умный человекъ! А ты штѣ?.. Тфу!.. Не даромъ тебя и Скулой-то прозвали; знать, по шерсти и кличка дана! (*Всѣ хохочутъ*).

Лукьянъ (*крестьянамъ*). Да, скальте зубы, разъвайте ласти-то шире, авось по воронѣ влетитъ! Эхъ, вы юлыманы! Старость да выборному куражиться повадно: у нихъ сыновей нѣтъ, а дочерей въ солдаты не берутъ.

Вонка. Да Параша-то и сама не пойдетъ! Ужъ коли за меня за мужъ не пошла, такъ въ солдаты и поготово не пойдетъ.

Антонъ. Да, вразумилъ ее Господь поупрямиться моей строптивой волю, а то чуть было я не согрѣшилъ, чуть было своими руками не бросилъ мою ненаглядную Парашеньку въ вашу медвѣжью берлогу!

Староста (*подходитъ къ Скуль*). Коришь ты меня, безстыжій человекъ, тѣмъ, что будто я самъ ничѣмъ не усердствую на пользу родимой сторонушки? Ахъ ты заноза осиповая! Да кто-же въ позанрошломъ наборѣ отпустилъ на службу Государеву, безъ очереди и безъ принудья, двухъ остатныхъ сыновей, подпору и утѣху семидесятилтней старости? ты что-ли?

Лушьнянъ. Да изъ какой напасти сталь-бы я такъ дурить?

Староста. Дурить!.. Гуда! (*Крестьяннъ*). Вотъ, православные, какіе бывають люди на бѣломъ свѣту. Гибнетъ родимая сторо-нушка отъ пришлецовъ заморскихъ, рушатся храмы Господни, выжигаются цѣлые города съ приселками, казнятъ и вънають крестьянъ православныхъ, ругаються надъ честью женъ и дочерей нашихъ, томятъ злою кручинною родительское сердце нашего краснаго солнышка Царя-Бѣлаго! И есть еще злодѣи, которые возстаніе за святое дѣло называютъ дурью! Стыдъ и срамъ! (*Плачетъ*).

Антонъ (*старость*). Полно, полно, Перфілій Игнатьевичъ! угомонись, успокойся..

Староста. Мнѣ угомониться?! Мнѣ успокоиться?! Нѣтъ, православные! Сердца ваши облились-бы не слезами, а кровью, если-бы вы только знали, что я знаю!

Всѣ Господи, Твоя воля да что-же такое?

Староста. Что?.. Такъ въдайте-же! Нѣтъ у насъ больше перво-престольнаго града, нѣтъ у насъ Москвы бѣлокаменной!

Всѣ. Какъ нѣтъ! Да гдѣ-же она?

Староста. Въ полону у Французовъ!

Всѣ. Въ полону?! (*Всѣ бросаются на колѣна*). Владыко, Царю небесный! Согрѣшили мы, окаянные! (*Всѣ преклоняють головы*).

Староста (*послѣ нѣкотораго молчанія, встаетъ, оглядываетъ всѣхъ крестьянъ, мотаетъ головой и потомъ уже говоритъ*). Ну, что, православные! что землячки родимые! обрадовала-ли васъ моя вѣсточка? Станете-ли и теперича спорить, что наборы часты?

Давидко (*съ одушевленіемъ*). Что ты это, Перфілій Игнатьевичъ! Да развѣ въ насъ не христіянскія души? Да развѣ мы въ Бога не вѣруемъ?

Севастьянъ. Ты бы намъ давно про это молвилъ, такъ мы и толковать-бы не стали. У меня три сына, сдавайте любаго безъ очереди!

Проконій. У меня всего одинъ, да и того отдамъ.

Всѣ. И мы всѣ отдаемъ! Бросайте жеребій, кому достанется. (*Въ это время съ разныхъ сторонъ выходятъ: Алексій, Петръ, Василій, Семенъ и нѣсколько другихъ молодыхъ парней. Всѣ они одѣты въ полную форму ополченныхъ. При выходѣ они останавливаются незамѣтно позади стариковъ и прислушиваются къ разговорѣ*).

Севастьянъ (*горло*). Какой тутъ жеребій? Говорятъ вамъ, вы-

бирайте изъ монахъ одного, а коли надо, такъ и за двумя не постою.

ВАСИЛІЙ (*выходитъ впередъ, съ двумя братьями и говоритъ Севастьяну*). Нѣтъ, родимый! Коли милость твоя будетъ, такъ благослови насъ всѣхъ тропхъ! (*Всѣ трое бросаются въ ноги Севастьяну*).

Всѣ (*съ удивленіемъ*). Что это за оказія!?

СЕВАСТЬЯНЪ (*внѣ себя*). Господи!.. Не во снѣ ли мнѣ грезится?.. Мон-ли это дѣтушки, мон-ли это милые?..

ВАСИЛІЙ (*съ братьями, стоя на колынахъ*). Прости насъ, родной батюшка, что безъ твоего соизволенія записались мы охотою въ службу Государеву.

СЕВАСТЬЯНЪ (*обращая глаза къ небу*). Царь славы! Велика милость Твоя ко мнѣ многогрѣшному. (*Поднимаетъ дѣтей и обнимаетъ ихъ*). Голубчики вы моя связе! Соколики вы мои ясные! Да благословитъ васъ Богъ моимъ словомъ родительскимъ. (*Дѣти наклоняютъ передъ нимъ головы; онъ съ благоговѣніемъ поднимаетъ надъ ними руки, потомъ снова обнимаетъ и целуетъ ихъ по нѣскольку разъ*).

СТАРОСТА (*подходитъ къ Севастьяну*). Проздравляю, братъ, тебя, Савостьянъ Архипычъ, проздравляю! У кого есть такіе дѣточки, тому нечего страшиться послѣдняго часа. (*Обращаясь къ дѣтямъ, кланяется въ поясъ*). Исполать вамъ, ребятушки, исполать вамъ, добрые молодцы!

Всѣ. Да, да! Исполать вамъ добрые молодцы!

ВАСИЛІЙ (*и братья его, кланяются на всѣ стороны*). Спасибо вамъ, православные, за привѣтливое слово! Только за что-же вы насъ такъ чествуете? Вѣдь не мы первые, да не мы и послѣдніе, сдѣлали угодное Богу и Государю.

СТАРОСТА. Что ты молвилъ, Васильюшка? развѣ и еще есть охотники?

ВАСИЛІЙ. Самъ увидишь, Перфілій Игнатычъ, самъ увидишь; дай только срокъ.

ДАНИЛО. Охъ, кабы и меня Богъ сподобилъ такой радости, какой удостоился свать Савостьянъ! Да нѣтъ, мои дѣтки не таковскіе, пмъ и въ разумъ не придетъ обрадовать старика молодечкой удалю. (*Семень и Петръ выступаютъ впередъ и становятся передъ отцомъ*).

СЕМЕНЬ. Не бойсь, батюшка, и твои дѣти не изъ куричьей клѣти. Отъ другихъ не отстанемъ, тебя не выдадимъ, за себя

постоимъ! (*Вмѣстѣ съ Петромъ*). Благослови родимый! (*Кланяются ему въ ноги*).

Вся (*съ удивленіемъ*). Еще притча! Еще диковина!

Данило (*благоговѣнно*). Утѣшилъ меня Создатель! (*Обнимаетъ дѣтей*). Сынки мои разлюбезные! Молвите: чѣмъ мнѣ васъ полакомить? Чѣмъ мнѣ васъ попоштовать?.. (*Вынимаетъ изъ бу-мажника деньги*). Вотъ вамъ мои послѣдніе пятьдесятъ рублей.

Семенъ (*не принимая денегъ*). Не надо-тъ, батюшка, не надо-тъ, родненькой; вѣдь мы идемъ не пряники ломать, а французскія ребра, такъ пошто намъ деньги?

Староста (*съ благоговѣніемъ*). Знать услышалъ Господь наши грѣшныя молитвы; велпка милость Его на нашу вотчину! (*Семену*). Много-ли же, Семенушка, васъ такихъ молодцовъ охотничковъ выискалось?

Семенъ. Много-ли?.. (*Показываетъ на ополченныхъ, которые въ это время подходятъ къ отцамъ, обнимаютъ ихъ, кланяют-ся въ ноги и просятъ благословенія*). А эвось, самъ считай.

Староста (*оглядываясь и видя ополченныхъ*). Да тутъ почтай вся наша молодежь!

X.

ТЪ-ЖЕ, СИДОРОВЪ, за нимъ два барабанщика, потомъ ополченные, въ сопровожденіи жень и матерей.

Сидоровъ (*въ нарядѣ ополченнаго*). Не почтай, а вся сполна, исключая только Степки пьяницы да Фомки дурака (*Барабанщикамъ*). Бей сборъ! (*Барабанщики бьютъ сборъ*).

Фомка (*отцу*). Бачка! Чаво-жъ ты нишкнешь? вѣдь ёнъ лается.

Дукьянъ. Э! Хомушка! да пушай его; вѣдь брань на вороту не виснетъ. (*На барабанный бой собираются со всѣхъ сторонъ ополченные, въ сопровожденіи отцовъ, матерей, жень и дѣтей. Общая картина*).

Сидоровъ (*старость*). Вотъ они, мои красавцы; вотъ они, мои будущіе богатыри! (*Всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на ополченныхъ*).

Староста. Не могу очнуться отъ издивленія, не могу нарадоваться!.. (*Сидорову*). Антипъ Сидоровичъ! Скажи мнѣ безоблыжно, по чистой совѣсти, вѣдь эвто твоя работа?

Сидоровъ. Нѣтъ, Перфілій Игнатьичъ, это благодать Божія, посѣтившая насъ своею милостью!

Фомка (*отцу*). Бачка! Пойдемъ домой, мнѣ вѣсть охота.

Лукьянъ. Погоди, Хомушка, погоди маленько. (*Старостъ*). Что-же ты, Перфилий Игнатьичъ, собралъ весь людъ на сходку, а никакого, то-есть, дѣла не дѣлаешь? Коли мы тебѣ не въ потребу, такъ распушай.

Староста. Ты правду молвилъ, Лукьянъ Фирсовичъ. Отъ радости я было и дѣло забылъ. (*Обращаясь къ крестьянамъ*). Ну, православные! по приказу губернскаго правленія, съ нашего села безпремѣнно надо поставить некрута, кого-же мы поставимъ?

Лукьянъ. Да кого тутъ ставить, коли всѣ охотой ушли?

Староста. Кто ушелъ—тому честь и слава; а кто остался — за тѣмъ очередь.

Лукьянъ. Да кто остался-то? Окромѣ Степки-Козыря никого не осталось.

Староста. Степки отдать не можно; для та, что онъ одинъ сынъ у матери.

Лукьянъ. Ну, а коли не можно, такъ и не можно. Отписывай въ губернское: отдать моль у насъ некого.

Антонъ. Какъ некого? А у тебя два сына?

Лукьянъ (*Всторону*). Чтобъ тебѣ объязычить окаянному! (*Вслухъ*). Откеля два-то?

Антонъ. Какъ, откеля? Да ужъ не вздумалъ-ли ты запирать-ся?! (*Къ крестьянамъ*). Земляки! много-ли у Лукьяна дѣтокъ?

Всѣ. Знамо дѣло, что двое.

Антонъ (*Лукьяну*). Слышишь!..

Лукьянъ. Ну, такъ что-жъ, что двое? Одинъ мой, а другой женнинъ.

Осипа. Бачка правду молвилъ: я маткинъ сынъ.

Староста. Въ крестьянскомъ быту у мужа съ женой раздѣлу не бываетъ. Такъ ужъ и ты не поперечь и одного сынка снаряжай на службу.

Лукьянъ. Мнѣ ставить некрута? Мнѣ отпустить сына? Что ты, что ты, староста! Да въ своемъ-ли ты разумъ?

Данило. А что-жъ бы такое? Для чажъ тебѣ и не отпустить? Вѣдь мы нехуже тебя, да отпускаемъ-же.

Лукьянъ. Да вы мнѣ что за указъ? Ваши охотой пошли, а мои не хотятъ. (*Дѣтлимъ*). Вѣдь не хотите, дѣтки?

Осипа и Еремѣя (*въ одинъ голосъ*). Не хотимъ!

Лукьянъ. Ну, вотъ слышите?

Сидоровъ. Мало-ли-бы чего вы не захотѣли, такъ все по ва-

шему и дѣлать? Сказано ступай, такъ и ступай, не разговаривай!

СЕВАСТЬЯНЪ (*крестьянамъ*). Чего ему въ зубы-то смотрѣть, ужъ и такъ мы долго мирволили: не даетъ охотой, такъ возьмемъ силой! Хватай Хомку, ребята!

Всѣ (*Бросаются къ Оомкѣ*). Хватай Хомку!

Оомка (*бѣгаетъ и кричитъ во все горло*). Карауль!

СТАРОСТА (*останавливая крестьянъ*). Погодите, православные, погодите, не такое теперь время, чтобы заводить брань, да ссору. (*Лукьяну*). Слушай, Лукьянъ Фирсычъ! ты самъ не запрешься: дѣлалъ я тебѣ много понаровки, а ужъ теперь не могу больше; вотъ тебѣ сроку до завтрашняго утра: образумишься, ладно, не образумишься, не взыщи! (*Крестьянамъ*). Пойдемте, православные, въ храмъ Божій, поблагодаримъ Всевышняго Создателя за ниспосланныя на насъ милости и помолимся по усерднѣе о заблудшихъ братьяхъ нашихъ!

Всѣ. Пойдемъ! пойдемъ!

Сидоровъ (*ополченнымъ*). А вы, ратные товарищи! вѣрно также не откажетесь отслужить молебень за спасеніе родины отъ нашествія враговъ иноплеменныхъ, за честь и славу русскаго оружія.

Ополченные (*восторженно*). Ура!

Сидоровъ (*снимая фуражку*). Вотъ настоящій откликъ русскаго сердца! На молитву! на молитву! (*Всѣ уходятъ, кромѣ Лукьяна, Оомки, Еремки и Зуды, который въ-продолженіе предъидущаго явленія безпрестанно отворялъ двери и прислушивался*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПРОСНУЛАСЬ СОВѢСТЬ.

Театръ представляетъ ту же декорацию. Лукьянъ стоитъ задумавшись, опершись на палку. Оомка и Еремка играютъ въ бабки. Еремка спитъ конь и ѣдетъ на Оомкѣ.

I.

ЛУКЪЯНЪ, ООМКА, ЕРЕМКА и потомъ ЗУДА.

ЕРЕМКА (*верхомъ на Оомкѣ*). Ну, ну, Савраско, вези, не лягайся!

Өомка. Да полно, шутова голова, спусти хоть разъ, вѣдь тяжело.

Еремка. А! завопилъ! А на мнѣ-то, небойсь, умѣль ѣздить?

Өомка. Да, много на тебѣ проведешь.

Зуда (*выходитъ*). Эво-на, штука-то! Эво-на, оказія-то! Всѣ молодые въ походъ идутъ, старики не пьютъ, а отъ бабъ да отъ дѣвокъ не велика пожива... Нѣтъ! Прощай кабакъ, не поминай лихомъ! Оставляю торговать братишку, а самъ въ марки-танты, безпремънно въ маркитанты! Тамъ только и можно копѣйку заколотить.—Одначе, что же это сдѣлалось съ Степкой? Питъ не пьетъ, вонъ нейдетъ, только что сидитъ да плачетъ! Чудеса въ рѣшетъ! (*Увидя Лукьяна, который стоитъ задумавшись, опершись на палку*). Вона, кажись и на Скулу столбнякъ нашель! (*Подходитъ къ Лукьяну*) Лукьянъ Фпрсовичъ!.. (*Лукьянъ не отвѣчаетъ*). Молчитъ! Что за издивленье такое!?! (*Өомкѣ*) Өомушка!

Өомка. Чаво тебѣ?

Зуда. Да что батька-ко вашъ, оглохъ что ли-ча?

Өомка. А кто его знаетъ, вотъ ужъ съ коей поры стоять, словно околечный. (*Толкаетъ Лукьяна*). Бачка! очнись! что ты и вправду.

Лукьянъ (*приходя въ себя*). Ась!.. Кто меня?..

Зуда. Что это ты, Лукьянъ Фирсычъ, призадумался?

Лукьянъ. А! Это ты, Михайло?.. Невзгода, братъ, пришла.

Зуда. Что за невзгода такая?

Лукьянъ. Некрута съ меня требуютъ.

Зуда. Такъ чего-жъ ты голову-то повѣсилъ? Ну и отдай. (*Показываетъ на Өомку и Еремку*). Вѣдь у тебя, эвось, какіе два батрака, любо-дорого!

Лукьянъ. Эхъ, Михайло Перфильичъ! и радъ-бы радостью, да...

Зуда. Что-же! Въ чемъ закорючка?

Лукьянъ. За одного жена со свѣту сгонитъ; а другаго самому жалостно.

Зуда. Ну, такъ купи. Ты мужикъ зажиточный, есть изъ чего.

Лукьянъ. И купилъ-бы, да купить-то некого; вся наша молодежь охотой идетъ.

Зуда (*всторону*). Да тутъ славное дѣльцо можно обработать; Степки жалеть нечего, ужъ онъ и безъ того человекъ пропащій, а мнѣ магарычи будутъ!.. (*Лукьяну*). Хошь-ли, я помогу твоему горю?

Лукьянъ (съ радостью). А какимъ-бы манеромъ?

Зуда. У меня есть на примѣтъ некрутъ, только не пожалѣй казны.

Лукьянъ. Тысячи рублей не пожалѣю!

Зуда. Экъ разгулялся! Да кто нынче за тысячу пойдетъ?

Лукьянъ. Такъ много ли же?

Зуда (тихо Лукьяну). Отгони парнишскъ-то, не ихнее дѣло.

Лукьянъ (сынговьямъ). Чего вы тутъ рыло-то выставили? Пошли прочь! (Зудѣ). Ты правду молвилъ, Михайло Перопльщъ, али только ради шутки?

Зуда. Какія тутъ шутки! Ужъ коли говорятъ, что есть, такъ есть.

Лукьянъ. Да кто-же эвто, кто? Молви!

Зуда. Что? Больно ловокъ! Пятьдесятъ рублей за хлопоты, такъ ужъ, такъ и быть, и сторгую подешевле.

Лукьянъ. Да ужъ объ эвтомъ спору не будетъ, только выручи посходнѣе.

Зуда. Посходнѣе! Посходнѣе! А какъ, примѣрно дѣло, несходнѣе-то?

Лукьянъ. Ну, да ужъ коли тысячи мало, такъ, пожалуй, я два ста еще прибину.

Зуда. Нѣтъ, братъ, далеко несходно; съ тобой видно пива не сварись. (Хочетъ идти).

Лукьянъ (останавливая Зуду). Да постой, постой! Куда ты?

Зуда. Что тутъ по пусту бобы-то разводить. (Хочетъ идти).

Лукьянъ. Да скажи, много-ли надоть?

Зуда. Можетъ статья, за двѣ тысячи какъ-нибудь и уломаю.

Лукьянъ. Чтѣ ты, чтѣ ты! Да вѣдь это чистое раззореніе.

Зуда (опять хочетъ идти). Я тебя не принуждаю: Хошь-такъ хошь, а не хошь — какъ хошь.

Лукьянъ (останавливая его). Да хоть полуторы не возьметъ-ли?

Зуда. Я тебѣ говорю и за двѣ-то на свой страхъ беру. Можетъ не возьметъ, такъ вѣдь придется своими приплачивать.

Лукьянъ. Да-ты бы мнѣ его указаль; можетъ онъ самъ-то и понаровку сдѣлаеть?

Зуда. Копейки не спустить!

Лукьянъ. Эко горе! эко горе!

Зуда. Полно сквалыжничать! Говори дѣломъ: ходить что-ли?

Лукьянъ (со вздохомъ). Да ужъ ладно — быть по твоему.

Зуда. Ну вотъ, давно-бы такъ.

Лукьянъ. А гдѣ-же некрутъ-то?

Зуда (*увидѣвъ Степана*). А вотъ онъ и самъ на лицо.

Лукьянъ (*съ удивленіемъ*). Степка Козырь!..

II.

ТѢ ЖЕ и СТЕПАНЪ.

Степанъ. Да! что задумалъ, то и сдѣлаю!.. Прощай Параша! Прощай матушка!.. Не увидите вы большіе Степки Козыря, не потревожить онъ нашего покоя ивенеѣ пьяною.

Зуда (*подходитъ къ Степану*). Что жъ мало погостилъ, Степанъ Селнверстычъ?

Степанъ. Будетъ съ меня, надо и честь знать.

Зуда. Да что съ тобою и вправду сдѣлалось? Выпилъ одинъ стаканчикъ и ошалѣлъ! Понравься, вышей другой!..

Степанъ (*рѣшительно*). Не могу! Не хочу!

Зуда (*всторону*). Худо дѣло! Этакъ его тверезаго-то пожалуй и не уговоришь... (*Степану*). Да что на тебя, столбнякъ что-ли нашелъ?

Степанъ (*грозно*). Не говори этого!.. Госнодь милосердный сжалился надъ блуднымъ сыномъ и умудрилъ его разумомъ.

Зуда. Такъ ужъ ты и не будешь больше пить?..

Степанъ (*твердо*). Никогда!

Зуда (*всторону*). Въ солдаты его, безиремьни въ солдаты! Разбойникъ, иить пересталъ!.. (*Степану*). Вотъ это доброе дѣло, Степанушка, ты затѣялъ... Ну, а какъ же каштавишко-то? Ты бы хоть его-то зашилъ.

Степанъ. Ничего мнѣ ненадобно!

Зуда (*Лукьяну*). Ну, братъ, не подается!

Лукьянъ (*тихо Зудѣ*). Ужъ ты, пожалуйста, какъ ни на есть уговори.

Зуда (*Степану*). Умникъ, Степанушка, умникъ! Вотъ, Богъ дастъ и поправишься... Пить-то перестанешь и все дѣло пойдетъ, какъ по маслу. (*Съ участіемъ*). Что матушка-то у тебя, все еще хвораетъ?.. Эхъ! жалко ее, бѣднягу, право жалко!— Надо, братъ, теперь и для нея потрудиться; много она, сердечная, горя перенесла. Вѣдь поди-ко, въ дѣмь-то у тебя нѣтъ ни кола, ни двора?

Степанъ (*заливался слезами*). Ни сна пороху! Все пропилъ, ничего не осталось!

Зуда. Вотъ тотъ-же и есть, говорилъ я тебѣ: «Береги копеечку на черный день,» такъ нѣтъ, слушать не хотѣлъ...

Степанъ. Миша! не кори меня! Что прошло, того ужъ не воротись.

Зуда. Ну какъ не воротись? Воротить можно, была-бы только охота.

Степанъ. Дай мнѣ какую-нибудь работу, ты знаешь, что у меня ничто изъ рукъ не валится; я стапу трудиться больше лошади.

Зуда. Ладно! За то, что ты доброй парень, я научу тебя, что дѣлать, отыщу тебѣ такую работу, за которую впередъ дадутъ двѣ тысячи рублей...

Степанъ. Что?.. Двѣ тысячи рублей!.. Мнѣ дадутъ двѣ тысячи рублей?..

Зуда. Да еще и съ поклономъ.

Степанъ. Михайло! не морочь меня!

Зуда. Кто тебя морочить? Только молви, что согласенъ, такъ и деньги въ горсти.

Степанъ (*съ сильною волненіемъ хватаетъ за руку Зуду*). Такъ ты не обманываешь меня?.. Ты не смѣешься надъ горемыкою?..

Зуда. Да что мнѣ за прибыль такая?.. Только вѣдь вотъ что; по нраву-ли тебѣ будетъ эта работа?..

Степанъ (*рѣшительно*). Все по нараву! Все по сердцу! окромя грабежа, да разбойничества.

Зуда. (*тихо Лукьяну*). Наша взяла! (*Степану*). Такъ вотъ, Степанушка, Лукьяну Фирсовичу требуется... какъ-бы тебѣ это сказать?... требуется поставить некрута...

Степанъ (*съ нетерпѣніемъ*). Ну!..

Зуда. Такъ вотъ не хочешь-ли?..

Степанъ. Въ солдаты!..

Лукьянъ. Не обижу и я тебя, родной ты мой Степанушка! Выручи, кормилецъ! Надѣлю тебя казною, только выручи.

Степанъ (*всторону*). Въ солдаты! Такъ вотъ къ чему мнѣ грезился этотъ сонъ... Вотъ къ чему рвалась душа... (*Рѣшительно*). Иду! иду.

Зуда. Лихо! Молодецъ! (*Лукьяну*). Ну, Лукьянъ Фирсычъ, бѣги-же скорѣе за деньгами...

Лукьянъ. Разомъ, кормилецъ мой, разомъ слетаю!..

Степанъ (*останавливая Лукьяна*). Стой! Не надо мнѣ денегъ, я не кулакъ, я не хочу, чтобы меня называли продажной душой!

Лукьянъ (*обнимая Степана*). Ахъ ты мой красавчикъ писанный! Такъ ты изъ одной охоты пойдешь?

Зуда (*тихо Степану*). Что ты, что ты, съ разума спятилъ что-ли?! Бери, пока даютъ.

Степанъ. Нѣтъ, братъ Михайло Перфильчъ, удалось было тебѣ зачадить проклятымъ зельемъ мой разумъ, да не удалось зачадить совѣсти! (*Утвердительно*). Иду даромъ!

Лукьянъ. Вотъ добрая-то душа!

Степанъ (*Лукьяну*). Объ одномъ только попрошу тебя, Лукьянъ Фирсычъ! Не забудь моей старушки-матери, остается она безъ всякаго призрѣнія, такъ не дай ей умереть съ голоду и холоду.

Лукьянъ. Будь въ покоѣ, Степанушка! стану беречь ее, какъ родную! Пойдемъ-ка, желанный ты мой!.. Откушаемъ нашей хлѣба-соли, а тамъ и къ дѣлу!

Степанъ. Пойдемъ, пойдемъ!.. Или нѣтъ, стой. Дай мнѣ въ послѣдній разъ полюбоваться на родимую сторонушку!.. Дай мнѣ въ послѣдній разъ увидѣть мою ненаглядную Пару... О! растерзайся грудь добра-молодца! разорвись въ куски сердце бѣдное! (*Закрываетъ лицо руками и горько рыдаетъ*).

Лукьянъ. Степа!.. Степанушка... Что ты!.. что съ тобой по-притчилось?

Зуда (*съ насмѣшкою*). Видишь, ты ужъ больно сходно некрута-то купилъ, такъ онъ, кажись, еще ничего невидя и струсилъ.

Степанъ (*горько*). Я!.. Я струсилъ! Врешь ты, рыжая собака!— Эхъ! кабы не боялся грѣха, — даль-бы я тебѣ память!.. Мнѣ трусить!.. Да развѣ душа-то во мнѣ не русская?.. Что жалеть-то мнѣ жизни? Было время, эхъ! да не воротилъ Нѣтъ, не смерти боюсь я, — боюсь суда Божьяго!.. Что мнѣ въ жизни теперь?.. Было сердце у меня, — горе высушило; былъ и умъ въ головѣ, — печаль вышибла; была воля моя, волюшка, — злые люди отняли; и стала буйная головушка пустымъ котломъ безъ варева!.. Нѣтъ, не жизни жалко мнѣ, — жаль мнѣ матушку родимую, жаль мнѣ долюшку сердечную!..

Лукьянъ. Не горюй, Степанушка, не горюй; вѣдь ты доброе дѣло дѣлаешь, и я не оставлю твоей матушки, вѣдитъ Богъ, не оставлю! — Пойдемъ-кась ко мнѣ: наряжу я тебя въ новый кафтанъ, да въ пуховую шляпу, и будешь ты у меня молодець-молодцомъ!

Степанъ. Идемъ! Видно ужъ чему быть, того не миновать!..

Зуда (*тихо Лукьяну*). Гляди-же ты, не забудь моихъ-то пятидесяти рублевъ.

Лукьянъ. Что больно зорокъ! Да за что?

Зуда. Какъ, за что!.. за некрута?

Лукьянъ. Да вѣдь онъ охотой идетъ, такъ тутъ и платитъ не за что. (*Степану*). Пойдемъ, Степанъ Селиверстовичъ! (*Уходятъ вмѣстѣ съ Степаномъ*).

III.

Зуда (*Одинокъ. Стоитъ нѣсколько времени, какъ ошеломленный*). Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ-день! Экъ они меня шарахнули!.. Да что же это такое значить?.. Да гдѣ-же у меня былъ разумъ-то? Въ каблуки ушелъ что-ли? Степка Козырь да Лукашка Скула провели за носъ Михайлу Зуду, что ни на есть перваго мощеника... Оказія, да и только!.. (*Смотритъ за кулисы*). Вонъ, ужъ и обѣдня отошла, весь людъ, провожаетъ ополченныхъ... Да чего-же я-то зѣваю? Вѣдь такъ и тутъ, пожалуй, на бобахъ останешься... Нѣтъ! ужъ коли задумалъ въ маркитанты, такъ въ маркитанты! (*Кричитъ въ двери своего дома*). Кузька! Запрягай сѣрку!—Вѣдь не безъ вина-же имъ мпягамъ и въ-самомъ-дѣль въ походъ идти. (*Уходитъ*).

IV.

СИДОРОВЪ, СТАРОСТА, ДАНИЛО, МАТВѢЙ, ПРОКОФІЙ, ОПОЛЧЕННЫЕ, КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ, ДѢТИ и потомъ **ӨМКА**.

Сидоровъ (*ополченными, которые его окружаютъ*). Ну, братцы, слышали вы, что говорилъ отецъ Николай?

Ополченныя. Слышали, слышали!

Сидоровъ. Поняли вы, на какое великое дѣло онъ благословилъ насъ?

Ополченныя. Всѣ поняли!

Сидоровъ. А коли поняли, такъ скажите, куда мы идемъ теперь?

Всѣ. { **1-й Ополченныя.** На защиту родины отъ нашествія ино-
племенныхъ!
2-й Ополченныя. На войну съ французомъ, за оскорбленіе
храмовъ Господнихъ.
3-й Ополченныя. Вступиться за поруганіе женъ и дѣтей
нашихъ.

Сидоровъ (*съ восторгомъ*). Славно! Лихо, ребята! Теперь я вижу, что мнѣ васъ учить нечему: разумъ—есть, воля есть, а храбрости русскаго челоуѣка учить не стоитъ.

ВАСИЛІЙ (*горячо*). Да ты только, дядюшка Антипъ, веди насъ на хранцуза, а ужъ я, то есть, во какъ: одинъ пятокъ уложу! Поднесу подъ микитки такого раза, что вытаращитъ глаза!

Сидоровъ (*бьетъ по плечу Василья*). Молодецъ, братъ Вася! Быть тебѣ фельдфебелемъ.

ВАСИЛІЙ. Ой-ли!?. (*Ополченныиъ*). Слышь вы, войлоки! кланяйся начальству!

Ополченныиъ. Да ужъ и мы отъ тебя не отстанемъ.

Сидоровъ. И васъ ундерами пожалуютъ! Одначе пора! (*Ополченныиъ*). Ну, други милые! ратные товарищи! Мы исполнили христіанскій долгъ, очистили совѣсть молитвою, получили благословіе отца духовнаго: теиерь, пора и въ путь? Попрошайтесь-же съ родимыми, да и маршъ на святое дѣло! (*Отцы и матери обнимаютъ и благословляютъ дѣтей, молодыя жены плачутъ, цѣлуются съ мужьями и также подаютъ имъ цѣловать грудныхъ младенцевъ; ополченныиъ становятся на колѣна передъ родителями, кланяются въ ноги и стараются ихъ утѣшить. Общая картина*).

Сидоровъ (*который стоялъ все это время, сложивъ руки на груди, и со слезами на глазахъ любовался на происходившее*). Творецъ всемогущій! А мнѣ что?.. Мнѣ, старому горемыкѣ, и проститься не съ кѣмъ!.. (*Весело*). Э! Да и то сказать: одна голова не бѣдна, а коли и бѣдна, такъ одна! (*Барабаничкамъ*). Бей, сборъ! (*Барабанички бьютъ сборъ. Ополченныиъ отходятъ отъ родныхъ и строятся во фронтъ*).

Всѣ (*съ удивленіемъ*). Что это!.. Кто это?!

Война (*вбѣгал*). Не полоштесь! Не полоштесь! Это мой бачка повезъ Степку-Козыря за меня въ солдаты сдавать.

Всѣ. Какъ! Продался?!

Война. Нѣтути! охотой пошелъ!

Всѣ. Охотой!

Сидоровъ. Слава Тебѣ, Господи, Слава Тебѣ! Ты поставилъ заблудшаго на путь истинный! (*Ополченныиъ*). Братцы! Ужъ коли въ Стенкѣ проснулась совѣсть, такъ чего-жъ мы-то ждемъ? Нутка, благословясь!.. (*Становится передъ фронтъ*). Съ нами Богъ! Ура!

Ополченныиъ Съ нами Богъ! Ура! (*Барабанички бьютъ маршъ, ополченныиъ проходятъ кругомъ всей сцены, крестьяне бросаются ихъ провожать, Въ это время изъ-за дома Зуды показывается*

небольшая телега, въ которую запряжена одна кляча, самой непривлекательной паружности. Въ телегѣ лежитъ бочка съ виномъ, на которой сидитъ Зуда и самъ правитъ лошадыю).

Зуда (попучая лошадь). Ну, ну! Сърко! Догоняй скорье; вѣдь самому подь музыку-ту веселье будетъ ноги переставлять.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ДОЛГЪ СЛУЖБЫ И ЛЮБОВЬ МАТЕРИ.

Богатая компанія въ домѣ Майскихъ.

I.

Донцева (одна, смотритъ въ окошко). Все еще учатся!.. Ахъ, Боже мой! Да когда же они перестанутъ?.. Бѣдный Александръ! Я думаю, ему всѣ руки оттянуло ружьемъ. Да и дядюшка, Иванъ Львовичъ, прѣхалъ сюда только для того, чтобы сманить племянниковъ въ военную службу.

II.

ДОНЦЕВА и АНДРЕЙ.

Андрей. Барышня, пожалуйста къ Аннѣ Львовнѣ, онѣ васъ просятъ.

Донцева. Сейчасъ.

Андрей (одинъ). Бѣдняжка! Жалко ее, право жалко! Э—эхъ! Французъ, Французъ! все это брать ты накуралесилъ! (Смотритъ въ окно). Вотъ и ученье кончилось. Бѣжать поскорѣ къ ротному закройщику и спросить у него, готовы-ли барскіе мундиры и шинели. (Хочетъ идти и въ дверяхъ встрѣчается съ Александромъ и Николаемъ).

III.

АНДРЕЙ, АЛЕКСАНДРЪ и НИКОЛАЙ.

Николай (Увидя Андрея). А! Здравствуй, Андрей! Гдѣ маменька?

Андрей. Кушаютъ кофей, въ кабинетъ у барина.

Александръ. А барышня?

АНДРЕЙ. Съ ними вмѣстѣ-съ. Однакожь, пзвините, мнѣ надобно бѣжать къ портному за вашимъ платьемъ.

НИКОЛАЙ. Ступай, кто тебя держитъ. (*Андрей уходитъ*).

III.

АЛЕКСАНДРЪ и НИКОЛАЙ.

НИКОЛАЙ. Тьфу, какъ я проголодался?.. (*Александрю*). Братъ! хочешь позавтракать?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ.

НИКОЛАЙ. Это удивительно! Онъ точно съ осени закормленъ! Говоритъ мало, ѣсть мало, а спитъ и того меньше, славный солдатъ!

АЛЕКСАНДРЪ (*нетерпѣливо*). Послушай, братъ, ты мнѣ надоѣлъ своею веселостью!

НИКОЛАЙ. А ты мнѣ надоѣлъ своей хандрою! Съ-тѣхъ-поръ, какъ прѣехалъ сюда дядюшка, и объявилъ, что мы приняты на службу, ты сталъ совсѣмъ другимъ человекомъ; я, родной братъ, не узнаю тебя; да ужъ не трусишь-ли ты?

АЛЕКСАНДРЪ (*всторону*). Ахъ! какое мученіе! (*Николаю, взявъ его за руку*). Не ужели ты во мнѣ сомнѣваешься?

НИКОЛАЙ. Да какъ-же, братецъ, не сомнѣваться? Помилуй! Отечество въ опасности, все вооружается, все идетъ на службу весело, радостно, а ты хмуришься!

АЛЕКСАНДРЪ (*съ достоинствомъ*). Братъ! не упрекай меня! Я неменьше тебя люблю родину, неменьше тебя уважаю призывъ и волю Благословеннаго Монарха, но...

НИКОЛАЙ. Что-же такое?

АЛЕКСАНДРЪ. Я знаю, что не возвращусь больше въ домъ родительскій.

НИКОЛАЙ. Это почему?

АЛЕКСАНДРЪ. Меня убьютъ!

НИКОЛАЙ. Кто тебѣ это сказалъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Предчувствіе.

НИКОЛАЙ. Вздоръ! Ты знаешь пословицу: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!» Выкинь изъ головы эти пустяки и будь веселъ какъ я.

АЛЕКСАНДРЪ (*обнимая брата*). Да! И въ-самомъ-дѣль, что за ребячество. Прочь мрачныя мысли! Прочь глупыя предчувствія!

НИКОЛАЙ. Давно-бы такъ! А то было, ужъ я начиналъ думать: не подмѣнили-ли мнѣ тебя, не дѣвченка-ли ты переодѣтая?

ТЪ-ЖЕ и СИДОРОВЪ.

Сидоровъ. Здравія желаю, ваши благородія?

Николай. А! учитель! Что скажешь хорошаго?

Сидоровъ. Все обстоитъ благополучно, ваше благородіе. Дядюшка приказали мнѣ зайти сюда послѣ ученья.

Николай. Дядюшка еще не возвращался; онъ осматриваетъ теперь новую партію рекрутъ.

Сидоровъ. Счастливо оставаться, ваше благородіе! (*Хочетъ идти*).

Николай (*останавливая его*). Погоди, побесѣдуй съ нами.

Сидоровъ (*съ чувствомъ*). Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе!

Александръ. Дядюшка не ошибся, поручивъ тебѣ быть нашимъ учителемъ въ военномъ дѣлѣ.

Сидоровъ. Дай Богъ здоровья отцу-командиру! Онъ зналъ, чѣмъ разогрѣть душу стараго солдата. Знаете-ли, ваше благородіе, что эта честь для меня дороже всего на свѣтѣ.

Николай. Вѣримъ, добрый Сидоровъ, вѣримъ и постараемся доказать тебѣ, что твои труды не пропали даромъ. Видѣлъ-ли ты наше сегодняшнее ученье?

Сидоровъ. Видѣлъ, ваше благородіе.

Александръ. Что-жъ, хорошо мы исполняли твои уроки?

Сидоровъ (*замысливъ*). Не знаю, ваше благородіе.

Николай. Какъ не знаешь? Стало-быть, ты недоволенъ мною?

Сидоровъ. Вами, я распродоволенъ, доволенъ! А вотъ его благородіемъ, такъ...

Александръ. Что же, я? Нехорошо?

Сидоровъ. Да такъ себѣ: ни шатко, ни валко, ни на сторону!

Николай (*брату*). Слышишь! И всему причиною твоя хандра.

Александръ. Ахъ, не напоминай мнѣ объ этомъ. Мнѣ теперь самому за себя стыдно!

Сидоровъ (*Александру*). Да вы не сокрушайтесь, ваше благородіе, не задумывайтесь, а мыслите только, что солдату слѣдуетъ безъ думы, безъ оглядки, безъ отговорокъ дѣлать все по приказу.

Александръ. Такъ, Сидоровъ, такъ! А скажи-ка, по чести: дядюшка нашъ храбрый офицеръ?

Сидоровъ. Читали вы сказку про Илью богатыря, ваше бла-

городіе? Такъ вотъ, дядюшка-то вашъ, по храбрости, ему тѣзка приходится.

АЛЕКСАНДРЪ. Тсъ! Тише, вотъ онъ и самъ!

VI.

ТЪ-ЖЕ, ЧУБАРОВЪ и ОГНЕВЪ.

ЧУБАРОВЪ (*Огневу*). Спасибо, Огневъ, спасибо! Я тобою очень доволенъ! Ты мнѣ славно вышлифовалъ молодыхъ рекрутъ; это такіе молодцы, которыхъ нескоро различишь отъ старыхъ служивыхъ.

ОГНЕВЪ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*подходитъ къ бюро, отпираетъ его, выпинаетъ деньги и отдаетъ Огневу*). Вотъ тебѣ деньги: сегодня за обѣдомъ чтобы у всѣхъ была винная порція. Слышишь?

ОГНЕВЪ (*беретъ деньги*). Слушаю, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*останавливая его*). Погоди!.. У тебя въ ротъ есть Степанъ Козыревъ?

ОГНЕВЪ. Есть, ваше высокоблагородіе.

ЧУБАРОВЪ. Какъ онъ ведетъ себя?

ОГНЕВЪ. Отлично хорошо.

ЧУБАРОВЪ. Не можетъ быть!

ОГНЕВЪ. Не можемъ обмануть командира. Истинно такъ.

ЧУБАРОВЪ. Да онъ пьяница.

ОГНЕВЪ. Капли въ ротъ не беретъ.

ЧУБАРОВЪ (*обращаясь къ Сидору*). Сидоровъ! Слышишь?

СИДОРОВЪ. Слышу, ваше высокоблагородіе, и не могу опомниться отъ радости!

ЧУБАРОВЪ. Стало-быть: лучшая школа царская служба! (*Огневу*). Ступай! О поведеніи Козырева доносить мнѣ какъ можно чаще.

ОГНЕВЪ. Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе! (*Уходитъ*).

VII.

ТЪ-ЖЕ, КРОМЪ ОГНЕВА.

ЧУБАРОВЪ (*обращаясь къ Николаю и Александру*). Ну, а вы что скажете, любезные племяннички, молочнички, маменькины сынки?

Николай. Что прикажете, дядюшка...

Чубаровъ. Во-первыхъ, почему вы до-сихъ-поръ не въ формъ? Знаете-ли, что разнокалиберщина на ученьи портитъ фронтъ.

Александръ. Знаемъ, дядюшка, но это не отъ насъ зависить. Портной...

Чубаровъ (*перебивая его*). Лентяй! его надобно поторопить. (*Къ Сидорову*). Ну, а что твои ополченнные, не скучаютъ?

Сидоровъ. Куда скучать, ваше высокоблагородіе! Такой-ли это народъ, они только и знаютъ, что учатся артикулу, распѣвають пѣсни во всё горло, и ждутъ не дождутся, когда выступатъ въ походъ.

Чубаровъ. Молодцы! Съ такимъ народомъ можно сдѣлать то, чего Французы и во снъ не видали. Такъ-ли, Сидоровъ?

Сидоровъ. Такъ, ваше высокоблагородіе! Русскаго челоуька стоитъ только затронуть за живое, такъ онъ такихъ чудесъ надѣлаетъ, про которыя и сказку не сложить.

Наполеону и не снилось,
Когда затѣялъ съ нами бой,
Чтобъ поголовно озолчилась
Святая Русь за край родной.
У насъ въ сердцахъ—одна основа,
Намъ родина милѣй всего!
Россія не возьметъ чужаго,
Да не отдастъ и своего!
Мы Бонапарту ненаходка;
Бѣлугой завизжитъ Французъ,
Какъ православная борода
Заѣдетъ во французскій усь!

Эхъ! Только-бы намъ поскорѣ въ дѣло, а то потышились-бы наши русскіе соколы надъ заморскими коршунами! (*Чубарову*). Ваше высокоблагородіе! Не взыщите за любопытство, позвольте узнать: скоро-ли мы выступимъ подъ непріятели?

Чубаровъ. Не медля ни минуты, какъ только придетъ приказаніе главнокомандующаго.

Сидоровъ. Ахъ, кабы оно поскорѣ пришло!

Чубаровъ. А что? Не терпится?

Сидоровъ. Не подъ силу, ваше высокоблагородіе! Богъ свидѣтель, не подъ силу! Грустно, больно русскому сердцу видѣть, какъ безпрестанно отступаютъ наши арміи, какъ злой супостатъ занялъ уже самую середину нашего отечества.

ЧУБАРОВЪ. Вотъ слова главнокомандующаго : «Съ потерю Москвы не потеряна Россія. И самую уступкою первопрестольной столицы нашей мы приготовимъ позоръ и гибель непріятелю.» А ты знаешь, Сидоровъ, что на слова князя Кутузова положиться можно.

Сидоровъ. Если такъ молвилъ батюшка Михаилъ Ларвионовичъ, такъ ужъ нашему брату нечего попусту и языкъ чесать; его слово крѣпче замка желѣзнаго.

ЧУБАРОВЪ. Да! И тебѣ, старому волку, падобно сидѣть у моря да ждать погоды. (*Обрацаясь къ племянникамъ*). А гдѣ-же ваши старики?

Александръ. Сидятъ въ кабинетъ.

ЧУБАРОВЪ. И вѣрно кофеи распиваютъ? О, старые лентяи! Вѣдь нѣтъ, чтобы подумать объ нашемъ братѣ служивомъ, который всталъ съ пяти часовъ и у котораго еще до-сихъ-поръ маковой росы во рту не было.

Николай. Что-же вамъ угодно, дядюшка?

ЧУБАРОВЪ. Да, я думаю, того-же, чего и тебѣ угодно; завтракать.

VIII.

ТѢЖЕ МАЙСКІЙ, АННА ЛЬВОВНА и ДОНЦЕВА.

МАЙСКАЯ (*услышавъ послѣднія слова*). Сейчасъ, сейчасъ, мои голубчпки, сейчасъ принесутъ.

ЧУБАРОВЪ. Ну, слава Богу! А ужъ я было думалъ, сестра, что ты объ насъ забыла?

МАЙСКАЯ. Да если правду сказать, братецъ, такъ я и дѣйстви-тельно объ тебѣ мало беспокоилась.

ЧУБАРОВЪ (*смѣется*). Ахъ, прахъ возьми! Да о комъ-же ты думала?

МАЙСКАЯ (*показывая на дѣтей*). А вотъ о комъ. Объ моихъ голубчикахъ, объ моихъ ненаглядныхъ!.. (*Маскаетъ дѣтей*). Ну что, я думаю, вы очень устали?

ЧУБАРОВЪ (*смѣется*). Да какъ-же не устать! Вели поскорѣе приготовить перинки, да спеленай ихъ свивальничками; пускай отдохнутъ маленько.

Донцева (*всторону*). Противный! Еще онъ-же и смѣется.

МАЙСКОЙ. Да, братъ, Иванъ Львовичъ, нашъ женскій полъ на тебя крѣпко сердитъ! А особенно Лизанька. Вѣдь это она и уго-ворила жену, чтобы оставитъ тебя сегодня безъ завтрака.

ЧУБАРОВЪ. Какъ! И Лизавета Михайловна противъ меня!.. Да за что же это?.. Лизавета Михайловна! Что я вамъ сдѣлалъ? за что вы хотите уморить меня съ голоду?

ДОНЦЕВА. А зачѣмъ вы другихъ морите столько времени на ученьи?

ЧУБАРОВЪ. О, неблагодарность! Прошу покорно: я для нея-же стараюсь, приучаю будущаго ея мужа къ терпѣнью, а она... Чистая неблагодарность!

ДОНЦЕВА. Да кто васъ проситъ объ этомъ беспокоиться? Было-бы гораздо лучше, еслибъ вы не мѣшался въ чужія дѣла.

МАЙСКАЯ. Вотъ ужъ что правда, то правда, Лизанька. Въ чужой монастырь со своимъ указомъ ходить не слѣдуетъ!

МАЙСКОЙ (Чубарову). Что, братъ, попался? Вотъ ужъ тебя!

ЧУБАРОВЪ. Да, боюсь я очень! Что такое и въ-самомъ-дѣль? Напалъ женскій гарнизонъ, — большая важность! Ну, не подадутъ мнѣ завтракать сюда, такъ я и самъ на кухню дорогу знаю. *(Въ это время слуга вноситъ завтракъ и ставитъ его на столъ.)*

ЧУБАРОВЪ (увидя это). Ага! Струсили! Ура! крѣпость сдалась на капитуляцію. *(Садится за столъ.)*

МАЙСКАЯ (Александрѣ). Сашенька! А ты что же?

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ не хочется, маменька.

МАЙСКАЯ. Что ты, что ты, столько времени не ѣлъ, да и теперь не хочешь?.. Нѣтъ, нѣтъ, садись!

ЧУБАРОВЪ. Садись, братъ Александръ. Легко можетъ быть, что это и послѣдній завтракъ въ домъ родительскомъ.

АЛЕКСАНДРЪ (восторженно, со вздохомъ). Ахъ! я и самъ это чувствую.

Всѣ. Какъ послѣдній?!

ЧУБАРОВЪ. Да! Мы идемъ не на брачный пиръ, а туда, гдѣ въ животъ и смерти Богъ воленъ!

МАЙСКАЯ (съ безпокойствомъ). Какъ, братецъ! Да неужели ты, не шутя, хочешь взять съ собою Николая и Александра?..

ЧУБАРОВЪ. А ты какъ думала? Иначе, зачѣмъ-бы мнѣ ихъ было записывать въ военную службу.

МАЙСКАЯ. И они пойдутъ подъ Француза?.. Пойдутъ въ сраженіе?..

ЧУБАРОВЪ. Непременно пойдутъ!

МАЙСКАЯ (рѣшительно). Этому не бывать!

ЧУБАРОВЪ (вскочивъ изъ-за стола). Что?!

ДОНЦЕВА. Не пускайте, маменька, не пускайте; что это и въ-самомъ-дѣль!

МАЙСКАЯ. Да таки и не пуцу!

МАЙСКІЙ (*жель*). Однакожь послушай, мой другъ...

МАЙСКАЯ. Что такое, батюшка?

МАЙСКІЙ. Честь русскаго дворянина требуетъ, чтобы дѣти наши...

НИКОЛАЙ. Милая маменька! позвольте намъ...

МАЙСКАЯ. Ни за что не позволю!

ЧУБАРОВЪ (*сестръ*). Сумасбродная женщина! Вспомни только, что ты дѣлаешь. Въ минуту бѣдствія ты отнимаешь у отечества вѣрныхъ и храбрыхъ защитниковъ!

МАЙСКАЯ. А ты развѣ лучше поступаешь, когда отнимаешь у бѣдной матери дѣтей и у невѣсты жениха?

ЧУБАРОВЪ. Для пользы отечества всякой изъ насъ долженъ жертвовать собою.

МАЙСКІЙ (*жель*). Согласись, другъ мой! Не удерживай ихъ...

МАЙСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ, я своихъ не пуцу!

МАЙСКІЙ. Но я прошу тебя!..

МАЙСКАЯ. Не проси!

МАЙСКІЙ. Аннушка! Ради Бога!..

МАЙСКАЯ. Напрасно изволишь беспокоиться.

МАЙСКІЙ (*серьозно*). Такъ ты не хочешь?

МАЙСКАЯ. Не хочу, не хочу и не хочу!

МАЙСКІЙ (*повелительно*). Ну, такъ я тебя приказываю!

МАЙСКАЯ. Чтò! чтò?! Ты мнѣ приказываешь?!

МАЙСКІЙ (*горячо*). Да! я вхожу въ свои права, потому-что ты забываешь свои обязанности!

ЧУБАРОВЪ (*Майскому*) Славно, братъ, Иванъ Петровичъ, славно! Не давай повадки бабамъ.

МАЙСКАЯ (*мужу*). Иванъ Петровичъ, опомнись! Что ты дѣлаешь?..

МАЙСКІЙ. То, что велятъ мой долгъ и присяга, что сдѣлаетъ всякой русскій дворянинъ и честный человекъ; наконецъ то, чего ты, по глупости своей, не понимаешь!

МАЙСКАЯ. Вотъ тебѣ разъ! Ужъ онъ бранится!.. (*Плачетъ*). Иванъ Петровичъ, извергъ ты этакой! Посмотри, вѣдь я плачу...

ЧУБАРОВЪ. Женскія слезы — вода! (*Сестръ*) Безразсудная женщина! Чего ты боишься?

МАЙСКАЯ. Ахъ, братецъ! А если ихъ убьютъ?

ЧУБАРОВЪ. Да развѣ всѣхъ убиваютъ, кто идетъ въ сраженіе? Нашъ русскій бояринъ, Михайла Андреевичъ Милорадовичъ, до-сихъ-поръ былъ въ сорока компаніяхъ и не получилъ ни одной царапины.

МАЙСКАЯ. Вотъ что вздумалъ сказать: вѣдь онъ генераль, такъ въ него, я думаю, Французы и стрѣляютъ—то не смѣютъ.

ЧУБАРОВЪ (*смѣется*). Ха, ха, ха!

МАЙСКАЯ. Чему ты смѣешься? У Бонапарта, говорятъ, столько солдатъ, что и видимо невидимо! Гдѣ вамъ съ ними управиться?

ЧУБАРОВЪ. Сила войска состоитъ не въ сотняхъ тысячъ, но въ любви къ отечеству — этимъ Россія и богата и счастлива!

МАЙСКАЯ. Ты судишь все по своему, по военному; а я сужу, какъ мать. (*Плачетъ*).

ЧУБАРОВЪ. Опять за слезы!.. Тьфу, чортъ возьми! Всѣ эти ба-ловницы — матушки на одинъ покрой. Ни одна разлука не обхо-дится у нихъ безъ слезъ, а послѣ, когда дѣти ихъ возвратятся со славою изъ похода, такъ и имъ любо: не наглядятся, не на-радуются, не нацѣлуются; да и нельзя иначе: у того золотая шпага за храбрость, у другаго крестъ въ петлицѣ, у третьяго орденъ на шеѣ... Что ты на это скажешь, сестра? Развѣ это не заманчиво?

МАЙСКАЯ. Заманчиво—то заманчиво; да страшно...

ЧУБАРОВЪ. Пустяки! Будь молодцомъ, бей по рукамъ!

МАЙСКАЯ (*послѣ нѣкоторой неръшимости протягиваетъ ему руку*). Дѣлайте, что хотите, Богъ съ вами!

ЧУБАРОВЪ. Ура! Наша взяла!

МАЙСКІЙ (*обнимая жену*). Добрая моя Аннушка!

Александръ и Николай (*бросаются къ матери и цѣлуютъ ей руки*).
Милая маменька!

МАЙСКАЯ (*обнимаетъ и цѣлуетъ дѣтей*). Богъ съ вами, мои голубчики, Богъ съ вами!.. (*Подходитъ къ Лизѣ*). Лизанька! Не сокрушайся, моя красавица, не сокрушайся! Богъ милостивъ, Сама воротится офицеромъ, и тогда-то ужъ мы сыграемъ вамъ свадьбу.

Донцова (*съ достоинствомъ*). Сокрушаться!.. Вы ошибаетесь! Я люблю моего Александра, люблю больше жизни! Но никогда не буду противиться священному долгу, призывающему его на поле чести.

ЧУБАРОВЪ. Bravo! Лизавета Михайловна, bravo! Эхъ! Жаль, что вы не мальчишка, непременно-бы записалъ васъ въ портупей-пра-порщики!

IX.

ТЪ-ЖЕ и АНДРЕЙ, съ двумя большими узлами.

ЧУБАРОВЪ (*увидя Андрея*). Что это такое?

АНДРЕЙ. Военное платье для молодыхъ господъ. (*Уходитъ въ комнату направо*).

НИКОЛАЙ. Ахъ, какъ я радъ! Братъ, пойдемъ поскорѣе, примѣримъ.

ЧУБАРОВЪ (*Майскому*). Ну, видишь-ли, Иванъ Петровичъ, все кончилось благополучно.

МАЙСКИЙ. Да братъ, признаюсь тебѣ, я никакъ не ожидалъ, чтобы жена моя такъ скоро согласилась.

ЧУБАРОВЪ. Да какъ не согласиться? Съ женщинами надобно только дѣйствовать наступательно и онъ всегда сдадутся на капитуляцію.

МАЙСКИЙ. Въ-продолженіе тридцати лѣтъ я сегодня еще въ первый разъ такъ круто поступилъ съ моею женой.

ЧУБАРОВЪ. Вотъ этимъ-то ты ее и избаловалъ; женщинамъ только дай повадку, такъ онъ сядутъ, да поѣдутъ, да и ножки подождутъ.

X.

ТЪ-ЖЕ и подпоручикъ НОСКОВЪ.

ЧУБАРОВЪ (*увидя Носкова*). Что вамъ угодно?

НОСКОВЪ. Г. полковникъ, депеша отъ главнокомандующаго.

ЧУБАРОВЪ (*весело*). А! Наконецъ-то! (*Беретъ отъ Носкова пакетъ, распечатываетъ и читаетъ про себя*). Слава Богу! (*Носкову*). Г. подпоручикъ! объявите людямъ походъ; мы сегодня же выступимъ.

НОСКОВЪ. Слушаю, г. полковникъ. (*Уходитъ*).

ЧУБАРОВЪ (*кричитъ въ дверь, въ которую ушли Николай и Александръ*). Эй, молодежь! Туалетъ вашъ продолжается слишкомъ долго. Сидоровъ! Что ты тамъ копаешься?

СИДОРОВЪ (*за кулисами*). Пригоняемъ амуницію, ваше высокоблагородіе.

ЧУБАРОВЪ. Живо! Да извольте надѣвать полную походную форму! Слышишь?

СИДОРОВЪ. Слушаю, ваше высокоблагородіе.

МАЙСКИЙ. Что это, Иванъ Львовичъ, развѣ ты опять хочешь дѣлать ученье?

ЧУБАРОВЪ. Ученье?.. Нѣтъ, братъ, Иванъ Петровичъ, конецъ ученьямъ! Мы теперь вступаемъ въ настоящую службу. Я сейчасъ получилъ приказаніе главнокомандующаго выступить въ походъ и соединиться съ дѣйствующею арміей.

МАЙСКІЙ. Какъ! Стало-быть, мы скоро и разстанемся?

ЧУБАРОВЪ. Даже скорѣе, нежели ты думаешь.

МАЙСКІЙ. Неужели сегодня?

ЧУБАРОВЪ. Недальше, какъ черезъ полчаса.

МАЙСКАЯ. Черезъ полчаса!.. Боже милосердый! (*Плачетъ*).

ЧУБАРОВЪ. Сестра! Ты опять за старое! Стыдно!

МАЙСКАЯ. Братецъ, не могу!

ЧУБАРОВЪ (*съ сердцемъ*). О, женщины! Когда вы будете умнѣе?

ХІ.

ТЪ-ЖЕ, НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ, въ полной походной амуниціи, и СИДОРОВЪ.

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ (*подходятъ къ Чубарову и становятся передъ нимъ во фронтъ*). Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*съ удивленіемъ*). Хорошо! Молодцы! Спасибо, ребята!

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*командуя*). Вольно! Кивера долой.

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ (*дѣлаютъ нальво кругомъ, отходятъ и снимаютъ кивера*).

ЧУБАРОВЪ (*смѣдитъ за ихъ дѣйствіями и потомъ говоритъ Майскому*). Ну, братъ, Иванъ Петровичъ, я готовъ объ закладъ удаться, что не пройдетъ и мѣсяца, какъ дѣти твои надѣнутъ офицерскую форму.

МАЙСКІЙ. Давай Богъ твоими устами медъ пить.

ЧУБАРОВЪ Выпьемъ и шампанскаго. (*Племнникамъ*). Ну, молодежь, вы представились мнѣ, какъ начальнику, обнимете меня теперь, какъ дядю. (*Николай и Александръ бросаются къ Чубарову и обнимаютъ его*).

АЛЕКСАНДРЪ. Дядюшка! Добрый дядюшка!

НИКОЛАЙ. Ваша похвала для насъ такъ пріятна, что мы не въ состояніи выразить...

ЧУБАРОВЪ. А еще будетъ пріятнѣе, когда вы заслужите похвалу высшаго начальства.

НИКОЛАЙ. Повѣрьте, дядюшка, если только представится случай, вы увидите на дѣлѣ, какъ дорожатъ ваши племянники такою высокою милостью.

ЧУБАРОВЪ (*бьетъ его по плечу*). Браво, Николай, браво! Ты такъ и смотришь офицеромъ. (*Сестрѣ*). Сестра! Чего-жъ ты дожидаешься? Неужели ты отпустишь насъ въ походъ безъ обѣда?

МАЙСКАЯ. Я сейчасъ-же всею распоряжусь... (*Обнимаетъ дѣтей*). Ахъ, вы мои голубчики! Ахъ, вы мои родные! (*Плачетъ и уходитъ*).

ЧУБАРОВЪ (*смотритъ вслѣдъ уходящей сестры*). Славная женщина, добрая мать, зато ужъ въ трусости жиды перещеголяетъ. (*Майскому*). Иванъ Петровичъ, ты, кажется, обѣщаль подарить мнѣ лошадь? Теперъ настало время: пойдѣмъ-ка, братъ, на конюшню, посмотримъ твоихъ буцефаловъ.

МАЙСКИЙ. Пойдемъ, пойдѣмъ; выбирай любую.

ЧУБАРОВЪ (*племянникамъ*). Вы, молодежь, до обѣда свободны, дѣлайте, что хотите. (*Майскому*). Пойдемъ! (*Уходятъ подъ руку*).

НИКОЛАЙ. Братъ! Я пойду укладывать чемоданы.

АЛЕКСАНДРЪ. А я побѣгу успокоить мою Лизаньку. (*Убѣгаетъ*).

Перемѣна декораціи. Городская площадь. Въ глубинѣ сцены видны шлабамъ. Съ обѣихъ сторонъ дома городскихъ жителей, изъ оконъ которыхъ вымываютъ по временамъ молоденькія дѣвушки. Вся площадь наполнена народомъ, солдатами, ополченными, разносчиками и обывателями. Все они въ разныхъ группахъ. Одни изъ солдатъ закупаютъ у разносчиковъ разныя вещи, другіе покуриваютъ трубочки, третьи подходятъ къ цѣловальнику Зудь, который со своею бочкою расположился между двухъ домовъ съ правой стороны.

ХІІ.

СОЛОНИНИКОВЪ, **ЧУРАЩЕНКО**, **ТЕСАКОВЪ** и **ПОДМЕТКИНЪ** стоятъ отдѣльною группою, **ВАСИЛІЙ**, **СЕМЕНЪ**, **ПЕТРЪ** и **АЛЕКСѢЙ** окружаютъ сбитеньщика и пьютъ сбитень.

ВАСИЛІЙ (*прихльбывая изъ стакана сбитень*). А! Знательно.. (*Подаетъ сбитеньщику пустой стаканъ*). Наливай еще! (*Товарищамъ*). Эка сласть, ребята! Што не отвѣдаете?

СЕМЕНЪ (*нервнительно*). А почему?

ВАСИЛІЙ. Да дорого-то дорого; по грошу за стаканъ.

СЕМЕНЪ. Эге! Что у насъ деньги-то шальные штоль? (*Отходитъ*).

ПЕТРЪ. Дайка-сь я испробую. (*Отдаетъ деньги сбитеньщику, тотъ наливаетъ ему сбитню*),

АЛЕКСѢЙ (*сбитеньщику*). Давай ужъ и мнѣ. (*Сбитеньщикъ наливаетъ*).

ВАСИЛІЙ (*Семену*). Сенька! Да выпей, дурья голова.

СЕМЕНЪ. Не хочу!

ВАСИЛІЙ. Да выпей, хоть за мои?

СЕМЕНЪ (*съ сердцемъ*). За твои! За твои! И за свои бы выпилъ, да не хочу.

ВАСИЛІЙ (*обидльсь*). Ну инъ шла кума пѣша, а куму легче; была-бы честь приложена, а отъ убытку Богъ избавплъ.

СОЛОНИННИКОВЪ (*Чуращенкѣ, показывая на опоменныхъ*). Гляди-ка-сь, братецъ ты мой, какъ наше мужичье-то чуфарится?

ЧУРАЩЕНКО. Э! Нехай ихъ...

СОЛОНИННИКОВЪ. Да они, братецъ ты мой, деньгами сорять словно щепками.

ЧУРАЩЕНКО. Тай щожъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Ничего. Я говорю только, братецъ ты мой, что и намъ-бы передъ походомъ не мѣшало себя чѣмъ-нибудь потѣшить.

ЧУРАЩЕНКО. Такъ щожъ? Спивай пнсю.

СОЛОНИННИКОВЪ. Вотъ выдумалъ! Что за утѣха пѣсня?.. Отъ нея пьянъ будешь! Нельзя-ли бы этакъ... понимаешь? (*Щелкаетъ себя по галстуху*).

ЧУРАЩЕНКО (*ухмыляясь*). Эгэ! Такъ щожъ робить, колы грошей нема?

ТЕСАКОВЪ. Что-то однако, братцы, не видно Степана Козырева.

СОЛОНИННИКОВЪ. Козырева! Это рекрутикъ-то что-ли?

ТЕСАКОВЪ. Да, только такой рекрутикъ, который и нашего брата за поясъ заткнетъ. Въдь вотъ, братцы, даетъ-же Господь челоуьку такое понятіе: давно-ли онъ былъ мужиченка ледащій, а теперъ посмотрика-сь: съ небольшимъ въ двѣ недѣли всю солдатскую службу пропзошелъ до тонкости.

СОЛОНИННИКОВЪ. Эка штука! Въдь его, сударь ты мой, самъ фельдфебель муштровалъ.

ТЕСАКОВЪ. Такъ что-жъ, что самъ? Другаго пня какъ ни муштруй, а все инемъ останется. Ужъ изъ зайца, братъ, медвѣдя не съдлаешь, отъ козда молока не достанешь.

ПОДМЕТНИНЪ. А что, правда-ли, говорятъ, покуда онъ былъ въ мужичествѣ, такъ былъ горькой пьяница?

ТЕСАКОВЪ. И не приведи Богъ какой! Вонъ, спроси у Мишки Зуды, онъ его и спавать-то началъ, мошенникъ.

Соловьишковъ. А теперь-то, пьеть-ли?

Тесаковъ. И не нюхаетъ! Товарищей угостить какъ угодно, а самъ къ сторонѣ. Ужъ маркитантъ Мишка чего съ нимъ не дѣлалъ, какъ не соблазнялъ, куда тебѣ!

Соловьишковъ. Да гдѣ-же онъ, сударь ты мой?

Тесаковъ. Не время ему теперича: у него изъ деревни для прощанья гостя пришла.

Соловьишковъ. Прогнать ее, сударь ты мой. Что теперь за гостьбище? Люди въ походъ идутъ, а они въ гости шляются.

Тесаковъ. Нѣтъ, братъ, ужъ объ этомъ и не заикайся! Это такая гостя, для которой онъ готовъ въ огонь и въ воду!.. (Смотритъ въ первую кулису) Э! да вонъ, на твое счастье, ужъ, кажись, они и прощаются. . . недолго-же погостила голубка! Ну, да и то сказать, дальніе проводы, лишнія слезы.

Соловьишковъ. Да что-жъ это, мать что-ли его?

Тесаковъ. Невѣста.

Соловьишковъ. Невѣста!

ХІІІ.

ТЪ-ЖЕ, СТЕПАНЪ и ПАРАША выходятъ изъ первой кулисы.

Степанъ. Спасибо тебѣ, Парашенька, спасибо тебѣ, ненаглядная, что ты не забыла меня горемычнаго.

Параша. Вѣдь я не въ тебя, Степанъ Силиверстовичъ! Это ты только бросилъ меня на съѣденіе горю лютому и ухалъ не простимшись.

Степанъ. Ахъ, Парашенька! Мнѣ совѣстно взглянуть на тебя, опосля того, какъ ты мнѣ выбросила полтинникъ.

Параша. Да вѣдь я для того это сдѣлала, что мнѣ жалко стало смотреть, какъ ты дрожалъ передъ цѣловальникомъ.

Степанъ. А мнѣ подумалось, что ты ужъ совсемъ разлюбила меня.

Параша. Ахъ, Степа, Степа!

И хотѣла-бъ разлюбить,

Да не стало силы;

Сердце стало больно ныть,

По тебѣ, другъ милый!

Скука, объ руку съ тоской,

Ретивое грызли;

И помчались за тобой

Двѣчьи всѣ мысли.

Передъ батюшкой роднымъ

Я во всемъ таилась;

Съ изголовьицемъ однимъ

Слезками дѣлилась.

Лягу спать — анъ и во снѣ

Прилучалось часто,

Что мерещишься ты мнѣ,

Русый кудреватый!

Такъ могла-ль я разлюбить?

Нѣтъ не стало силы!

Сердце стало больно ныть,

По тебѣ, другъ милый!

СТЕПАНЪ (*обнимая ее*). Парашенька! Звѣздочка ты моя ненаглядная! О! какъ я люблю тебя!

ПАРАША. А ужъ я-то тебя какъ люблю, такъ и сказать не умью!.. Ахъ, Степа, Степа! Зачѣмъ ты пошелъ въ солдаты?..

СТЕПАНЪ. Не говори этого, Парашенька. Всѣ теперь идутъ на службу царскую, а я, благодаря Бога, не ублюдокъ между людей! Я не хочу, чтобы на меня показывали пальцами и говорили: «Степка Козырь трусь! Степка Козырь службы испугался!»

ПАРАША. Оно такъ... да вѣдь, вотъ батюшка-то мой говоритъ, что еслибы ты не ушелъ въ солдаты, такъ насъ-бы и повънчали.

СТЕПАНЪ. Поблагодарствуй отъ меня своего родимаго и попроси его обождать, покуля мы воротимся изъ похода. А на тебя, Парашенька, я надѣюсь крепко; вѣдь ты меня не разлюбишь?.. Ты не забудешь своего Степана?

ПАРАША. Ахъ, Степа, Степа! не покинь только ты меня, а ужъ я тебя никогда не забуду!.. Оначе, пора мнѣ и домой; батюшка, отпуская, настрого наказывалъ къ ночи домой вернуться. Прощай, Степа, прощай, мой голубчикъ! (*Плачетъ*).

СТЕПАНЪ (*съ чувствомъ обнимая ее*). Прости, моя ласточка! Прости моя милая! Береги мою старушку.

ПАРАША. Я буду чтить ее, какъ свою родную! Только ужъ и ты, Степушка, поберегай себя на страженіи; и если, чего Боже упаси, французъ будетъ убивать тебя, такъ ты не давайся и скажи ему: «Пусти меня, господинъ французъ, меня, молъ, дома невѣста дожидается.» Такъ-таки ему и скажи, онъ тебя и отпуститъ.

СТЕПАНЪ (*улыбался сквозь слезы*). Ладно, ладно, мое сокровище!

ПАРАША. Ну, прощай-же, мой ненаглядный!

СТЕПАНЪ. Прости, прости, Парашенька; кланяйся роднымым!.. Да гдѣ-же твоя лошадка-то?

ПАРАША. А эво, вонъ, съ батракомъ стоитъ за изгородью. (*Идетъ и потомъ останавливается*). Прощай, Степа!

СТЕПАНЪ (*подбѣгая къ ней*). Прощай, моя жемчужина перекатная! (*Параша уходитъ. Степанъ долго стоитъ на одномъ мѣстѣ и смотритъ вслѣдъ уходящей Параше*). Ушла!.. Боже милосердый! Она-ли это?.. Не мерещилось-ли мнѣ? Нѣтъ! Это была она! Это была моя Параша!.. Я не знаю, что со мною стало, а меня какъ будто прибыло! Я теперь такъ веселъ, что хоть въ присядку, такъ въ ту-же пору! (*Солонниковъ, Тесаковъ, Подметкинъ и Чуращенко подходятъ къ нему*).

ТЕСАКОВЪ. Ну, что, командиръ расночтенный! Проводилъ свою гостьюшку?

СТЕПАНЪ. Проводилъ, братцы.

ТЕСАКОВЪ. Наговорились, намиловались чай вдвоемъ?

СТЕПАНЪ. Ахъ, братцы, я теперь такъ веселъ, такъ радостенъ, что не знаю куда мнѣ и дѣваться со счастьемъ!

СОЛОННИКОВЪ. Вотъ еще, сударь ты мой, есть о чемъ думать. Коли самому довольно, такъ подѣлись съ другими.

ТЕСАКОВЪ. А мы, братъ, Козыревъ, тутъ безъ тебя горюемъ?

СТЕПАНЪ. Э! А чтобы такое у васъ попричилось?

СОЛОННИКОВЪ. Да оно, братецъ ты мой, коли разсудить хорошенько, такъ выходитъ дѣломъ причина-то и пустая, а все знаешь... Понимаешь?

СТЕПАНЪ. Воля твоя, товарищъ, а я что-то не умю въ толкъ взять.

СОЛОННИКОВЪ. Экой ты какой! Солдатской грамоты не понимаешь. Какъ-бы тебѣ это растолковать... Вотъ видишь-ли...

ТЕСАКОВЪ. Да полно, Солонниковъ, заводитъ куранты; говори прямо. (*Степану*). У насъ, братъ Козыревъ, денегъ нѣтъ, а выпить хочется передъ походомъ, такъ не поможешь-ли горю? А?

СТЕПАНЪ. Давно-бы такъ и молвили. Пойдемте, братцы, пойдемте; на такой радости, а особливо для товарищей, у меня послѣдняя копейка ребромъ!

ПОДМЕТКИНЪ. Вотъ молодецъ!

Солонинниковъ. Настоящій солдатъ!

Чуращенко. Отъ-то гарный парубокъ! (*Идутъ къ бочкѣ Зуды и встрѣчаются съ фельдфебелемъ*).

XIII.

ТЪ-ЖЕ и ОГНЕВЪ.

Огневъ. Куда! (*Солдаты становятся передъ нимъ въ фронтъ*).

Солонинниковъ (*запинаясь*). Кваску испить, ваша милость...

Огневъ. Котораго? Вонъ изъ этой бочки, что-ли? (*Увидя Степана*). Какъ, братъ, Козыревъ, и ты съ ними? Что, видно опять принялся за старое?

Степанъ. Никакъ нѣтъ, ваша честь, мнѣ хотѣлось только товарищей поподчивать.

Огневъ. А правду ты говоришь?

Степанъ. Видитъ Богъ, правду!

Огневъ. Ступайте! Да смотрите, не больше, какъ по одной.

Солдаты. Благодаримъ покорно. (*Идутъ къ Зудѣ, который имъ наливаютъ вина и они пьютъ, кромѣ Степана*).

XV.

ТЪ-ЖЕ и СИДОРОВЪ выходятъ быстро.

Сидоровъ (*ополченнымъ*). Бери ружья, ребята, сейчасъ командиръ будетъ! (*Ополченныя разбираютъ ружья*). Вонъ ужъ господа офицеры вышли.

Огневъ. Вотъ тебѣ на, а у меня весь народъ въ разбродъ. (*Отходитъ отъ Сидорова*).

XVI.

ТЪ-ЖЕ, НОСКОВЪ и нѣсколько офицеровъ.

Носковъ (*Огневу*). Бить сборъ!

Огневъ. Слушаю, ваше благородіе. (*Барабанщику*). Бей сборъ! (*Барабанщикъ бьетъ сборъ, солдаты слышатъ со всѣхъ сторонъ, разбираютъ ружья, изъ всѣхъ оконъ показываются лыбоньтиные жители. По окончаніи сбора, Носковъ командуетъ: «По мѣстамъ!» Солдаты становятся въ двѣ шеренги, и офицеры занимаютъ свои мѣста, увидя възвѣжающаго Чубарова*) Вотъ и полковникъ, Стройся! (*Ополченныя строятся*).

Носковъ (командуя). Слушай!.. На караулъ! (Солдаты дѣлаютъ на караулъ).

XVII.

ТЪ-ЖЕ, ЧУБАРОВЪ верхомъ, **АЛЕКСАНДРЪ**, **НИКОЛАЙ**, **МАЙСКІЙ**, **МАЙСКАЯ** и **ЛИЗА**. При выѣздѣ Чубарова, **АЛЕКСАНДРЪ** и **НИКОЛАЙ** занимаютъ свои мѣста въ рядахъ солдатъ, семейство ихъ остается на заднемъ планѣ, вмѣстѣ съ прочими зрителями.

ЧУБАРОВЪ. Здорово, ребята!

Солдаты и ополченныя. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ. Товарищи! Поздравляю васъ съ походомъ.

Всѣ. Ура!

ЧУБАРОВЪ. Къ вамъ обращаюсь я съ моею рѣчью, молодцы — новобранцы и удалые охотники. Скажите мнѣ: весело-ли вы вступаете на новое попріще? Съ охотою-ли идете на защиту родины отъ нашествія враговъ иноплеменныхъ?

Всѣ. Ура!

ЧУБАРОВЪ. Благодарю, благодарю васъ, друзья мои. Да иначе нельзя было и думать. Всѣ мы русскіе, дѣти одного отечества. Искони наши дѣды и прадѣды въ минуты опасности стояли за вѣру православную, святую Русь, и не жалѣли ни жизни, ни имѣнія. Они служили вѣрой и правдой, и этотъ святой завѣтъ передали намъ, своимъ потомкомъ. Мы также любимъ наше любезное отечество!.. А въ минуту, когда надо ринуться на враговъ, мы съ радостью положимъ наши головы съ истиннымъ сознаниемъ, что: «доколь съ нами Богъ, дотоль никто-же на ны; разумѣйте всѣ языцы и покаряйтесь; яко съ нами Богъ!»

Всѣ. Яко съ нами Богъ! Ура!

ЧУБАРОВЪ. Я все сказалъ. Теперь въ походъ. Пѣсенники впередъ! Начпнай! (*Пѣсенники начинаютъ пѣть*). Маршъ! (*Войско трогается и проходитъ мимо его, жители бросаются прощаться съ солдатами; семейство Майскихъ также на походъ прощается съ Александромъ и Николаемъ. Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Компата въ домѣ Майскихъ. При открытіи занавѣса слышны отдаленные пушечные выстрѣлы.

I.

МАЙСКІЙ (*стоитъ, у окна и прислушивается*). Кажется выстрѣлы приближаются... Чѣмъ больше прислушиваюсь, тѣмъ яственнѣе становится гулъ ихъ!.. (*Прислушивается; въ это время слышны сильные удары*). Да! Это не игра разстроеннаго воображенія, это истина, неоспоримая истина. Боже мой! Неужели и это мирное уѣздище подвергнется той-же участи, которая постигла мою подмосковную деревню?.. Но что объ этомъ думать. Что будетъ, то будетъ. Слава Богу, что мнѣ удалось уговорить жену и Лизу отправиться въ Ярославль; по-крайней-мѣрѣ, хоть онъ въ безопасности.

II.

МАЙСКІЙ и РЕЦЕПТУРИНЪ.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Здравствуйте, Иванъ Петровичъ!

МАЙСКІЙ (*съ радостью*). Ба, ба, ба! Гаврила Стенанычъ! Вотъ ужъ одолжилъ. Какимъ случаемъ?

РЕЦЕПТУРИНЪ. По службѣ. Какъ уѣздный лекаръ, получилъ приказаніе начальства объѣзжать ежедневно всѣхъ помѣщиковъ нашего уѣзда. Вотъ какъ.

МАЙСКІЙ. Да зачѣмъ-же это?

РЕЦЕПТУРИНЪ. А вотъ изволите видѣть: у нолковыхъ докторовъ теперь столько практики, что они не успеваютъ управлять; по этому случаю множество раненыхъ офицеровъ препровождаются для излеченія въ ближайшія помѣстья; вотъ за нимъ-то мнѣ и порученъ присмотръ. Вотъ какъ.

МАЙСКІЙ. Какая прекрасная выдумка!

РЕЦЕПТУРИНЪ. Безподобная! По-крайней-мѣрѣ и нашему брату есть случай хоть сколько-нибудь послужить на пользу отечества. Вотъ какъ. Къ вамъ не привозили ни одного раненаго?

МАЙСКІЙ. Нѣтъ, я еще не удостоился этой чести.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Жалко. А вонъ у Красноуѣвкова такъ цѣлыхъ трое лежатъ. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ. Ну, а что слышно новаго? Какъ дѣла? Что французы?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Да что-жъ французы? Сидѣли, сидѣли въ Москвѣ, однакоже цыплятъ не высидѣли; видно потому, что холодно стало. Я слышалъ отъ раненныхъ офицеровъ, что Наполеонъ уже три раза просилъ миру, да не пришла желанная вѣсточка. Между-тѣмъ, наши незваные гости безчинствовали да срамничали. Вдругъ выпалъ свѣгъ, да прижучили ихъ морозы, такіе, что о-о-охъ, горе лыкомъ подпоясано! Тутъ-то Наполеонъ и смѣкнулъ, что еслбы на горохъ не морозъ, такъ онъ-бы черезъ тынъ переросъ; и досадно ему стало, что у насъ въ Москвѣ два раза въ году лѣта не бываетъ. Вотъ какъ. 6-го октября собралъ онъ своихъ горе-богатырей на осенній парадъ и скомандовалъ имъ проходить церемоніальнымъ маршемъ. Вотъ и замаршировали наши Ерусланы Лазаревичи гусинымъ шагомъ. Вдругъ откуда ни возьмись адъютантъ Мюрата, и доносить, что князь Кутузовъ напалъ на французскій авангардъ, и задалъ ему такого чосу, что любо-два. «Ай, ай! Сове! Сове-ву!» Осовѣли басурманы, да и подрали вонъ изъ белокаменной. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ (*съ радосткю*). Такъ Москва очищена?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Очищена, въ полномъ смыслѣ этого слова.

МАЙСКИЙ. Ну, а главнокомандующій что дѣлаетъ?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Чудеса! — Выбравшись изъ Москвы, Наполеонъ бросился на новую калужскую дорогу, да не тутъ-то было: подъ Малымъ-Ярославцемъ ему истопили такую баню, что какъ ни холодно, а повспотѣли французы, и принуждены были, для прохлады, тронуться въ обратный путь къ Смоленску, по той-же дорогѣ, по которой пришли. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ (*съ одушевленіемъ*). Такъ съ этой минуты можно смѣло сказать: Россія спасена! (*Обнимаетъ Рецептурина*). О! другъ! Ты своими рассказами такъ одушевилъ меня, такъ обрадовалъ, что я не знаю, чѣмъ и благодарить тебя?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Хорошпмъ завтракомъ, потому-что я еще сегодня нпчего не ѣлъ. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ. Сейчасъ. (*Звонитъ въ колокольчикъ*). Андрей! Андрей!

III.

ТЪ-ЖЕ и АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ. Что прикажете, сударь?

МАЙСКИЙ. Завтракъ! Да смотри, поворачивайся живо!

Андрей. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Майскій. Ну, скажи мнѣ, Гаврила Степанычъ, что это за пальба слышна здѣсь по близости?

Рецептуринъ. А это должно-быть наши партизины потѣшаются надъ оставшими колоннами великой и непобѣдимой арміи. Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Кайсаровъ, Формовъ и Кудашевъ кредиторы самые неумолимые; они своего ни за что не потеряютъ; а кто у нихъ взялъ лычко, тотъ отдай ремешекъ.

Майскій (*горячо*). Да такъ и слѣдуетъ! За что имъ спускать разбойникамъ? Будетъ съ нихъ, пограбили матушку—Россію, поругались надъ святыми храмами, раззорили первопрестольную столицу.

Рецептуринъ. Успокойтесь, Иванъ Петровичъ! Богъ справедливъ и многомилостивъ; Онъ каждому воздастъ по заслугамъ. (*Въ это время, Андрей съ другимъ лакеемъ вносятъ накрытый столъ, съ приготовленнымъ завтракомъ*). А! Вотъ и завтракъ готовъ! Славно!

Майскій (*Андрею*). Ты здѣсь больше неужень. (*Андрей уходитъ*). Ну-ка, гость дорогой, милости просимъ. (*Садятся за столъ*). Съ чего-бы намъ начать: съ полыновки, или съ рябиновки?

Рецептуринъ. Да что-жъ, вѣдь онъ объ лучше. Впрочемъ, я слышалъ отъ старыхъ людей, что не вкусивши горькаго, не увидишь и сладкаго. Вотъ какъ.

Майскій. Ну такъ съ полыновки?

Рецептуринъ. Съ полыновки! (*Майскій наликаетъ рюмки и они пьютъ*). Бррр! Хорошо, да горько. А что-же, Иванъ Петровичъ, я не вижу вашего семейства?

Майскій. Сыновья въ арміи, а женщинъ я, для безопасности, отправилъ въ свою ярославскую деревню.

Рецептуринъ. И очень благоразумно поступили; потому-что французскіе мародеры рыщутъ какъ голодные волки, врываются въ дома помѣщиковъ, безчинствуютъ и грабятъ, какъ настоящіе разбойники. Вотъ какъ.

Майскій. И это образованная нація! и это люди, которыхъ мы, стыдно сказать, беремъ въ наставники нашихъ дѣтей!

Рецептуринъ. Да вѣдь у васъ у самихъ, кажется, былъ гувернеромъ французъ?

Майскій. Хуже! Это былъ французскій жидъ, и за все добро, которое я для него сдѣлалъ, онъ меня же обокралъ:

РЕЦЕПТУРИНЪ. Вотъ какъ. А впрочемъ я вѣдь его помню и еслибы только онъ не былъ мошенникомъ, такъ былъ-бы отличнымъ малымъ. Больше всего онъ мнѣ нравился тѣмъ, что славно говорилъ по-русски.

МАЙСКИЙ. Да, этотъ человекъ имѣлъ отличныя способности и самыя дурныя наклонности; онъ зналъ пять языковъ, и изъяснялся на нихъ также свободно, какъ на своемъ природномъ.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Вотъ какъ. А что, Иванъ Петровичъ, не попробовать-ли намъ теперь вотъ этой микстуры?

МАЙСКИЙ. Зачѣмъ-же дѣло стало? Наливай!

РЕЦЕПТУРИНЪ (*наливаетъ рюмки и переливаетъ черезъ край*). Ухъ! немножко ухнулъ!.. Ну, да ничего, вполне жить. (*Беретъ рюмку*). Ваше здоровье, Иванъ Петровичъ (*Выпиваетъ*). Вотъ какъ. (*За кулисами слышенъ шумъ*).

СТЕПАНЪ (*за кулисами*). Я съ тобой и говорить-то много не хочу, ты доложи барину.

АНДРЕЙ (*за кулисами*). Да что тутъ докладывать! Вѣдь сказано, что нельзя, ну такъ и нельзя!

МАЙСКИЙ. Что такое? что за шумъ?

СТЕПАНЪ (*за кулисами*). Да что-жъ у васъ здѣсь, татары что-ли живутъ?

МАЙСКИЙ. Что это значить?.. (*Кличетъ*) Андрей!

IV.

ТѢ-ЖЕ, АНДРЕЙ, СТЕПАНЪ, и потомъ СОЛОННИКОВЪ, ТЕСАКОВЪ, ПОДМЕТКИНЪ и ЧУРАЩЕНКО вносятъ раненнаго НИКОЛАЯ.

АНДРЕЙ (*входитъ*). Чего изволите?

МАЙСКИЙ (*Андрею*). Что у васъ тамъ такое?

АНДРЕЙ. Да вонъ, солдаты мертвеца принесли, да еще и лезутъ прямо въ комнаты.

МАЙСКИЙ. Что ты врешь, дуракъ?

АНДРЕЙ. Ей Богу-съ! И глаза подъ лобъ закатились, чистый мертвецъ.

МАЙСКИЙ. Болванъ! (*Хочетъ идти, въ это время входитъ Степанъ*).

СТЕПАНЪ. Здравія желаемъ, ваше благородіе!

МАЙСКИЙ. Здорово, служивый. Что тебѣ надобно?

СТЕПАНЪ. Ваше высокоблагородіе! будьте только милостивы, не откажите пріютить раненаго офицера.

МАЙСКИЙ. Раненаго офицера?.. Милости просимъ! Милости просимъ! Весь мой домъ къ его услугамъ.

СТЕПАНЪ. Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе! (*Кричитъ въ двери*). Несите сюда, братцы!

МАЙСКИЙ (АНДРЕЮ). Пошелъ, болванъ, приготовь поскорѣ постелю въ комнату молодыхъ господъ!

АНДРЕЙ. Да лучше-бы, сударь, вы приказали вырыть ему могилку въ саду...

МАЙСКИЙ (съ сердцемъ). Дѣлай, что тебѣ приказываютъ! (*Степану*).. А офицеръ еще молодъ?

СТЕПАНЪ. Молоденькой, ваше высокоблагородіе, и недѣли нѣтъ, какъ произведенъ изъ подпрапорщиковъ.

МАЙСКИЙ. Тяжело онъ раненъ?

СТЕПАНЪ. Пулею на вылетъ и штыкомъ въ бокъ.

МАЙСКИЙ (грустно). Бѣдный молодой человекъ! Можетъ-быть единственное утѣшеніе престарѣлыхъ родителей!.. О! Творецъ милосердный! Сохрани и помилуй дѣтей моихъ! (*Въ это время солдаты на ружьяхъ, покрытыхъ шинелью, вносятъ раненаго Николая*).

РЕЦЕПТУРИНЪ (подбѣгая къ Николаю). Э! Да онъ безъ памяти! (*Андрею, который въ это время вышелъ на сцену*). Принеси, любезный, мою походную аптечку, она тамъ стоитъ въ передней. (*Солдатамъ*). Сюда, сюда, служивые! (*Солдаты хотятъ нести*).

МАЙСКИЙ (въ это время также подошелъ къ Николаю, и взглянувъ на него, вскрикиваетъ). Пойдите!.. Боже! Вѣрить-ли глазамъ моимъ?..

РЕЦЕПТУРИНЪ. Что, что случилось?

МАЙСКИЙ (бросаясь къ Николаю). Николай!.. Сынъ мой! Милый сынъ!.. (*Цѣлуетъ руки Николая*).

СОЛДАТЫ. Сынъ его!

РЕЦЕПТУРИНЪ. Вотъ какъ! (*Кричитъ*). Аптечку, поскорѣ аптечку! (*Солдатамъ*). А вы, между-прочимъ, несите его сюда. (*Солдаты уносятъ Николая*).

МАЙСКИЙ (бросаясь на колѣна передъ Рецептуринимъ). Докторъ! Спаси мнѣ моего сына! Спаси мнѣ мое сокровище!.. Или дай мнѣ яду, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ! (*Заливается слезами*).

РЕЦЕПТУРИНЪ (поднимая Майскаго). Что вы, что вы, Иванъ Петровичъ? Господь съ вами!

МАЙСКИЙ (*въ отчаяніи*). Онъ умереть!.. Не правда ли, вѣдь онъ умереть?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Будеть живъ, непременно будетъ живъ! Вотъ только-бы мнѣ мою аптечку... (*Увидя входящаго Андрея, вырываетъ у него изъ рукъ ящикъ*). Ну что ты, братецъ, тамъ ко-пасься. (*Убѣгаетъ въ комнату, куда унесли Николая*).

МАЙСКИЙ. Нѣтъ! Онъ льститъ меня пустою надеждою!.. Онъ обманываетъ меня!.. Но чего я медлю?.. Можетъ-быть, сынъ мой пришелъ въ себя... Можетъ-быть, ждетъ меня, чтобы проститься... Къ нему! Къ нему! (*Бѣжитъ и встрѣчается съ солдатами, хватаятъ ихъ за руки и говоритъ съ отчаяніемъ*). Онъ умеръ? Не правда-ли, онъ умеръ?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, Богъ милостивъ! Правду сказать, трудненькъ; а все-таки дышетъ и пошевеливается.

МАЙСКИЙ. О! Благодарю Тебя, Господи! Благодарю Тебя отъ всей души моей! (*Солдатамъ*). Братцы! Царь Небесный вознаградитъ васъ за доброе дѣло! А отъ меня примите вотъ эту ничтожную благодарность, и молитесь за него; можетъ-быть, ваши молитвы будутъ угоднѣе моихъ передъ Господомъ Богомъ! (*Отдаетъ имъ бумажникъ и быстро уходитъ*).

V.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ МАЙСКАГО. Солдаты нѣсколько времени стоятъ молча, поглядывая другъ на друга.

СТЕПАНЪ (*прерывая молчаніе*). Ну, что, товарищи?

СОЛОННИКОВЪ. А что?

СТЕПАНЪ. Кажется, его высокоблагородіе маленько съ разума свихнулся. А? какъ полагаете?

ТЕСАКОВЪ. Да почему такъ?

СТЕПАНЪ (*показываетъ бумажникъ*). А вотъ почему. Мы спасли ему сына, а онъ намъ за работу даетъ деньги! Да что-жъ мы поденщики или носильщики, которые шагу не сдѣлаютъ безъ того, покуда имъ не заплатятъ? Нѣтъ, братцы, стыдно намъ будетъ передъ людьми и грѣхъ передъ Богомъ, если только мы дотронемся до его казны.

СОЛДАТЫ. Извѣстно дѣло.

СТЕПАНЪ. Такъ вы согласны не брать этихъ денегъ?

СОЛДАТЫ. Пропадай они!

СОЛОННИКОВЪ. Да и на что намъ деньги. По милости Царя-

батюшки, мы обуты, одѣты и сыты по самое горлышко; ну, а коли водки захочется, такъ съ француза сорвемъ.

СТЕПАНЪ. (*Андрею*). Слушай-ко, ты, дворецкой! Какъ тебя звать-то?..

АНДРЕЙ (*важно*). Андрей Афонасьевичъ!

СОЛОННИКОВЪ. Фу-ты, какая важная персона! Словно подметка съ лубкомъ, такъ и скрипитъ!

СТЕПАНЪ (*подаетъ ему бумажникъ*). Барипъ твой обронилъ бумажникъ, такъ отдай ему и скажи, что русскіе солдаты своей честью не торгуютъ. Прощай! (*Солдатамъ*). Пойдемъ-те братцы, я думаю, ужъ наши давно кашу отъѣли...

СОЛОННИКОВЪ. Пойдемъ!.. или нѣтъ, постой! (*Тесакову*). Отъ денежной благодарности мы отказались, а вѣдь натурою-то я думаю взять можно? (*Показываетъ на графинъ съ водкою*). Какъ думаешь, сударь ты мой, Филицъ Кондратычъ?

ТЕСАКОВЪ. А что-жъ думать? Это, кажись, дѣло безъобидное.

СОЛОННИКОВЪ. Такъ наливай, да и въ походъ! (*Тесаковъ наливаетъ рюмки*).

СТЕПАНЪ. Что-же братцы, скоро-ли?

СОЛОННИКОВЪ (*беретъ рюмку*). Сейчас! (*Андрею*). За ваше здоровье, господинъ Фуфыркинъ! (*Выпиваетъ и всѣ слѣдуютъ его примѣру, кромѣ Степана*). Вотъ теперъ, маршъ!

Всѣ. Пойдемъ! (*Уходятъ*),

VI.

АНДРЕЙ и потомъ РЕЦЕПТУРИНЪ.

АНДРЕЙ (*смотритъ вслѣдъ уходящихъ солдатъ и потомъ говоритъ*). Что-жъ это такое значить? Деньги отдали, водку выпили и ушли!.. Что-жъ это значить?.. не понимаю!.. Опять, хоть-бы и это: «господинъ Фуфыркинъ»?.. Чортъ знаетъ, что такое, никакъ въ толкъ не возьмешь!

РЕЦЕПТУРИНЪ (*выбѣгаетъ безъ стуртука, съ засученными рукавами*). Воды! Стаканъ горячей воды! Живо!

АНДРЕЙ (*разсуждая*). Вѣдь вотъ должность, и подумать-то путнымъ манеромъ неудасться...

РЕЦЕПТУРИНЪ (*толкаетъ его въ дверь*). Поворачивайся, болванъ! поворачивайся! Вотъ какъ! (*Андрей уходитъ*). Пациентъ мой все еще въ безпамятствѣ и нельзя ничего предпринять рѣшительнаго; притомъ-же старикъ отецъ своими слезами да вздохами можетъ

испортить все дѣло. Не знаю, какъ-бы мнѣ его выжить изъ комнаты больного?..

VII.

РЕЦЕПТУРИНЪ, МАЙСКІЙ и потомъ АНДРЕЙ.

МАЙСКІЙ. Докторъ! Онъ пришелъ въ себя.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Пришелъ! Вотъ это хорошо. Слушайте-же, Иванъ Петровичъ! если вы хотите, чтобы больной нашъ выздоровѣлъ, такъ я васъ прошу, не входите въ эту комнату до-тѣхъ-поръ, пока я самъ не позову.

МАЙСКІЙ. Какъ, Гаврила Степанычъ! Вы хотите, чтобы я оставилъ умирающаго сына? Никогда! Ни за что!

РЕЦЕПТУРИНЪ. Ну, ужъ если этого нельзя, такъ по-крайней-мѣрѣ сядьте такъ, чтобы онъ васъ не видалъ, а главное, не вздыхайте и не охайте. Согласны?

МАЙСКІЙ. О! на все, на все согласенъ! Только спасите мнѣ моего сына.

АНДРЕЙ (*входитъ со стаканомъ воды*). Вотъ, сударь, горячая вода.

РЕЦЕПТУРИНЪ (*беретъ отъ него стаканъ*). Хорошо, подай.

АНДРЕЙ. А рому прикажите?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Дуракъ!

АНДРЕЙ (*встору*). Ну вѣдь вотъ какой, то-есть, безтолковый народъ; путемъ не скажутъ, да послѣ и ругаются.

РЕЦЕПТУРИНЪ (*Майскому*). Смотрите-же, Иванъ Петровичъ, сдержите ваше слово, и ни гу-гу! Вотъ какъ.

VIII.

АНДРЕЙ одинъ.

АНДРЕЙ. Что это, ей-Богу, право! Ну какая это жизнь? Всякой тебя помыкаетъ, всякой ругаетъ и всякой надъ тобою смется; а что будешь дѣлать? И по неволѣ приходится пить горькую (*Наливаетъ изъ графина водки и выпиваетъ*). Тьфу! Не той наплпль. (*Наливаетъ изъ другаго графина и опять пьетъ*). Вотъ эта позабористье! (*Закусываетъ*). Какъ подумаешь, какъ господамъ-то жить славно: встанетъ по утру когда хочеть, сапоговъ чистить не надобно, подсвѣчниковъ также,—славно! (*Закурисами слышенъ шумъ и ружейные выстрѣлы. Андрей вска-*

живаетъ въ испугѣ). Батюшки! Что это за оказія?! (*Подблываетъ къ окну и смотритъ*). Караулъ! Французы! Караулъ!

IX.

АНДРЕЙ МАЙСКИЙ, МОНЖОСЬ и МАРОДЕРЫ.

МАЙСКИЙ (*входитъ быстро*). Боже мой, что за шумъ? Что случилось?

АНДРЕЙ (*бросаясь къ Майскому*). Баринъ! Батюшка! Пропали мы!.. Караулъ!

МАЙСКИЙ. Что такое? Что сдѣлалось?

АНДРЕЙ. Охъ! пропали мы!

МАЙСКИЙ. Да скажешь-ли ты, наконецъ!

АНДРЕЙ (*показывая на окно*). Извольте сами посмотреть. (*Кричитъ*). Караулъ!

МАЙСКИЙ (*подходитъ къ окну*). Боже мой! Французы!.. Откуда они взялись?.. (*Андрею*). Бѣги скорѣе въ деревню, собери крестьянъ, скажи, чтобы всѣ вооружились!

АНДРЕЙ. Да развѣ вы забыли, что у насъ, окромя стараго да малаго, никого не осталось, всѣ на войну ушли? Притомъ-же вѣдь, коли я побѣгу здѣсь, такъ они меня не пустятъ, да еще съ-дуру-то и убьютъ.

МАЙСКИЙ. Ступай черезъ комнаты барыни; оттуда черезъ садъ ты проберешься прямо на село. Ступай.

АНДРЕЙ. Да что-жь, вѣдь это все пустыки; лучше батюшка-баринъ давайте кричать вмѣстѣ: «Караулъ! Караулъ.»

МАЙСКИЙ. Дѣлай, что тебѣ приказываютъ! (*Толкаетъ его въ боковую дверь*).

АНДРЕЙ. Прощай бѣлый свѣтъ! Прощайте добрые люди, не поминайте лихомъ! (*Уходитъ и за кулисами кричитъ*) «Караулъ!»

МАЙСКИЙ (*въ отчальнѣ*). Господи! За что Ты меня такъ наказываешь? (*Показываетъ на комнату сына*). Здѣсь умирающій сынъ, тамъ — кровожадный непріятель!.. О, Боже праведный! пошли мнѣ силу, терпѣніе и смиренномудріе! (*Бросается на колѣна и молится*).

МАРОДЕРЫ (*за кулисами*). Да здравствуетъ императоръ и великая нація!

* Всѣ рѣчи мародеровъ должны быть на французскомъ языкѣ; одинъ только Монжось говорить чисто по-русски, но и онъ, когда обращается къ мародерамъ, то также долженъ говорить по-французски.

Монжось (за кулисами). Сюда, господа, сюда, за мной! (Выходит на сцену и за нимъ толпа мародеровъ. При выходѣ они ставятъ свои ружья у самыхъ дверей). Ба! Да для насъ и завтракъ приготовлень! Вивать!

Мародеры. Вивать!

Майскій. Боже мой! они своими буйными криками ускорятъ послѣднія минуты моего сына... (Подходитъ къ нимъ) Господа!..

Монжось. А! да и самъ хозяинъ на лицо!

Майскій (съ удивленіемъ). Что я вижу?.. Монжось!

Монжось (раскланиваясь). Къ вашимъ услугамъ!

Майскій. Бывшій губернёръ моихъ дѣтей!..

Монжось (важно). Сержантъ непобѣдимой французской арміи! (Встарону), которую было въ Москвѣ чуть не уморили съ голоду.

Майскій. Монжось, въ моемъ домѣ?!. Монжось!..

Монжось (перебивая его). Зла не помнитъ! И не смотря на то, что вы меня выгнали, я, какъ человѣкъ образованный, почелъ первымъ долгомъ сдѣлать вамъ визитъ.

Майскій (горячо). Милостивый государь! насмѣшки ваши не у мѣста. Скажите мнѣ прямо, что вамъ отъ меня угодно?

Монжось (въжливо). Ключи отъ всѣхъ коммодовъ и ящиковъ.

Майскій. Вотъ они. (Подаетъ ему ключи).

Монжось (пересматривая ключи). Тутъ одного не достаётъ, и именно того самого, которымъ вы запираете свою конторку.

Майскій. У меня его нѣтъ.

Монжось. Неужели! Вѣрно потеряли?.. Какая жалость! Ну, дѣлать нечего, придется сломать замѣкъ...

Майскій. Какъ, сударь! Вы хотите меня ограбить во второй разъ?!

Монжось (съ упрекомъ). Фу! Что за неприличныя выраженія?— Это, милостивый государь, не грабежъ, а военная контрибуція. И повѣрьте, что мы никогда не замараемъ своей чести...

Майскій (горько смѣется). Ха, ха, ха! Жидъ говоритъ о чести... это забавно!

Монжось. Ну, вотъ видите-ли: за подобныя выраженія я могъ бы размозжить вамъ голову, да не хочу этого сдѣлать, потому-что еще помню вашу старую хлѣбъ-соль. (Мародерамъ). Пойдемъ-те, товарищи!

Майскій (загораживая имъ дорогу). Но я не допущу!.. Я не позволю!

Монжось. Ахъ, Иванъ Петровичъ, какой вы упрямый чело-

вѣкъ! (Одному изъ мародеровъ). Постереги его. (Мародеръ, отталкиваетъ Майскаго на другую сторону и обнажаетъ саблю).

Монжось. Вотъ такъ. (Мародеромъ). За мной, товарищи! (Уходятъ въ боковыя комнаты).

X.

МАЙСКИЙ и МАРОДЕРЪ.

МАЙСКИЙ (въ отчаяннѣи). Все кончено! все погребло! Ужасно!.. Злодѣй! Презрѣнный воръ!.. О бѣдное мое семейство!.. Великій Боже!.. Я боюсь сойти съ ума! (Въ-продолженіе этого монолога, задняя дверь немного отворяется, изъ нея показывается чья-то рука и забираетъ потихоньку ружья мародеровъ). Старикъ, старикъ!.. Ты зажился слишкомъ долго!..

XI.

ТЪ-ЖЕ, МОНЖОСЬ и МАРОДЕРЫ. На всѣхъ на нихъ, сверхъ мундировъ, надѣто какое-нибудь верхнее платье, какъ-то: шубы, шинели, женскіе салопы и даже спальныя одѣяла. Въ рукахъ также должны быть разныя цѣнныя вещи, напримѣръ, у одного — серебряный подносъ, у другаго — серебряный самоваръ, у третьяго — шкатулка, и проч. и проч.

Монжось (съ шкатулкою). Ну вотъ, Иванъ Петровичъ, и все дѣло кончено. Видите, какъ проворно? Мы народъ въжливый, не любимъ долго томить ожиданіемъ. (Подходитъ къ Майскому). Да полноте-же хмуриться! Ну за что вы сердитесь? Въдъ нельзя-же намъ возвратиться въ Парижъ съ пустыми руками?

Майскій (въ сильномъ азартѣ). Разбойники! Бы никогда не возвратитесь на свою родину!.. Вы погибнете въ Россіи, какъ болотныя черви въ изсохшемъ прудѣ!.. Нѣтъ! Вы не французы!.. Въ васъ нѣтъ ни чести, ни ума, ни храбрости французской!.. Надъ вашими головами прогремитъ всеобщее проклятіе, и предадутся поруганію и позору имена мародеровъ — грабителей!

Монжось. Фу! какія пышныя фразы! Жаль, что товарищи мои ни слова не понимаютъ по-русски, а то-бы вашъ драматическій монологъ посмѣшилъ ихъ. Впрочемъ, намъ пора и въ путь: мы запаслись теперь верхнимъ платьемъ, погрѣли руки около вашихъ сундуковъ, остается только нагрѣть желудки, что мы и сдѣлаемъ, на походъ, въ вашемъ погребѣ. (Мародерамъ). Товарищи! Маршъ! (Идутъ къ дверямъ и не находя ружей, съ испугомъ отступаютъ:

Что это значить!.. Гдѣ наши ружья?.. (*Мародеры бросаются по всѣмъ угламъ и ищутъ ружей*).

МАРОДЕРЫ (*съ испугомъ*). Ихъ нѣтъ! Измѣна!..

МОНЖОСЪ (*бросается къ Майскому съ обнаженной саблей*). Старикъ! Гдѣ наши ружья?

МАЙСКІЙ. Я не знаю, я ничего не знаю!

МОНЖОСЪ. Ружья! или смерть твоя неизбежна!

МАРОДЕРЫ. Смерть ему! Смерть ему!

МАЙСКІЙ. О! теперь я умру съ радостью, зная, что и вы, разбойники, не выйдете живыми изъ моего дома!.. (*Дико хохочетъ*). Ха, ха, ха!

МАРОДЕРЫ (*приступаютъ къ Майскому съ обнаженными саблями*). Ружья!.. Скажешь-ли ты, гдѣ наши ружья? (*въ это время окно отворяется и въ немъ показываются Степанъ и Солонинниковъ*).

XII.

ТѢ ЖЕ, СТЕПАНЪ, СОЛОНИННИКОВЪ, ТЕСАКОВЪ, ПОДМЕТКИНЪ, ЧУРАЩЕНКО и АНДРЕЙ.

СТЕПАНЪ и СОЛОНИННИКОВЪ (*изъ окна прицѣливаясь въ мародеровъ*).
Здѣсь!

МОНЖОСЪ и МАРОДЕРЫ (*съ испугомъ отступаютъ отъ Майскаго*). Солдаты!.. Мы погибли!.. (*Бросаются къ среднимъ дверямъ но на порогъ встрѣчаютъ Тесакова, Подметкина и Чуращенко, которые стоятъ неподвижно, прицѣлившись изъ ружей*).

ТЕСАКОВЪ. Ни съ мѣста!

МАРОДЕРЫ (*въ сильномъ страхѣ*). Боже мой!

МОНЖОСЪ (*бросается къ боковой двери, въ которую ушелъ Андрей*). Сюда! За мной!

АНДРЕЙ (*съ крестьянами и слугами, вооруженные французскими ружьями, рогатинами и топорами*). Только сунься, жидовская орабина! Такъ вотъ и прихлопну!

МОНЖОСЪ (*въ отчаяннѣи*). Нѣтъ спасенія! Все кончено!

МАРОДЕРЫ (*бросаясь на колѣна*). Пардонъ, Пардонъ!

СТЕПАНЪ. Вотъ мы васъ распардонимъ! (*крестьянамъ и слугамъ*). Ребята! Обирай у нихъ сабли, да снимай чужую-то шкуру, вѣшь они прежде святокъ рядиться вздумали. (*Крестьяне и слуги бросаются на мародеровъ, снимаютъ съ нихъ верхнюю одежду, отбираютъ сабли и награбленные вещи*).

АНДРЕЙ (*подходитъ къ одному мародеру, на которомъ надѣта*

его новая ливрея). Ахъ ты, басурманское рыло!.. Это ты въ мою новую-то ливрею вырядился?.. Вотъ я тебя!.. (*Снимаетъ съ него ливрею и нѣсколько разъ бьетъ по спинѣ*). Не бери чужаго, не бери чужаго!.. Прошу покорно, я и самъ-то ее надѣваю только въ годовые праздники, а онъ вздумалъ по буднямъ таскать... (*Опять принимается колотить мародера*). Не бери чужаго, не бери чужаго!..

МАЙСКІЙ (*приходя въ себя*). Господи! Что здѣсь было?.. Нѣтъ, это не сонъ... не игра разстроеннаго воображенія!.. (*Бросается къ солдатамъ*). Друзья мои!..

СТЕПАНЪ. Не извольте безинокнуться, ваше высокоблагородіе, все будетъ ладно.

МАЙСКІЙ. Но чѣмъ я могу заплатить вамъ?..

СТЕПАНЪ (*перерывал его*). Эхъ, ваше высокоблагородіе! Вотъ ужъ мы этого и не любимъ, какъ вы начнете торговаться!

МАЙСКІЙ. Однакожь...

СТЕПАНЪ. Да полноте переливать изъ пустаго-то въ порожнее! За что тутъ платить? Мы сдѣлали свое дѣло — и слава Богу, что удалось!

ХІІІ.

ТЪ-ЖЕ и РЕЦЕПТУРИНЪ.

РЕЦЕПТУРИНЪ (*вбѣгаетъ въ панычахъ*). Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! Радуйтесь!.. (*Увидя французовъ*). Что это? французы?!

СОЛОННИКОВЪ. Какіе французы, ваше благородіе? Не обижайте настоящихъ французовъ: тѣ народъ храбрый, а это такъ себѣ... дрянъ!.. воришки!.. Кто съ кандачка, кто съ вислицы.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Вотъ какъ! (*Майскому*). Ну, Иванъ Петровичъ, а вѣдь я пришелъ объявить вамъ радостную вѣсточку. Сыну вашему гораздо лучше, раны его нисколько неопасны, и онъ проситъ васъ къ себѣ.

МАЙСКІЙ (*съ радостью*). Къ себѣ?! О! Благодарю Тебя, всемогущій Господи! (*Рецептуруину*). Гаврила Степанычъ! Я не нахожу словъ, высказать тебѣ мою признательность!.. (*Обнимаетъ его*).

РЕЦЕПТУРИНЪ. Да и не надобно. Пойдемъ-те поскорѣ къ больному! Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ. Пойдемъ! пойдемъ!.. (*Солдатамъ*). Ребята! Я вашъ вѣчный должникъ! (*Уходитъ съ Рецептуринимъ*).

СОЛДАТЫ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе!

XIV.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ МАЙСКАГО и РЕЦЕПТУРИНА.

СОЛОННИКОВЪ (*солдатамъ*). Ну, братцы, что-же намъ дѣлать съ этой челядью?

ТЕСАКОВЪ. А что-же дѣлать? Одного, или двухъ повѣсить, для острастки, у воротъ, а для остальныхъ и въ рѣкъ мѣста хватить. (*Чуращенкѣ*). Такъ-ли Чуращенко?

ЧУРАЩЕНО (*утвердительно*). Эге!

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, братцы, это не дѣло; своимъ судомъ судить не приказываютъ, а лучше вотъ что: перевежемъ ихъ, да и представимъ начальству.

СОЛДАТЫ. И то ладно!

СТЕПАНЪ (*крестьянамъ*). Эй, пріятели! Нѣтъ-ли у кого-нибудь веревочки?

КРЕСТЬЯНИНЪ (*выходя изъ толпы*). А эво, батюшка, у меня возжи съ собой захвачены.

СОЛОННИКОВЪ. Давай сюда. (*Беретъ у крестьянина возжи*).

МОНЖОСЪ. Зачѣмъ-же насъ вязать? Мы и безъ того пойдемъ.

СОЛОННИКОВЪ. Эге! Да ужъ бусурманы-то и по-русски выучились!.. Скоро.

ЧУРАЩЕНО (*съ удивленіемъ*). Отъ тоби маешь! (*Монжосу*). Хи-ба ты москаль?

МОНЖОСЪ. Да, я русскій!

АНДРЕЙ. Вретъ, вретъ, ей-Богу, вретъ! Я его знаю, онъ жидъ некрещеный. Вѣдь онъ у насъ два года былъ учителемъ.

МОНЖОСЪ (*замахиваясь на Андрея*). Мерзавецъ!..

АНДРЕЙ (*отбывая отъ него, дѣлаетъ изъ полы сюртука наподобіе свиного уха*). А свиного уха хочешь? (*Всѣ хохочутъ*).

СТЕПАНЪ. Все равно, не наше дѣло разбирать; начальство у-знастъ, кто изъ нихъ французъ и кто олончанякъ. (*Солдатамъ*). Вяжи ихъ, ребята.

СОЛОННИКОВЪ. Вотъ мы жидка-то перваго и взнуздаемъ... (*Вяжетъ Монжосу, а потомъ и другихъ; солдаты ему помогаютъ*).

КРЕСТЬЯНИНЪ. Не малы-ли, батюшка, возжи-то? А то мы, пожалуй, распояшемся, да и кушаки отдадимъ.

СОЛОНЕННИКОВЪ. Нѣтъ, кажись хватитъ... Вотъ и готово.

СТЕПАЯЪ. А коли готово, такъ пора и отправляться. (*Мародерамъ*). Ну, мусью! Маршъ! (*крестьянамъ*). Ну, прощайте, землячки распотченные, не поминайте лихомъ!

КРЕСТЬЯНИИЪ. Нѣтъ, родимый, ужъ и мы васъ хошь недалечко проводимъ.

СТЕПАЯЪ. На это есть ваша добрая воля. (*Солдатамъ*). Нутко, братцы, съ Богомъ! (*Солдаты окружаютъ мародеровъ, Степанъ запѣваетъ пѣсню и такимъ образомъ уходитъ. Крестьяне ихъ провожаютъ, слуги также бросаются за ними, но Андрей ихъ останавливаетъ*).

АНДРЕЙ (*слугамъ*). А вы куда, шалопан этакіе? Что я за васъ одинъ что-ли стану работать? Вѣдь видите, кажется, что здѣсь и чортъ ногу переломить, стало-быть все надобно прибрать въ порядкъ, да и мебель-то вынести въ другія горницы, а Аксинья сказать, чтобы она полъ вымыла; видишь, натоптали, словно въ конюшнѣ! (*Слуги и Андрей прибираютъ вещи и выносятъ мебель*).

Перемѣна декораціи. Съ правой стороны выѣзжаетъ верхомъ полковникъ Чубаровъ и за нимъ слѣдуетъ весь отрядъ русскаго войска.

ЧУБАРОВЪ (*обращаясь къ отряду*). Ребята! Благодарю васъ я, благодарить генералъ Невѣровский и благодарить самъ главнокомандующій, его свѣтлость Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ!

ВЕСЬ ОТРЯДЪ. Ура! ради стараться!

ЧУБАРОВЪ. Я думаю, его величеству королю неаполитанскому Мюрату сегодня не поздоровится. Ай-да французы! пятнадцать тысячъ кавалеріи и цѣлая дивизія пѣхоты не могли сломить нашей бригады, одного харьковскаго драгунскаго и трехъ казачьихъ полковъ?.. Ай-да, французы! Теперь все кончено! Можно и отдохнуть. ребята вольно! Валяй кто во что гораздъ! Проголодались—вари кашу, устали—отдыхай, соскучились—пой пѣсни. (*Увидя доктора, который у первой кулисы хлопочетъ около раненаго Сидорова*). Ну, что докторъ. (*Указывая на раненаго Сидорова*). Это за кѣмъ вы ухаживаете?

ДОКТОРЪ. Старикъ, ополченный урядникъ.

ЧУБАРОВЪ. Ополченный урядникъ!.. (*Быстро подходитъ къ Сидорову и взглянувъ на него вскрикиваетъ*). Бѣже мой!.. Сидоровъ!.. Ты-ли это?..

Сидоровъ (*слабымъ голосомъ*). Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!.. Благодаримъ покорно, что не забыли старога служиваго...

Чубаровъ (*садится на камень возль раненаго и беретъ его руку*). Другъ мой, что съ тобою?

Сидоровъ. Ничего, отецъ-командиръ, ничего; отслужилъ я вѣрою и правдою святой родинѣ и Царю Православному, а теперь отправляюсь на зимнія квартиры.

Чубаровъ (*съ чувствомъ*). Успокойся, мой добрый Сидоровъ!.. Къ чему такія мрачныя мысли?.. Богъ милостивъ... (*Тихо доктору*). Есть-ли какая-нибудь надежда?

Докторъ (*тихо*). Никакой, полковникъ.

Сидоровъ. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не жилецъ ужъ я на бѣломъ свѣтѣ.

Чубаровъ (*съ чувствомъ*). Что Богу угодно, то и будетъ, во всемъ Его святая воля! Теперь скажи мнѣ, мой другъ: нѣтъ-ли у тебя какого-нибудь завѣщанія? Не имѣешь-ли передать чего-нибудь роднымъ?

Сидоровъ. Ваше высокоблагородіе! У меня нѣтъ ни рода, ни племени, я круглый сиротинушка... Но если милость ваша будетъ, такъ не откажите умирающему старику и передайте вотъ этотъ мѣдный крестъ и сто рублей денегъ, накопленныхъ честно, моему крестному сыну, рядовому Степану Козыреву. (*Снимаетъ съ себя крестъ, вынимаетъ изъ обшлага бумажникъ и отдаетъ Чубарову*).

Чубаровъ (*беретъ отъ него*). Будь увѣренъ, товарищъ, что все будетъ исполнено по твоему завѣту.

Сидоровъ. Много благодаренъ, ваше высокоблагородіе!.. Отецъ-командиръ! Позвольте мнѣ на прощаньи поцѣловать вашу руку?.. (*Цѣлуетъ руку Чубарова и потомъ приходитъ въ забвеніе*). Что это?.. Какой свѣтъ озаряетъ меня!.. Отецъ!.. Мать!.. зовутъ меня!.. Иду! иду! мои родимые!.. Прощайте, ратные товарищи! (*Умираетъ*).

Чубаровъ (*Нѣсколько времени смотритъ на Сидорова, потомъ беретъ его руку*). Холодна!.. (*Ополченнымъ*). Похороните товарища съ воинскою честію!

Ополченныя. Слушаемъ, ваше высокоблагородіе. (*Берутъ Сидорова и уносятъ. Барабаны бьютъ похоронный маршъ, весь отрядъ ополченныхъ провожаетъ покойника. Чубаровъ отходитъ; навстрѣчу ему попадаютъ Солонишниковъ и Тесаковъ, кото-*

рые ведутъ раненаго Степана и сажаютъ его на то же мѣсто, гдѣ лежалъ Сидоровъ).

ЧУБАРОВЪ (увидя Козырева). Что это?!.. Еще раненый?

СОЛОМОННИКОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

ЧУБАРОВЪ. Кто такой?

ТЕСАКОВЪ. Рядовой солдатикъ, ваше высокоблагородіе, Степанъ Козыревъ.

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ!.. (Беретъ за руку доктора). Докторъ, употребите все ваше стараніе, все ваше знаніе, и вылечите мнѣ этого больнаго; я хочу, чтобы онъ былъ живъ! Слышите-ли вы: я этого хочу!

ДОКТОРЪ Слушаю, г. полковникъ. (Подходитъ къ Козыреву и начинаетъ осматривать раны).

СОЛОМОННИКОВЪ (Степану). Что, сударь ты мой, Степанъ Сплицверстовичъ! Знать тебя на порядкахъ царянули?

СТЕПАНЪ. Это ни почемъ, братцы, заживетъ до сватьбы, а вотъ горе: обѣщанъ я сегодня батюшкѣ крестному заколотъ шестерыхъ французовъ, а угомонилъ только четырехъ.

ЧУБАРОВЪ. Успокой свою совѣсть, Козыревъ! Твой отецъ крестный разрѣшаетъ тебя отъ этого обѣщанія и въ доказательство, что онъ на тебя не сердится, прислалъ вотъ этотъ крестъ и сто рублей денегъ. (Подаетъ ему крестъ и деньги).

СТЕПАНЪ Крестъ!.. Деньги!.. А онъ?.. Гдѣ-же онъ?..

ЧУБАРОВЪ (показывая на небо). Тамъ!

СТЕПАНЪ (съ отчаяніемъ). Умеръ!.. Батюшка крестный умеръ!.. (Громко рыдаетъ). Царство ему небесное! Такъ ужъ некогда мнѣ теперь порадовать? Некому показать вотъ это шелковое знамя?.. (Вынимаетъ французское знамя, которое у него было спрятано подъ нагрудникомъ).

ЧУБАРОВЪ. Что это? французское знамя!..

СТЕПАНЪ. Да, ваше высокоблагородіе! (Подаетъ знамя Чубарову). Примите его и не взыщите: чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.

ЧУБАРОВЪ (поднимаетъ его). Другъ! Я никогда не забуду твоего подарка!.. (Доктору). Докторъ! вы видите, какого молодца вамъ довелось лечить? Положите-же все свое искусство и спасите родину върнаго слугу и храбраго солдата.

ДОКТОРЪ (кланяется). Постараюсь, полковникъ. (Въ это время съ правой стороны выѣзжаетъ казакъ).

КАЗАКЪ. Гдѣ его высокоблагородіе, г. полковникъ?

ЧУБАРОВЪ. Я здѣсь. Что надобно?

КАЗАКЪ (*сходитъ съ лошади и подаетъ Чубарову большой запечатанный пакетъ*).

ЧУБАРОВЪ (*беретъ пакетъ и распечатываетъ*). Честь и слава знаменитому вождю русскаго воинства! Его отеческое сердце не забываетъ своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ! Его святость, главнокомандующій, жалуетъ на отрядъ вашего высокоблагородія двадцать знаковъ отличія воснаго ордена. (*Подходитъ къ Степану*). Ну, пріятель! Потѣшилъ ты меня, да потѣшу и я тебя! (*Цѣлуетъ Степана, вынимаетъ изъ пакета георгіевскій крестъ и привѣшиваетъ къ груди его*). Поздравляю тебя, кавалеръ святаго Георгія побѣдоносца!

СТЕПАНЪ (*въ сильной радости*). Боже милосердый!.. Мнѣ?.. Мнѣ Егорьевскій крестъ?!

ЧУБАРОВЪ. Носи и помни, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаютъ!

СОЛОМОННИКОВЪ (*съ восторгомъ*). Ай-да, Степа, хватъ! Даромъ что еще рекрутикъ, а ужъ какой чести удостоился.

СТЕПАНЪ (*протягивая ему лъвую руку*). Братцы-товарищи!.. (*Доктору*). Ваше благородіе, вотъ вамъ моя рука. Пилите ее, если надобно?

ДОКТОРЪ. Да ты не ту даешь, мой другъ; мнѣ нужна правая..

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, ваше благородіе, нѣтъ! Правая-то еще, можетъ-быть, заживетъ и мнѣ пригодится бить супостата; а лъвая-то мнѣ на кой чортъ? Пилите ее, коли нужно.

КАЗАКЪ (*смотритъ за кулисы и кричитъ*). Самъ главнокомандующій ѣдетъ сюда!

ЧУБАРОВЪ. Его святость!.. (*Командуетъ*). Стройся!.. (*Солдаты строятся, Чубаровъ продолжаетъ командовать, солдаты дѣлаютъ на караулъ, музыка играетъ честь, съ правой стороны изъ задней кулисы показывается голова бѣлой лошади, весь отрядъ кричитъ «ура!» Занавѣсъ опускается.*

ЭПИЛОГЪ

ВСѢМЪ ДОБРО, НИКОМУ ЗЛО, ВОТЪ ЗАКОННОЕ ЖИТЬЕ.

Комната небогатая, но чисто прибранная; по стѣнамъ развѣшаны картинки, представляющія событія изъ 1812 года и изъ турецкой компаніи.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ЭПИЛОГѢ.

ИВАНЪ ЛЬВОВИЧЪ ЧУБАРОВЪ, отставной генераль и богатый помѣщикъ, 75 лѣтъ.	<i>Г. Сосницкой.</i>
ПЕТРЪ СТЕПАНЫЧЪ КОЗЫРЕВЪ, новый городничій города NN., 33 лѣтъ.	<i>Г. Степановъ.</i>
КОЗЬМА ТРИФОНЫЧЪ СОЛОННИКОВЪ, комис- саръ военнаго госпиталя, 65 лѣтъ.	<i>Г. Калининъ.</i>
СТЕПАНЪ СЕЛИВЕРСТОВИЧЪ КОЗЫРЕВЪ, отстав- ной унтеръ-офицеръ, 60 лѣтъ.	<i>Г. Самойловъ.</i>
ПРАСКОВЬЯ АНТОНОВНА, его жена, 52 лѣтъ.	<i>Г-жа Самойлова.</i>
МИХАЙЛО ПЕРФИЛЬИЧЪ ЗУДА, управляющій по откупу, 64 лѣтъ.	<i>Г. Зубровъ.</i>
МАВРА БОРИСОВНА, жена Зуды.	<i>Г-жа Штофертъ.</i>
ДѢТИ ИХЪ.	

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ 1847 году.

I.

ПРАСКОВЬЯ сидитъ за столомъ и разливаетъ кофе, СТЕПАНЪ и СОЛОННИКОВЪ разсматриваютъ картины на стѣнахъ.

Солонниковъ (Степану). А гдѣ-же, братецъ ты мой, тутъ Бородинское-то дѣло?

СТЕПАНЪ (*показывая ему*). А вотъ оно, дружище, вотъ оно.

СОЛОНИННИКОВЪ (*разсматривая картину*). Гмь!.. Нетакъ, сударь вы мой, нетакъ!.. Неладно написано!

СТЕПАНЪ. Э! Что-жъ-бы такое тутъ было нетакъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Да никакой, братецъ вы мой, тутъ намъ амбициі не причислено. Нѣтъ, видно, что живописецъ человекъ неграмотный, то-есть, у него малярская-то наука въ полезномъ художествѣ обрѣтается, да дисциплинная-то арифметика не на тотъ крючокъ застегнута.. вотъ оно что!

СТЕПАНЪ. Ужъ известное дѣло, гдѣ-жъ ему? Можетъ статья, и человекъ-то онъ не военный.

СОЛОНИННИКОВЪ. Ну тото-же и оно-то! Ужъ коли кто грамотъ не учился, такъ очковъ не заводи, псалтиря не прочитаешь... (*Разсматриваетъ другую картину*). А это что еще такое?

СТЕПАНЪ. Это сраженіе подъ Краснымъ.

СОЛОНИННИКОВЪ. И это нехорошо! Вотъ примѣрно, сказать: гдѣ же та оказія, когда ты отнял французское знамя? Али другая протекція: когда мы тебя раненнаго принесли на перевязочное мѣсто и ты сталъ просить доктора, чтобы онъ вмѣсто правой руки отнял тебѣ лѣвую... Гдѣ эта оказія?.. Ну, покажи мнѣ ее! (*Обращаясь къ Парасковья*). Ну ужъ, сударыня вы моя, Парасковья Антоновна, насмѣшилъ вашъ муженѣкъ въ 12-мъ году, ужаси, какъ насмѣшилъ! Представьте вы себѣ въ размышленіи: его ранили въ правую руку, а онъ давай безотступно приступать къ доктору, что отрѣжь ему лѣвую. (*Бьетъ по плечу Козырева*). Чудакъ, право чудакъ!

СТЕПАНЪ. Такъ и ты женатъ, Кузьма Трофимычъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Еще какая жена-то, братецъ вы мой, фу!.. Красивостью лица очень похожа на Венеру медицинскую; дородностью въ тѣлѣ не уступитъ купчихѣ первой гильдіи; а ужъ про зубы и говорить нечего: черные, съ зеленью, хоть огородъ разводи.

СТЕПАНЪ. Ну, и славно, что тебѣ такъ посчастливилось.—Те перь скажи-ко мнѣ, гдѣ ты служишь?

СОЛОНИННИКОВЪ. Въ Петербургъ, братецъ вы мой, въ Петербургъ; комиссаромъ при военномъ госпиталѣ.

СТЕПАНЪ. Такъ что-же, сюда-то пріѣхалъ по казенной надобности или по своему желанію?

СОЛОНИННИКОВЪ. По своему. Вотъ изволишь ты видѣть: женѣ моей долженъ одинъ купчишка по векселю, да вотъ ужъ третій

годъ ни гроша не платить. Конечно, хоть и говорятъ, что онъ раззорился, да намъ-то какое дѣло? Раззорился!.. А самъ мошенникъ тихонько изъ Питера-то бѣжалъ. Еще слава Богу, мнѣ удалось такъ проникать, что онъ получилъ мѣсто управляющаго по откупу въ здѣшнемъ городѣ.

СТЕПАНЪ. Какъ! онъ здѣсь, управляющимъ по откупу?..

СОЛОМОННИКОВЪ. Да. А что?

СТЕПАНЪ. Да ты знаешь его съ лица?

СОЛОМОННИКОВЪ. Отъ роду не видывалъ.

СТЕПАНЪ. Ну, такъ знай-же: вѣдь это нашъ бывшій полковый маркизъ ..

СОЛОМОННИКОВЪ. Какъ! Мишка Зуда?!

СТЕПАНЪ. Онъ самый.

СОЛОМОННИКОВЪ. Постой!.. (*Вынимаетъ изъ бумажника вексель и читаетъ*). Такъ, такъ! Вотъ и подпишъ: «купецъ 3-й гильдін, Михайло Перфильевъ сынъ Зудинъ.» — О! такъ я-же съ нимъ раздѣляюсь! Я его потышу!.. Ахъ, оцъ каторжницъ этакой! Бывало въ походѣ, нашему брату служивому на гривну не поверить, а самъ тысячи не платить... Погоди! я тебя скручу, друга мплаго, въ бараній рогъ! Посажу его въ тюрьму да и продержу до самой смерти.

ПРАСКОВЬЯ. Ахъ батюшка-родной! Да какъ-же это? Вѣдь у него семья-то пребольшущая, семеро однихъ дѣточекъ...

СОЛОМОННИКОВЪ (*горячо*). Всѣхъ по міру пушу!

ПРАСКОВЬЯ. Господи, твоя воля! (*Тихо мужу*). Степанушка! голубчикъ! уговори его... Попроси водочкой-то, можетъ и по-добрѣе будетъ.

СТЕПАНЪ (*наливая водки*). Нутко, сдѣлай повтореніе, старый дружище.

СОЛОМОННИКОВЪ. Нѣтъ, командеръ распотеннѣйшій, будетъ. Пословица говорится: дѣвушка гуляй, а дѣлцо не забывай. (*Встаетъ*) Прощай.

СТЕПАНЪ. Что ты это, что ты? Господь съ тобой! Куда?

СОЛОМОННИКОВЪ. Прежде къ Зудѣ, а потомъ въ полицію, предъявить вексель.

СТЕПАНЪ. Да неужели ты ему не отсрочишь? Неужели не дашь поправиться?

СОЛОМОННИКОВЪ. Ни за что!

СТЕПАНЪ. Да чѣмъ-же виновата его бѣдная жена?

СОЛОМОННИКОВЪ. Какъ чѣмъ? Не выходи замужъ за мошенника.

Степанъ. Кузьма Трифонычъ! да полно ты-ли это?.. Я не узнаю тебя!.. Вспомни только то, что ты русскій солдатъ...

Солонинниковъ. Былъ прежде; а теперь я двѣнадцатаго класса.

Степанъ. Да неужели-же чины и почести перемѣняютъ человека?

Солонинниковъ. А какъ-бы ты думалъ? Известное дѣло, что перемѣняютъ!

Степанъ. Не можетъ быть!

Солонинниковъ. Ну вотъ, толкуй съ тобой

Степанъ (горячо). Да отчего-же я остался такимъ-же, какъ и прежде былъ? Отчего-же въ моей груди, подъ унтеръ-офицерскимъ сюртукомъ бьется такое-же сердце, какое билось и подъ мужицкимъ кафтаномъ?.. Отчего это, Кузьма Трифонычъ?

Солонинниковъ. Оттого, сударь вы мой, что ты человекъ.. какъ-бы это сказать?.. человекъ...

Прасковья (горячо). Оттого, что мой Степанушка человекъ честный и богобоязненный, и нетакъ, какъ другіе прочіе.

Степанъ (унижая жену). Перестань, Параша!..

Солонинниковъ. Я вѣдь, Прасковья Антоновна, не то, что-бы... а такъ только... и если...

Прасковья. Тутъ, батюшка, вилять хвостомъ-то нечего, ужъ коли сталъ говорить, такъ и говори!—Ну, какой человекъ, мой Степанъ Силиверстовичъ?

Солонинниковъ. Ужъ известно что... какъ-бы это?..

Прасковья (нетерпѣливо). Ну, какъ? какъ?

Солонинниковъ (всторону). Нѣтъ, съ этой бабой не сговоришь, она трещитъ хуже батальнаго огня. (*Прасковья*). Вотъ изволи-те видѣть: сожитель вашъ, то есть Степанъ Силиверстовичъ, конечно, хоть и съ совершенствіемъ, братецъ вы мой, Прасковья Антоновна, знаетъ душевныя правильности, однакожъ, касательно благородной диспозитности понятія не ощущаетъ... Мое почтеніе-съ! (*Быстро уходитъ*).

II.

СТЕПАНЪ и **ПРАСКОВЬЯ** послѣ ухода Солонинникова стоятъ нѣсколько времени въ молчаніи и смотря другъ на друга.

Степанъ (хохочетъ). Ха, ха, ха! Ну, что, Параша, поняла ты, объ чемъ разглагольствовалъ мой старый сослуживецъ?

Прасковья. Ни словечка не поняла, Степанъ Силверстычъ. Да что это, родной ты мой, ужъ въ своемъ-ли онъ умъ!

Степанъ. Тото и бѣда, что умъ-то у него за разумъ заходитъ.

Прасковья. Поди ты пожалуй, экую вѣдь околесную нагородилъ!

Степанъ. Однако, что ни говори, а жалко мнѣ Михайлу Зуду. Да нельзя-ли какъ-нибудь пособить ему въ горь.

Прасковья. Ахъ, батюшка! Да чѣмъ мы пособимъ? Вѣдь мы съ тобой не милліонщики...

Степанъ. Не милліонщики, это правда; да и не нищіе. Благодаря Господа Бога и нашимъ трудамъ, мы сыты, обуты, одѣты, да еще и по милости его превосходительства, отца-командира, Ивана Львовича Чубарова, имѣемъ и капиталаецъ въ запасъ, составляющій теперь ровно ту сумму, которая нужна Михайлѣ Трифоничу на уплату долга.

Прасковья. Какъ, Степанъ Силверстовичъ! Такъ ты хочешь...

Степанъ (*перебивая ее*). Отдать эти деньги моему бывшему ворогу и спасти отъ раззоренія цѣлое семейство.

Прасковья. Что ты, что ты, Господь съ тобой!

Степанъ. А что?

Прасковья. Да развѣ ты забылъ, что эти три тысячи не наши, что они положены были его превосходительствомъ на зубокъ нашему сыну, нашему милому Петинькѣ?

Степанъ (*съ чувствомъ*). Петинькѣ!.. Да, ты говоришь правду. Да онъ-то гдѣ?.. Гдѣ нашъ Петинька?.. Вотъ ужъ годъ пошелъ, какъ онъ изъ инсарей выпросился въ фронтową службу, уехалъ на Кавказъ и съ-тѣхъ-поръ, нѣтъ объ немъ ни слуху, ни духу! Нѣтъ, жена, видно ужъ не видать намъ своего дѣтища, не пощадила знать пуля черкесская, подкузьмила смерть въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Впрочемъ, что-жъ такое? Если Петруша нашъ живъ, если онъ и пріѣдетъ, такъ я увѣренъ, что не разсердится на старика отца, за то, что я его деньги употребилъ на спасеніе погибающаго семейства.—Такъ-ли, Параша?

Прасковья. Твой домъ, твоя и воля, Степанъ Селиверстовичъ, а все-бы, кажись, лучше приберечь эти денежки, да подождать пока...

Степанъ (*перебивая ее*). Михайлу Зуду посадятъ въ тюрьму, а жена съ малолѣтними птенцами пойдутъ по міру?.. Стыдно, Парасковья Антоновна, стыдно!

Прасковья. Ну, вотъ ужъ ты и разгнѣвался! А за что? Да Го-

сподь съ тобой, дѣлай, какъ тебѣ угодно, не слушай ты меня, глупую бабу.

Степанъ. Ну, слава Богу, насилу таки путное словечко выговорила. (*Треплетъ ее по плечу*). Молодецъ баба! Гусаръ Парасковья Антоновна! Давай-же скорѣе, гдѣ у тебя ключъ отъ ларца?

Прасковья. А тамъ, въ той горницѣ, за божницей, на полочкѣ.

Степанъ (*беретъ Прасковью за руку*). Не печалься, жена, и не горюй объ деньгахъ: кто знаетъ, можетъ-быть мы бросимъ хлѣбъ-соль позади, а онъ очутится впереди? Никто, какъ Богъ! (*Уходитъ въ комнату нальво*).

III.

ПРАСКОВЬЯ одна, смотритъ вслѣдъ Степану и послѣ нѣкотораго молчанія говорить.

О-охъ! Степанъ Селиверстовичъ, Степанъ Селиверстовичъ! Да коли самъ плохъ, такъ не подастъ и Богъ! Я слыхала отъ старыхъ людей вотъ что: отруби ту руку по локоть, которая добра себѣ не желаетъ. Другіе бѣгаютъ за счастьемъ, да поймать не могутъ; а намъ въ руки дается, такъ держать не умѣемъ. Ей Богу!

IV.

ПРАСКОВЬЯ и МАВРА.

МАВРА (*входитъ быстро*). Здравствуйте, матушка Парасковья Антоновна!

Прасковья. Ахъ, Мавра Борисовна, Мавра Борисовна! (*Цѣлуются*). Какъ живете, можете?

МАВРА. Помаленьку, золотая моя, по маленечку; какъ васъ Богъ милуетъ?

Прасковья. Да такъ себѣ, живемъ, пока Господь грѣхамъ терпитъ... Не подварить-ли кофеинку?

МАВРА. Нѣтъ, не надо, касатка моя, не утруждайся, пожалуйста, не утруждайся.

Прасковья. Да полно, мать моя, какое тутъ утружденіе?.. Я подварю, право подварю?..

Мавра. Ни, ни, ни! Не надо, пожалуйста, не надо. Я вѣдь и забѣжала-то къ вамъ на одну минутку.

Прасковья. Да что это ты, Мавра Борисовна, какая, право... Ужъ никогда таки и не погостишь путемъ.

Мавра. Голубушка ты моя, Прасковья Антоновна, и рада-бы радостью, да дѣло-то у меня такое, что никакъ урваться не могу; вѣдь я ключница, хлопотъ полонъ ротъ, баринъ-же подъ старость куда брюзгливъ становится: что ни сдѣлаешь, все не по немъ. Ужъ не знаю право, передъ смертью что-ли, только больно капризится. Вотъ хоть-бы и сегодня прѣхаль къ намъ гость; ну что-жъ такое? Ну, гость-такъ гость. Слава Богу, не первый разъ намъ гостей принимать; разумею мы эту политику-то не хуже другихъ.

Прасковья. Ужъ известное дѣло, кому-же и разумѣть, какъ не вамъ: съ-измаленька въ барскомъ домѣ живете.

Мавра. То-то и есть. А что-бы ты думала онъ со мною сдѣлалъ?..

Прасковья. Не знаю, мать моя, не знаю.

Мавра. Три раза дурой назваль!

Прасковья. Ай, ай, ай!.. Да гость-то знакомый?

Мавра. Какой тебѣ знакомый! Первый разъ сегодня прѣхаль рекомендоваться.

Прасковья. Да изъ простыхъ, али изъ благородныхъ?

Мавра. Офицеръ, мать моя, раненный офицеръ; онъ вишь ты опредѣленъ въ нашъ городъ за мѣсто стараго городничаго.

Прасковья. А стараго-то куда-же?

Мавра. Подъ судъ отдали. Да и по дѣламъ ему, ужъ такой притѣснитель былъ, что и не приведи Богъ!

Прасковья. А этого, какъ ты запримѣтила, каковъ будетъ?

Мавра. Да вѣдь Господь его знаетъ, въ чужую душу не влезешь, на взглядъ-то, кажись-бы, и добрый, только ужъ больно молодъ, чай въ головушкѣ-то еще вѣтеръ гуляетъ... Ну, да вотъ сама увидишь, такъ и мнѣ скажешь, вѣдь онъ сегодня-же у васъ побываетъ.

Прасковья (съ удивленіемъ). У насъ?!. Что ты!.. Да зачѣмъ?

Мавра. Ужъ Богъ его знаетъ! Они цѣлое утро съ барининомъ только про васъ съ мужемъ и проговорили.

Прасковья. Экая оказія!.. Экая оказія!.. А не слыхала ты, Мавра Борисовна, въ какомъ, то-есть, разсужденіи они разговоръ-то вели?

Мавра. Вотъ ужъ чего не знаю, такъ не знаю; хоть убей не знаю. Правду сказать, какъ онъ меня въ третій разъ дурой-то назвалъ, такъ я разсердилась да изъ горницы и вышла, а все-таки ухо приложила къ замочной дырочкѣ, и вотъ только это и услышала: «Я сейчасъ пошлю за Степаномъ Козыревымъ!» А тотъ и говоритъ: «Нѣтъ, говорить, не надо, ваше превосходительство, зачѣмъ говорить? Я, говорить, лучше самъ съѣлаю имъ коплиментъ и послѣ обѣдни заведу.» Вотъ нашъ-то старичища и говоритъ: «Да, говорить, это правда, этакъ складнѣе будетъ.» Ну, сударыня ты моя, и поръшили на такихъ кондиціяхъ, чтобы послѣ обѣдни у тебя пирога откусать.

Прасковья. Что ты говоришь!.. И его превосходительство будетъ?..

Мавра. Будетъ, безпремѣнно будетъ; я вѣдь вотъ для этого-то только и прибѣжала къ тебѣ увѣдомить, чтобы въ расплохъ не застали.

Прасковья (*цѣлуетъ Мавру*). Спасибо тебѣ, голубушка, спасибо тебѣ, Мавра Борисовна!.. (*Кричитъ за кулисы*). Степанъ Селиверстовичъ! Степанъ Селиверстовичъ!..

Степанъ (*за кулисами*). Ну, что тамъ?

Прасковья (*въ попыхахъ*). Да поди сюда скорѣе, дѣло есть!.. Экая вѣдь я глупая, вѣдь хотѣла сегодня ватрушки сготовить, такъ нѣтъ-таки: вотъ словно меня лукавый обошелъ... (*Кричитъ за кулисы*) Степанъ Селиверстовичъ! Степанъ Селиверстовичъ! Да что это ты какой право?

V.

ТЪ-ЖЕ и СТЕПАНЪ.

Степанъ (*входитъ*). Что за оказія! Чего ты орешь, словно за языкъ повѣшена?

Прасковья (*тихо*). Полно, срамникъ этакой, не бранись хоть при людяхъ-то. (*Показываетъ на Мавру*). Ну что она подумаетъ?

Степанъ (*увидѣвъ Мавру*). А! Да я и не вижу, а у насъ гостья!

Прасковья. Да, батюшка, да еще какая дорогая, рѣдкая гостья.

Степанъ (*всторуку*). Что и говорить: мастерица языкомъ дробь выколачивать, нехуже барабаннаго старосты. (*Подходитъ къ Маврѣ*). Здравія желаю, Мавръ Борисьевичъ! Извините стараго солдата, что не запримѣтилъ васъ первоначально; повѣрьте, что не изъ какой-нибудь амбиціи, а единственно потому, что отъ по-

роховаго дыму, да и отъ старости, глаза плохи становятся.

МАВРА (*жеманно*) Ничего, батюшка, ничего; мы люди маленькіе, такъ на насъ и зариться нечего. (*Прасковья*). Прощайте, голубушка Парасковья Антоновна, благодаримъ покорнѣйше на ласковомъ приѣмѣ, на угощеніи и на всемъ—на всемъ! (*Цѣлуетъ съ Прасковьей*).

VI.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ МАВРЫ.

ПРАСКОВЬЯ (*проводя Мавру*). Спасибо тебѣ, моя писанная, спасибо тебѣ! (*Возвращается и подходитъ къ мужу*). Что это, Степанушка, словно ты сегодня лѣвой ногой съ кровати всталъ? А знаешь-ли кто къ намъ сегодня послѣ обѣдни въ гости будетъ?

СТЕПАНЪ. Кто-же? Нашъ приходскій дьяконъ, что-ли?

ПРАСКОВЬЯ. Анъ нѣтъ. Ужъ такой гость, что и не вспомнишься отъ радости!

СТЕПАНЪ (*въ волненіи*). Не вспомнюсь! Я не вспомнюсь отъ радости?.. Господи, твоя воля! Ужъ не Петруша-ли?.. не сынокъ-ли нашъ воротился въ домъ родительскій?.. Хозяйка, говори.

ПРАСКОВЬЯ (*грустно*). Нѣтъ, Степанушка, нѣтъ, голубчикъ ты мой, до этакой радости еще мы не дожили.

СТЕПАНЪ (*закрываетъ лицо руками*). Да можетъ-быть и не доживемъ!.. Э—эхъ! Параша, Параша! Шутка твоя со мною не больно складна... Не играй ножемъ—опорѣжешься.

ПРАСКОВЬЯ (*успокаивая его*). Полно, касатикъ ты мой! Я вѣдь не для ради чего, а такъ только... Къ намъ сегодня будетъ въ гости твой старый начальникъ, нашъ благодѣтель и кумъ.

СТЕПАНЪ (*въ сильной радости*). Какъ! Его превосходительство, отецъ-командиръ, Иванъ Львовичъ Чубаровъ?.. Жена! Цѣлуй меня! (*Хочетъ ее поцѣловать*).

ПРАСКОВЬЯ. Полно, тебѣ, Степанъ Селиверстовичъ, проказничать-то на старости лѣтъ. Вотъ подумаемъ-ко лучше, чѣмъ-бы намъ угостить дорогихъ гостей. Вѣдь благодѣтель-то нашъ будетъ не одинъ.

СТЕПАНЪ. А съ кѣмъ-же?

ПРАСКОВЬЯ. Съ какимъ-то раненымъ офицеромъ, который постуаетъ въ нашъ городъ городничимъ.

СТЕПАНЪ. Съ раненымъ офицеромъ?.. О! это должно быть нашъ, вѣрно нашъ! Закладъ держу, что кто-нибудь изъ старыхъ со-

служивцевъ! И его превосходительство нарочно хочет меня обрадовать нечаянною встрѣчей!.. Который-то часъ?.. (*Смотритъ на часы, на которыхъ стрѣлка показываетъ 11 часовъ*). О! я еще успѣю сбѣгать, пока обѣдня не кончится. (*Прасковья*).
Смотри-же, Параша, распоряжайся, прибирайся, живо ворочайся! Отецъ-командиръ проволочекъ не любитъ.

Прасковья. А ты куда-же?

Степанъ. Я только что отнесу вотъ эти деньги бѣдному Михайлѣ Перфильичу.

Прасковья. Да ты тамъ долго пробудешь?

Степанъ. Не успѣетъ стрижена дѣвка косы заплести, какъ я и назадъ вернусь. Прощай! (*Уходитъ*).

VII.

Прасковья (*одна*). Ну, вотъ тебѣ и здравствуй! Я думала, что онъ хоть на радости-то забудетъ про этого Михайлу, анъ не тутъ-то было, вотъ его ужъ и слѣдъ простылъ... (*Смотритъ въ окно*). Вишь-ты, вишь-ты, вѣдь какъ бѣжить, да торопится, чтобы за-дарма бросить сыновнины деньги, словно они у него въ карманъ-то кричѣма-кричать! О-охъ! Степанушка, Степанушка! И дала-бы тебѣ разума, да у самой не хватаетъ. Вѣдь вотъ не даромъ-же говорится пословица: «простота — хуже воровства!» (*Смотритъ въ окно*). Батюшки-святѣ, что-бы это такое значило? Степанушка-то мой назадъ бѣжить!. Не надумался-ли развѣ?.. Охъ, куда-бы это хорошо было.

VIII.

ПРАСКОВЬЯ и СТЕПАНЪ.

Степанъ. Вотъ и дѣло съ концомъ, вотъ и я молодцомъ! (*Прасковья*). Что, я думаю, ты еще и опомниться не успѣла, а я какъ снѣгъ на голову?

Прасковья. Да неужто, Степанъ Селиверстовичъ, ты ужъ былъ у Михайла Перфильича?

Степанъ. Нѣтъ.

Прасковья (*съ радостію*). Такъ и деньги цѣлы?

Степанъ. Нѣтъ.

Прасковья. Какъ нѣтъ! Да гдѣ-же?

Степанъ. Отдалъ.

Прасковья. Кому?

Степанъ. Женъ Михайлы Зуды; она встрѣтилась со мною, бѣжала къ намъ, и бѣдняжка разливается въ слезахъ, что рѣка льется! Имѣніе-то у нихъ, вишь-ты, ужъ все описали, а самого Михайлу взяли въ полицію.

Прасковья. Ахъ, ты, Господи! Экая напасть, экая невзгода!

Степанъ. Да, хозяйка, не дай Богъ этакой бѣды и самому злomu татарину. *(За кулисами слышенъ стукъ подъѣхавшаго экипажа).* Что это, кажется, кто-то подъѣхалъ?.. Ужъ не его ли превосходительство?... *(Смотритъ въ окно и вскрикиваетъ радостно).* Онъ! Онъ самъ, нашъ благодѣтель! Отецъ-командиръ!.. Навстрѣчу къ его превосходительству! *(Убѣгаетъ).*

Прасковья *(суетится).* Ахъ ты, батюшки-свѣты! Гость на дворъ, а у меня ничего не прибрано, нечего не убрано... Экое горе, экое горе! Вотъ того и жду, что куманекъ запоетъ: «у тебя кума улица грязна.» *(Прибираетъ комнату).*

IX.

ТЪ-ЖЕ в ЧУБАРОВЪ, котораго вводить два лакея.

Степанъ *(подвигаетъ кожаное кресло).* Вотъ здѣсь, ваше превосходительство, извольте расположить свою главную квартиру.

Чубаровъ *(садится).* Спасибо, спасибо, Козыревъ. *(Лакеямъ).* Здѣсь я обойдусь и безъ ординарцевъ. *(Слухи уходятъ).* А гдѣ же кума?

Степанъ *(женъ).* Параша! Чего-же ты смотришь? Живо! На вѣсти къ его превосходительству!

Прасковья *(подходитъ къ Чубарову и кланяется).* Здравія желаю, батюшка Иванъ Львовичъ!

Чубаровъ. Здравствуй, здравствуй, кумушка-толстушка... *(Степану).* Козыревъ! да она еще молодецъ?

Степанъ. Ничего, ваше превосходительство, такъ себѣ, годится для нашего брата инвалида.

Чубаровъ. Какое, братецъ, годится? Я того и жду, чтобы мнѣ снова не попасть къ вамъ въ кумовья. *(Прасковья).* Ты объ этомъ какъ думаешь, Параша? А?

Прасковья *(стыдливо).* И! что вы, ваше превосходительство... Куда ужъ намъ?.. *(Всторону).* Экой вѣдь старыи хрѣнь, ужъ какой беззастыдливый! Ижно я вся вспыхнула.

Чубаровъ *(смѣясь).* Что? Стыдно стало? Ну, ничего, ничего. —

А, кстати! Имъете-ли вы извѣстіе объ вашемъ сынѣ — моемъ крестникѣ?

СТЕПАНЪ (*со вздохомъ*). Нѣтъ, ваше превосходительство. Съ-тѣхъ-поръ прошло ужъ десять лѣтъ, какъ онъ уѣхалъ на Кавказъ, и нѣтъ объ немъ ни слуху, ни духу.

ЧУБАРОВЪ. Что-жъ, вы полагаете, онъ убитъ?

СТЕПАНЪ. Больше ничего нельзя и думать.

ЧУБАРОВЪ. Да почему-же ты въ этомъ увѣренъ?

СТЕПАНЪ. Потому, отецъ-командиръ, что онъ не забылъ-бы насъ стариковъ, онъ-бы хотъ изрѣдка, да все таки порадовалъ насъ вѣсточкой.

ЧУБАРОВЪ. Гмъ!.. А давно-ли ты живешь въ этомъ городѣ?

СТЕПАНЪ. Тоже почти десять лѣтъ. Черезъ три мѣсяца послѣ отъѣзда сына, вашему превосходительству угодно было вытребовать насъ сюда изъ Петербурга.

ЧУБАРОВЪ. Хорошо. А написалъ-ли ты ему свой новый адресъ.

СТЕПАНЪ (*смѣшавшись*). Какъ, ваше превосходительство?..

ЧУБАРОВЪ (*настоятельно*). Написалъ-ли ты ему свой адресъ?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, отецъ-командиръ...

ЧУБАРОВЪ. Такъ какъ-же ты, старый дуралей, хочешь получить объ немъ извѣстіе, если онъ не знаетъ, гдѣ вы живете?

СТЕПАНЪ (*опомнившись*). Въ-самомъ-дѣлѣ!.. Ахъ, чортъ возьми!.. (*Женѣ*). Параша! Чего-жъ ты смотрила?

ПРАСКОВЬЯ. Ахъ, батюшка, да я-то что-же?..

СТЕПАНЪ. Что ты? . Глупая баба! вотъ что ты.

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ! Смирно! Не брани жену, если самъ виновать.

СТЕПАНЪ. Ваше превосходительство! простите великодушно! О! Боже милосердный! Я-бы умеръ спокойно, еслибы удалось получить объ немъ хотъ какую-нибудь вѣсточку.

ЧУБАРОВЪ. Ну, а если я могу услужить тебѣ этимъ?

СТЕПАНЪ (*въ сильномъ волненіи*). Какъ!.. Ваше превосходительство?..

ЧУБАРОВЪ. Если я скажу тебѣ: сынъ твой живъ, здоровъ и счастливъ по службѣ. Что тогда?

СТЕПАНЪ. Ваше превосходительство!.. Вы шутите? Этого не можетъ быть!

ПРАСКОВЬЯ (*едва удерживаясь отъ радости*). Куманекъ!.. Голубчикъ!.. (*Опомнившись*). Ахъ!.. ваше превосходительство! да правда-ли это?

ЧУБАРОВЪ. Совершенная правда. Сюда прѣхалъ новый городничій, онъ служилъ на Кавказъ и знаетъ лично вашего сына, который былъ у него подъ командой. Ну, что Козыревъ, доволенъ-ли ты моймъ извѣстіемъ?

СТЕПАНЪ (*въ сильномъ волненіи*). Ваше превосходительство! отецъ-командиръ! не томите души, скажите: гдѣ мнѣ теперь найдти его высокоблагородіе, г-на городничаго?

ЧУБАРОВЪ. Далеко искать незначѣмъ, потому-что онъ сюда самъ явится. (*Двери отворяются и входитъ городничій*). Вотъ онъ и самъ на лицо!

СТЕПАНЪ (*Прасковья*). Жена! Во-фрунтъ.

X.

ТВ-ЖЕ, и ГОРОДНИЧІЙ.

Городничій (*Степану и Прасковья*). Здравствуйте, добрые люди! (*Чубарову*). Извините меня, ваше превосходительство, что замѣшкался; одно непредвидѣнное обстоятельство по новой службѣ задержало.

ЧУБАРОВЪ (*Городничему*). Ну, что дѣлать, любезный другъ! Дружба-дружбой, а служба-службой. Хоть, сказать правду, тебя и ждали здѣсь, какъ свѣтлаго праздника. (*Степану*). Козыревъ! Что-жъ ты остолбенѣлъ? Вотъ этотъ офицеръ можетъ сообщить самыя вѣрныя извѣстія объ вашемъ сынѣ. Спрашивай.

ПРАСКОВЬЯ (*всторону*). Охъ! сердечушко вотъ такъ и замираетъ!

СТЕПАНЪ (*всторону*). Господи! Что со мною дѣлается?.. Я боюсь подойти къ нему...

ЧУБАРОВЪ. Ну, чего-жъ вы оробѣли?

Городничій (*тихо Чубарову*). Ваше превосходительство...

ЧУБАРОВЪ (*тихо*). Молчи! (*Степану*). Козыревъ! да что у тебя языкъ-то въ пятки ушелъ, что-ли?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, ваше превосходительство, но... (*Подходитъ къ городничему*). Извините, ваше благородіе, и простите старяку отцу, у котораго только и есть одна надежда... Вы изволили служить на Кавказъ и, какъ я слышалъ отъ его превосходительства, что сынъ мой...

Городничій. Служилъ со мною въ одномъ полку.

ПРАСКОВЬЯ. Батюшка! ваше благородіе! Расскажите намъ про нашего Петрушеньку, утѣшьте вы мое материнское сердечушко!

Городничій. Съ удовольствіемъ. Тѣмъ болѣе, что никто такъ хорошо не знаетъ вашего сына, какъ я; мы съ нимъ были лучшими друзьями и въ-продолженіе десятилѣтней службы жили душа въ душу.

Степанъ. Какъ! Ваше благородіе удостоили своей дружбы простаго солдата?

Городничій. Напротивъ, сынъ вашъ такой-же офицеръ, какъ и я.

Степанъ (*въ сильномъ волненіи*). Что я слышу?.. Сынъ мой офицеръ!.. Сынъ мой!.. Да нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Ваше благородіе! побойтесь Бога, не подшучивайте надъ старымъ служивымъ и не сводите его съ ума отъ радости!

Городничій. Скажу вамъ больше: сынъ вашъ былъ столько счастливъ, что удостоился знака отличія военнаго ордена.

Степанъ (*въ сильной радости*). Военнаго ордена?!.. Нѣтъ, силъ моихъ не хватаетъ!.. Радость задушить меня!.. (*Женѣ*) Жена! Слышишь-ли ты? Сынъ нашъ офицеръ! Петруша нашъ, Георгіевскій кавалеръ!.. Старуха! Прасковья Антоновна! Пой со мною вмѣстѣ: «Ай, калина! Ай, малина!»

Чубаровъ (*смиется*). Козыревъ! Да ты и въ-самомъ-дѣлѣ помѣшался?

Степанъ (*забывшись и махнувъ рукой*). Не мѣшайте мнѣ, ваше превосходительство! Не мѣшайте, отецъ-командиръ!.. (*Поет и приплясываетъ*).

Нашъ Петруша кавалеръ!

Нашъ Петруша офицеръ!

Ай, калина! Ай малина!

Городничій (*тихо Чубарову*). Ваше превосходительство! Я не въ силахъ болѣе удерживаться!

Чубаровъ (*тихо*). Ну, въ такомъ случаѣ, дѣлай, какъ знаешь.

Степанъ (*какъ будто опомнись*). А!.. Чудная штука мнѣ пришла на разумъ! (*Женѣ*). Старуха! Хочешь ты видѣть нашего Петрушу?

Прасковья. Ахъ, Степанъ Селиверстовичъ, да какъ не хотѣть? Да мнѣ-бы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на него, а тамъ пожалуй я и умереть готова.

Степанъ (*рѣшительно*). Такъ мы его увидимъ!

Прасковья (*въ недоумѣніи*). Какъ, Степанушка! Да какимъ-же манеромъ?

СТЕПАНЪ. Да! Мы его увидимъ!

ЧУБАРОВЪ (*Всторону*). Какого чорта онъ еще выдумалъ?!

СТЕПАНЪ. Я продамъ все мои пожитки, заложу аттестатъ мой на полученіе пенсіона, и поѣдемъ на Кавказъ!

ПРАСКОВЬЯ (*съ радостію*). Поѣдемъ, касатикъ ты мой, поѣдемъ!

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ! Ты говоришь вздоръ и дѣлаешь глупости!

СТЕПАНЪ. Эхъ, ваше превосходительство, да вѣдь ужъ я съ молодыхъ лѣтъ ихъ не дѣлалъ, такъ надо-же хоть подъ старость-то потѣшиться.

ГОРОДНИЧІЙ. Вы напрасно будете беспокоиться, Степанъ Селиверстовичъ. Сына вашего ужъ нѣтъ на Кавказъ.

СТЕПАНЪ (*съ испугомъ*). Нѣтъ!.. А гдѣ-же онъ?

ГОРОДНИЧІЙ. Онъ былъ раненъ?

СТЕПАНЪ. И умеръ?

ГОРОДНИЧІЙ. Нѣтъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Петербургъ...

СТЕПАНЪ. Жена! ъдемъ въ Петербургъ!

ГОРОДНИЧІЙ. И тамъ его вы не найдете.

СТЕПАНЪ. Такъ гдѣ-же онъ?

ГОРОДНИЧІЙ. Ближе.

СТЕПАНЪ. Въ Москвѣ?

ГОРОДНИЧІЙ. Еще ближе.

СТЕПАНЪ. Такъ гдѣ-же?..

ГОРОДНИЧІЙ. Здѣсь.

СТЕПАНЪ и ПРАСКОВЬЯ. Здѣсь?!..

ГОРОДНИЧІЙ. Передъ вами!.. Батюшка! Матушка! Обнимите вашего сына! (*Бросается къ нимъ въ объятія*).

СТЕПАНЪ. Боже правосудный! Не сонъ-ли это?.. Петруша!.. Ты-ли?..

ГОРОДНИЧІЙ. Я, батюшка!

СТЕПАНЪ (*Женѣ*). Нѣтъ, не вѣрю!.. Жена! Посмотри на него хорошенько, онъ-ли это?..

ПРАСКОВЬЯ (*плачешъ отъ радости и цѣлуетъ сына*). Онъ, онъ! Вотъ и родимое пятнышко на правой щекѣ.

СТЕПАНЪ (*въ сильномъ восторгѣ*). Ура! ура... (*Цѣлуетъ сына*). Другъ ты мой милый, Петрушенька! Дай мнѣ, дай хорошенько съ тобой поздороваться!.. (*Вытягивается по солдатски во фронтъ*). Здравія желаемъ, ваше благородіе, сынъ мой возлюбленный!

Городничій (*цѣлуя отца*). Батюшка! Успокойтеть, ради Бога успокойтеть!

Степанъ. Мнѣ успокоиться?.. Нѣтъ, чортъ возьми! Я хочу пѣть... я хочу плясать... (*Женѣ*) Параша! Затягивай снова.

Нашъ Петруша офицеръ!

Нашъ Петруша кавалеръ!

Ай, калина! Ай, малюна!

Чубаровъ (*всторону*). Хотя и жалко, да надо унять его, а то пожалуй этому дурачеству конца не будетъ и онъ проморитъ насъ голодомъ до самаго вечера.—(*Степану*) Козыревъ! Баста!

Степанъ. Не могу, отецъ-командиръ, не могу!.. Посмотрите, вѣдь это мой Петруша! Вѣдь это мой сынъ! Онъ офицеръ! Онъ въ эполетахъ!

Чубаровъ (*топая ногою*). Смирно!.. (*Городничему*). Крестникъ! Вѣдемъ.

Степанъ. (*въ испугъ*). Какъ, ваше превосходительство! вы хотите увезти моего сына?

Чубаровъ. Да! Потому, что я проголодался-да и онъ также.

Степанъ (*ударивъ себя по лбу*). Въ-самомъ-дѣль!.. (*Женѣ*). Розиня ты этакая! Чего ты стоишь? Накрывай на столъ! Живо!

Прасковья (*суетится*). Сейчасъ, батюшка, сейчасъ.

Чубаровъ. Не надо. Сегодня вы объдаете у меня.

Степанъ. Ваше превосходительство, такая честь...

Чубаровъ. Безъ разсужденія! Карета моя здѣсь и мы поведемъ вмѣстѣ.

Степанъ (*Чубарову*). Ваше превосходительство! Не смѣю противиться командирскому наказу, а хотѣлось-бы...

Чубаровъ. Что такое?

Степанъ. Услышать поскорѣ исторію моего Петруши.

Чубаровъ. Онъ ее разскажетъ за столомъ. А между-прочимъ, ты у меня встрѣтишь старыхъ знакомыхъ. Они горятъ нетерпѣніемъ видѣть молодца-солдата, который въ 12-мъ году спасъ ихъ отъ смерти, а старика-отца отъ раззоренія.

Степанъ (*съ восторгомъ*). Какъ, ваше превосходительство! Неужели ваши племянники, эти молоденькіе офицерики?..

Чубаровъ. Теперь ужъ генераль-майоры.

Степанъ. И они не забыли меня, забубенную голову, Степку Козыря?

ЧУБАРОВЪ. Я тебѣ говорю, что они ждутъ не дождутся какъ-бы увидѣть тебя поскорѣе.

СТЕПАНЪ. Такъ ѣдьте-же, отець-командирь.

ЧУБАРОВЪ. Ѣдемъ. (*За кулисами слышны голоса: «Пустите насъ, пустите къ нашему благодѣтелю!»*) Это что такое?

СТЕПАНЪ (всторону). Ну, попался я! (*Женъ тихо*). Параша! Это Михайло Перфильчъ. Ради Бога, не пускай его сюда... Скажи, чтобы пришелъ послѣ... что я самъ зайду къ нему...

XI.

Тѣже, ВУДА, жена его и дѣти.

Вуда (увидя Степана). Вотъ онъ! Вотъ нашъ милостивецъ! Вотъ нашъ спаситель!.. Жена! дѣти! въ ноги благодѣтелю! (*Всѣ бросаются на колѣна передъ Степаномъ и целуютъ ему руки*).

Жена и дѣти. Отецъ нашъ! Да воздастъ тебѣ Господь въдесятеро, всотеро, за то, что ты выручилъ изъ гибели двое семейство.

СТЕПАНЪ (Зудъ) Полно, полно, Михайло Перфильчъ... Какъ тебѣ не стыдно?.. (*Поднимаетъ Зуду и жену его*).

Вуда. Да, Степанъ Селиверстовичъ, ты правду говоришь: мнѣ стыдно взглянуть на себя окаяннаго, какъ только вспомню, сколько зла я причинилъ тебѣ и чѣмъ ты заплатилъ мнѣ за это. (*Плачетъ*).

ЧУБАРОВЪ. Это что еще за исторія?!.. Козыревъ! Объясни мнѣ, что это значитъ?

СТЕПАНЪ (Конфузясь). Такъ, ваше превосходительство... Ну-стакъ!.. Михайлъ Перфильчу, вотъ этому самому, прилучилась нужда въ деньгахъ и я снабдилъ его занюобразно... Да что, не стоитъ говорить, и деньги-то самыя пустыя...

Вуда. Какъ, Степанъ Селиверстовичъ! Три тысячи рублей серебромъ ты считаешь пустыми деньгами?

СТЕПАНЪ (всторону). Ну, бомба лопнула!

ЧУБАРОВЪ. Три тысячи рублой!?. Что за дьявольщина! Да откуда ты взялъ такую сумму? Жадованья за управленіе моимъ имѣніемъ ты съ меня не получалъ ни гроша, потому-что все берегъ вотъ для этого молодца. (*Показываетъ на городничаго*). Скопить изъ пенсіона подобныхъ денегъ нѣтъ средства; откуда-жъ ты ихъ взялъ?

СТЕПАНЪ (запинаясь). Ваше превосходительство...

ЧУБАРОВЪ. Моё превосходительство хочеть знать: откуда ты взялъ эти деньги?

СТЕПАНЪ (*всторону*). Э! была не была! Семь бѣдъ-одинъ отвѣтъ! (*Громко*). Эти деньги чужія, ваше превосходительство!

Всѣ. Чужія.

СТЕПАНЪ. Виновать, отецъ-командиръ! Мой грѣхъ, до меня и дошелъ!—Это тѣ самыя деньги, которыя вы пожаловали на зубокъ вашему крестнику, а моему сыну.

ЧУБАРОВЪ. Bravo, Козыревъ! Bravo!

СТЕПАНЪ (*въ-восторгъ*). Что я слышу! Такъ ваше превосходительство не сердитесь?

ЧУБАРОВЪ (*притворно*). Какъ не сердиться? Я сердить! Очень сердить!.. (*Весело*). Обними меня, старыи дуралей! (*Обнимаетъ Степана*).

СТЕПАНЪ. Господи! Экой чести я удостоился! (*Обращаясь къ сыну*). Петруша! А ты что скажешь, ты? Вѣдь передъ тобою я больше всѣхъ виновать.

Городничий. Батюшка! Можете-ли вы это думать?

СТЕПАНЪ. Такъ меня всѣ простили, кому слѣдуетъ?.. Ура! (*Женя*) Что, старая хрычовка, Прасковья Антоновна? Видишь-ли, всё сдѣлалось по моему, а ты осталась съ носомъ! У-у!

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ! Честь и слава тебѣ за то, что ты умѣешь прощать обиды и любить враговъ своихъ.

СТЕПАНЪ. Эхъ, отецъ-командиръ! Я всегда придерживался по-ловицы: намъ добро, никому зло, вотъ законное житье.

ЧУБАРОВЪ. Прекрасно! А гдѣ ты выучился этимъ правламъ?

СТЕПАНЪ. Въ царской службѣ, ваше превосходительство.

ЧУБАРОВЪ. Стало-быть, по твоему, царская служба...

СТЕПАНЪ. Лучшая школа!

ЧУБАРОВЪ. Bravo! Теперь и я не прочь занять съ тобою вмѣстѣ: «Ай, калина! Ай, малина!»

СТЕПАНЪ. За этимъ дѣло не станеть, ваше превосходительство, вѣдь это моя любимая пѣсня. (*Женя*). Прасковья Антоновна! нутко, калинушку съ малинушкой!

Прасковья. Затягивай, батюшка, а я подтяну.

СТЕПАНЪ.

Хоть въ чужихъ краяхъ бывали,
Но признаться ни одной

Мы земельки не видали,
Краше родины святой!
Въ нашей Руси Православной
Благоденствуетъ народъ;
И подъ властію державной
Какъ соловушко поеть:
Ай, калина! Ай малина!

Хоръ.

Ай, калина! Ай, малина!

18191

9919

